

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЧУВАШИ:

современные этнокультурные процессы

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. В. ПИМЕНОВ

МОСКВА
«НАУКА»
1988

ББК
63.5(2)
Ч-82

Авторы:

Р. А. ГРИГОРЬЕВА, Т. С. ГУЗЕНКОВА, В. П. ИВАНОВА,
П. П. КОХАНОВСКИЙ, В. С. КОНДРАТЬЕВ, Г. А. КОМАРОВА,
А. Д. КОРОСТЕЛЕВ, Г. Б. МАТВЕЕВ, А. Е. ПАХУТОВ,
В. В. ПИМЕНОВ, Т. П. ФЕДЯНОВИЧ

Рецензенты:

доктор исторических наук Ю. В. Арутюнян,
канд. исторических наук Л. А. Иванов,
канд. исторических наук Э. А. Панин

Ч-82 Чуваши: современные этнокультурные процессы.—
М.: Наука, 1988.— 240 с.

ISBN 5—02—009921—X

Книга написана по материалам массового этнографического обследования, проведенного в 1981—1982 гг. в Чувашской АССР. В ней рассматриваются социальная структура чувашского народа, материальная культура, контакты с другими народами региона, этноязыковые процессы, функционирование фольклора и профессиональной духовной культуры чувашей, их взаимодействие с русскими.

Статистическая разработка проведена с помощью ЭВМ, с применением новейших математических методов.

Для этнографов, экономистов, историков.

Ч 0508000000—371
042(02)—88 58—88—II

ББК 63.5(2)

ISBN 5—02—009921—X

© Издательство «Наука», 1988 г.

На современном этапе развития советского социалистического общества Коммунистическая партия и Советское государство выдвинули революционную задачу ускорения научно-технического прогресса. «Речь идет о новом качестве роста, переходе на интенсивные рельсы развития, быстром продвижении вперед на стратегически важных направлениях, структурной перестройке экономики, использовании эффективных форм управления, организации и стимулирования труда, более полном решении социальных проблем»¹. В этой связи возникает новая проблема — проблема обеспечения и подкрепления научно-технического прогресса средствами социальных наук, исследующих человеческий фактор, реализация которого — одно из самых важных условий успеха.

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой результат анализа материалов этнографического обследования, проведенного в 1981—1982 гг. совместно Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР при участии студентов и преподавателей Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Работа посвящена изучению актуальных вопросов в области современных социально-этнических и культурно-бытовых процессов, исследованию общественного мнения трудящихся ЧАССР, анализу закономерностей строения этноса.

В книге подробно рассмотрены программные вопросы исследования, а также дана детальная характеристика социальной структуры чувашского этноса и живущего в Чувашии русского населения. Хотя в целом данная работа посвящена изучению этнокультурных процессов, тем не менее ясно, что именно социальная структура оказывает на них существенное воздействие. Авторы также уделили внимание национально-смешанным микросредам в Чувашии (первичные трудовые коллективы, семьи и т. п.), этноязыковым взаимодействиям (функциональный аспект), традиционной и современной материальной культуре чувашей, состоянию устного народного творчества (фольклора), характеру и форме потребления профессиональной духовной культуры. Кроме того, учитывая важную роль русского населения в Чувашии, сочтено необходимым (помимо приведения сравнительных данных о русских в отдельных главах) по-

святить отдельную главу: обобщенной этнографической характеристике русских — основного этнического партнера чувашей.

Следует отметить, что предлагаемая работа не претендует на исчерпывающее освещение всех проблем современного развития чувашского этноса. Читатели не найдут в ней, в частности, специальных разделов о структуре семьи; за рамками исследования остались и темы, связанные с описанием этнического самосознания, а также с изучением некоторых этнопсихологических показателей. Такая неравномерность в характеристике различных сторон этнических и этнокультурных процессов вызвана объективными причинами: одна из главных состоит в том, что весьма большой объем собранной информации еще не удалось проанализировать полностью. Авторский коллектив намерен в дальнейшем продолжить разработку и других сюжетов, не вошедших в настоящую монографию.

Первичные материалы обследования хранятся в научном архиве НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров ЧАССР в г. Чебоксары. Для облегчения понимания текста в конце книги публикуется основной элемент инструментария, использованного при сборе массового эмпирического материала, — «Вопросник Чувашской этнографической экспедиции» (см. Приложение).

Главы и разделы книги написаны: глава первая и Заключение — В. В. Пименовым; глава вторая — В. С. Кондратьевым (§ 5 написан Г. А. Комаровой); глава третья — Т. С. Гузенковой; глава четвертая — Р. А. Григорьевой; глава пятая — Г. Б. Матвеевым (§ 5 написан А. Е. Пахутовым); глава шестая — Т. П. Федянович (при участии Б. В. Каховского); глава седьмая — В. Г. Родионовым; глава восьмая — В. П. Ивановым; глава девятая — А. Д. Коростелевым. В редактировании сборника принимал участие А. М. Филиппов.

Проектировка выборки осуществлена Э. К. Васильевой; разработка математического обеспечения и переработка информации на ЭВМ — А. Д. Коростелевым.

¹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи: В 3-х т. М., 1987. Т. 2. С. 252.

Проблемы, методы, направления поиска

§ 1. Предпосылки исследования

Современное развитие отечественной этнографии характеризуется двумя важными тенденциями: быстрым ростом ее теоретико-методологического уровня¹ и повышением практического (прикладного) значения этнографических исследований². Настоящая коллективная монография сочетает в себе черты этих тенденций. С одной стороны, ее авторы попытались использовать в работе существенные достижения теоретической и методологической мысли в области этнографии — концепцию этноса как сложной социальной системы, системный подход к этносу как объекту исследования, метод структурного моделирования и компонентный анализ и т. п. (само собой разумеется, что идеи, методы и материалы классической этнографии также находят место в работе). С другой стороны, исследовательский коллектив стремился создать такую книгу, материалы и выводы которой были бы полезны не только специалисту-этнографу, но и достаточно широкому кругу практических деятелей — активу партийных, советских работников, работников культуры и народного образования и т. д., т. е. всем тем, кто реально воздействует на протекание этнических и культурно-бытовых процессов в изученном регионе.

Задача настоящей работы, следовательно, также двойная. Прежде всего она состоит в том, чтобы на основе достоверных источников создать описание объекта изучения, понять его строение, характер современного функционирования и вероятные перспективы будущего развития. И вместе с тем исследование имеет смысл не только само по себе. Авторы надеются, что сделанные ими разработки, выводы и рекомендации будут полезны для понимания социально-этнической ситуации в Чувашии и сыграют свою роль при проектировании управленческих решений, направленных на ее оптимизацию.

Советское социалистическое общество переживает ответственный период истории. Процесс совершенствования социализма теснейшим образом связан с интенсификацией экономики, с научно-технической революцией, с постоянной заботой о гармоничном развитии взаимодействий между производительными силами и производственными отношениями. Советские исследователи вместе с тем принимают во внимание, что живой труд, человек-созидатель есть важнейшая, главная и решающая производительная сила в обществе. Именно человеческая

деятельность, прежде всего трудовая, есть условие и главный фактор всякого прогресса.

Этот вопрос, однако, имеет существенный этнографический аспект, которому не всегда придают должное значение. Человек-труженик, человек-созидатель — это одновременно представитель этноса. Система социальных отношений, в которую он включен, имеет свои этнические стороны; его культурные, языковые, бытовые и другие характеристики являются также этнокультурными, этноязыковыми и т. д. Этнические (национальные) характеристики личности — язык, культура, трудовые навыки, бытовое поведение и т. п. (иначе говоря, его свойства как представителя этноса, т. е. этнофора) — не являются имманентно и изначально заданными, но зависят от воздействия многих факторов — исторических и современных. Поэтому закономерности воспроизводства личностей как этнофоров (носителей этнических свойств) во многом совпадают с закономерностями воспроизводства этносов. Отсюда следует, что если ставится задача изучения человека с точки зрения оптимизации его трудовой, социальной и культурной деятельности, то следует принять во внимание не только факт его принадлежности к этносу, но и целостный социальный контекст (социальные классы, слои, институты и т. п.), всю сеть социально-этнических отношений, в которую включен человек. Это означает, что необходимо подвергнуть исследованию этнос как систему.

Но и этого недостаточно. Этносы, особенно современные советские народы, живут и развиваются не изолированно, а в тесных взаимодействиях друг с другом. В советской этнографии принято выделять реально сложившиеся региональные группы народов разного таксономического уровня, из которых основными выступают историко-этнографические области (ИЭО) ³. Зона расселения чувашей входит в Урало-Поволжскую ИЭО, а в более узком смысле — в группу народов Среднего Поволжья. Вместе с тем все этносы СССР в силу взаимодействия экономических, политических, социальных, культурных и иных факторов образовали более крупную и сложную систему — советский народ, представляющую собой новую историческую общность социалистических этносов.

Из сказанного видно, что при исследовании любого этноса нашей страны этот в высшей степени важный макроуровень должен быть принят в расчет. Кроме того, теоретически ясно и эмпирически проверено, что реализация межэтнических связей, отношений и взаимодействий в значительной мере совершается на микроуровне — в межличностном общении (в первичных трудовых коллективах, семьях, дружеском и соседском окружении и т. п.). Таким образом, характер, интенсивность и последствия межэтнического взаимодействия изучаемого этноса (чувашей) по крайней мере с основным этническим партнером и контрагентом (русскими, живущими в Чувашии) должны быть в должной мере сделаны предметом изучения.

Главная задача, ради решения которой проделаны (как будет видно из дальнейшего) довольно сложные исследовательские процедуры, состоит в том, чтобы обнаружить, познать и верно интерпретировать те сложные структурные связи, отношения и опосредствования (нередко неявные, скрытые и прямо ненаблюдаемые), которые характеризуют современный этнос — советскую социалистическую нацию (в данном случае — чувашскую), и использовать эти знания в интересах человека и общества. Важными звеньями в цепи приложений полученных этнографических знаний могут стать разработки ряда тем, изложенные в соответствующих главах настоящей книги. Среди них — содержательные материалы, выводы и рекомендации, касающиеся социальной структуры чувашского населения республики, межнациональных контактов и взаимодействий в микросредах общения, языкового поведения и двуязычия, использования и потребления различных составляющих культуры — материальной и духовной. Подвергнутые анализу данные свидетельствуют о наличии у чувашей и русских, живущих в Чувашии, немаловажных резервов социально-культурного потенциала, мобилизация и использование которых будут способствовать оптимизации процесса этносоциального развития в республике.

Постановка вопроса об оптимизации процесса этносоциального развития, социально-культурных условий и о выявлении резервов социально-культурного потенциала такого развития побуждает затронуть весьма существенную и очень трудную тему о критерии оптимальности. В данном случае, понятно, речь может идти не об одном-единственном критерии, но об определении ряда социальных целей развития⁴, а также показателей, которые — по мере движения к цели — должны приобретать наименьшие (задачи на «минимизацию») или наибольшие (задача на «максимизацию») значения. Среди таких целей на первое место следует поставить дальнейшую реализацию интернационалистских принципов советского социалистического общества: максимальное сближение этносов при наиболее полном развертывании внутренних возможностей развития каждого из них. Традиционная формула «расцвет и сближение народов» имеет, таким образом, практическую и инструментальную направленность. Естественно, что в системе критериев оптимальности могут и должны найти себе место и мера реализации национальных интересов; и стабилизация миграции, направленная на улучшение режима воспроизводства трудовых ресурсов (особенно в сельской местности); и рост объема, содержания и разнообразия национальной культуры; и повышение уровня удовлетворенности трудящихся социально-культурными и производственными условиями жизни; и рост доли национально-смешанных браков и семей (при повышении их устойчивости); и увеличение доли положительных социально-психологических реакций по поводу разнообразных межэтнических контактов,

общений и взаимодействий. Возможно введение и других критериев.

Коллективно выработанная теоретическая программа исследования опубликована⁵. Кроме того, наша работа является продолжением исследований, предпринятых Институтом этнографии АН СССР⁶, в том числе и в Урало-Поволжском регионе⁷. Поэтому в данном случае нет необходимости подробно излагать программные идеи исследования; помимо уже сказанного выше, здесь можно ограничиться лишь теми соображениями и сведениями, без которых было бы затруднено понимание содержания книги.

При программировании исследования авторы исходили из трех главных условий: 1) характера поставленной научной проблемы; 2) уровня изученности объекта и 3) наличия кадровых и материальных ресурсов. Анализ и оценка условий привели к заключению, что существенно приблизиться к решению проблемы можно путем проведения массового статистико-этнографического обследования, данные которого (при надлежащем использовании также других видов источников) и были положены в основу работы.

Примем во внимание, что уровень этнографической изученности чувашей и русских в Чувашии можно признать довольно высоким. Традиция проведения этнографических обследований восходит к середине XVIII в.— к эпохе Академических экспедиций. Во второй половине XIX и в начале XX в. уже многие стороны культуры и быта чувашей были основательно изучены⁸. В советскую эпоху исследование этнографии этого народа получило дальнейшее развитие. Создан ряд трудов, посвященных истории формирования чувашской народности и нации⁹, изучению фольклора¹⁰, проблемам развития языка и двуязычия в крае¹¹, семье и семейного быта¹², вопросам изменения материальной культуры сельского населения¹³, истории межэтнического общения чувашей¹⁴, описанию их современного быта¹⁵. Написана капитальная обобщающая монография, в которой с позиций классической этнографии комплексно обрисованы разнообразные стороны культуры и быта чувашей¹⁶. Весьма существенно и то обстоятельство, что в Чувашии накоплен некоторый опыт проведения массовых социолого-этнографических (начиная с 1933 г.) и социолингвистических обследований сельского населения республики¹⁷.

Все сказанное свидетельствует о том, что настоящее статистико-этнографическое исследование, ставящее задачей многосторонний (системный) анализ чувашского этноса, следует рассматривать в качестве закономерного этапа в развитии как общих тенденций этнографической науки, так и определенных достижений в этнографическом изучении Чувашии.

§ 2. Объект изучения

Национальное государство чувашского народа — Чувашская Автономная Советская Социалистическая Республика. Здесь сосредоточена наиболее компактно расселенная часть чувашского населения. Кроме того, значительные группы чувашей живут в соседних автономных республиках и областях, а также в Сибири (в составе РСФСР). Территория ЧАССР достигает 18,3 тыс. км², а ее население — 1314 тыс. чел. (на 1 января 1984 г.). Климат умеренно континентальный. Ландшафт лесостепной. Почвы (около 70%) дерново-подзолистые, в южной части — черноземные. Республика принадлежит к Волго-Вятскому экономическому району. В ЧАССР более 200 промышленных предприятий. Машиностроение преимущественно трудоемкого профиля. Вступили в строй Чебоксарская ГЭС, тракторный завод (рис. 1). Сельское хозяйство характеризуется развитыми земледелием и животноводством. В республике около 180 колхозов и более 100 совхозов, оснащенных современной сельскохозяйственной техникой.

Хозяйственные связи весьма широки, в том числе с соседними экономическими районами (и автономными республиками), расположенными в зоне Урало-Поволжской историко-этнографической области. Чувашия поставляет в другие районы страны продукцию машиностроения, химической и электротехнической промышленности, ткани, одежду, хмель и пр.; республика получает из других республик и областей СССР промышленное оборудование, сельскохозяйственную технику, металлы, топливо и др.

В Чувашской АССР созданы и функционируют необходимые социально-политические структуры (областная организация КПСС, ВЛКСМ, профессиональные союзы, органы Советской власти, общественные организации), социальная инфраструктура (система школьного, технического и высшего специального образования, учреждения связи, медицинского и бытового обслуживания и т. п.), институты культуры и средства массовой информации (газеты и журналы, книжное издательство, культурно-просветительные учреждения, театры и др.). Культурные и иные связи с другими республиками и народами осуществляются путем интенсивного обмена производственными и культурными достижениями, межреспубликанскими формами социального соревнования, организацией гастролей творческих коллективов (в том числе театров), проведением смотров национального искусства и литературы в соседних республиках и в Москве¹⁸.

Общая численность чувашей в СССР (на 1979 г.) составляет 1751 тыс. чел.¹⁹ Основной объект изучения — постоянное чувашское население ЧАССР — составляет 50,7% всех чувашей страны; в составе всех жителей республики их доля достигает 68,4%²⁰. В 1979 г. доля горожан чувашской национальности

Рис. 1. Летчик-космонавт А. Г. Николаев на строительстве Чебоксарской ГЭС

среди чувашей СССР составляла 38,8%; в пределах автономной республики доля горожан была меньше (33%); среди городского населения ЧАССР доля чувашей составляла 48,7%; в настоящее время эти показатели несколько повысились²¹.

В составе чувашей исследователи выделяют три своеобразные этнокультурные группы — верховые чувашы (вирьялы), живущие в северной и северо-западной части ЧАССР, низовые чувашы (анатри), живущие в южной части республики, и средненизовые чувашы (анат-енчи), занимающие центральные и северо-восточные районы Чувашии (по культуре они ближе к анатри, а по языку — к вирьялам) (рис. 2). Чувашский язык образует болгарскую ветвь тюркской группы в алтайской семье языков и имеет два взаимопонимаемых диалекта — верховой и низовой. Алфавит (на русской графической основе) создан И. Я. Яковлевым в 70-е годы XIX в. Формирование литературного языка (на основе низового диалекта) завершилось уже в советскую эпоху. Подавляющее большинство чувашей в СССР (81,7%) считают родным чувашский язык, для 18% чувашей родным является русский; кроме того, почти 65% свободно владеют русским языком²².

Этногенез чувашей, как и всякого этноса, сложен. Его истоки восходят к последним векам I тыс. н. э.; он связан с взаимодействием древних кочевников-булгар, переселившихся на Среднюю Волгу, с местными финноязычными (возможно, главным образом протомарийскими) этническими группами. Как полагают, к XV в. сформировалась чувашская народность фео-

дальной эпохи²³. В середине XVI в. чуваши добровольно вошли в состав Русского государства.

Традиционная культура чувашей тесно связана с земледелием и земледельческим крестьянским бытом²⁴. Чувашские крестьяне принадлежали к разряду ясачных, а с XVIII в. входили в состав государственных и удельных крестьян. Капиталистические отношения в чувашской деревне развивались медленно. Формирование рабочего класса и местной национальной интеллигенции, лишь начавшееся в дореволюционное время, совершалось преимущественно в советский период.

В 1920 г. была создана Чувашская автономная область, а в 1925 г. — Автономная республика (в составе РСФСР). Создание чувашской государственности способствовало возникновению соответствующих социальных и культурных институтов, формированию инженерно-технических, культурных, медицинских и управленческих национальных кадров. В органах государственной власти и управления имела место «коренизация» аппарата. Уже в 1927 г. представители чувашской национальности составляли 84,5% всех депутатов сельских Советов, 77,6 — членов волостных исполкомов, 78,3% членов ЦИК АССР (доля чувашей в населении республики в ту пору составляла 74,6%)²⁵. Эта тенденция сохранялась и в последующие периоды. Политика, направленная на создание условий наибольшего благоприятствования развитию национального социально-культурного потенциала, приносила свои плоды: к 1970 г. среди чувашей насчитывалось около 2 тыс. научных работников, около 26 тыс. специалистов с высшим образованием, более 42 тыс. специалистов со средним специальным образованием, 16 тыс. студентов вузов и 21 тыс. студентов средних специальных учебных заведений²⁶. Однако процесс совершенствования социальной структуры протекал неравномерно. Для рабочего класса в составе населения республики в довоенный период росла относительно медленно: в 1940 г. численность промышленных рабочих составляла около 25 тыс. чел.²⁷ Во второй половине 1930-х годов доля чувашей в составе промышленных рабочих достигла 44%²⁸. Принимая во внимание эти черты социальной структуры, исследователи полагают, что применительно к концу 1930-х годов можно говорить о сложении чувашской социалистической нации²⁹.

Тем не менее формирование народа в новый тип этнической общности не завершает его этническую историю, а лишь открывает в ней новую главу. Весьма интенсивные социальные и этнические процессы протекали в Чувашии в послевоенные годы. Существенно возросла численность городского населения, а в его составе — доля чувашей³⁰. Заметно повысилась по сравнению с прошлым энерговооруженность труда в сельском хозяйстве (однако она еще отстает от общесоюзных показателей³¹) что способствовало крупным изменениям в культуре и быте сельского населения.

Важные качественные перемены совершились в различных сферах и слоях культуры: в общественном производстве вытеснены из реального бытования почти все традиционные орудия труда; внедрены новые технологии производства, неизвестные раньше чувашам (как в сельском хозяйстве, так и в промышленности); заметно изменилась система поселений и жилищ (так, за 1950—1970-е годы жилой фонд в селах республики обновился на 72%); стали во многом иными планировка сельского жилища, материалы, из которых оно возводится, характер его интерьера³². В те же годы имели место кардинальные сдвиги в области профессиональной духовной культуры — национальной литературы, театра, музыки, изобразительного искусства, клубного и библиотечного дела, в развитии национальной прессы, издания книг, радио- и телевидения и т. п.³³ Заметно возросли культурные интересы и запросы жителей республики, в особенности промышленных рабочих³⁴.

Современный этап истории чувашской социалистической нации характеризуется сложными и противоречивыми процессами. С одной стороны, сложилось и растет чувашское городское население (в 1979 г. оно составило почти 49% всех горожан в республике), а с другой стороны, чувашское население ЧАССР остается преимущественно сельским (около двух третей). С одной стороны, наблюдается рост, усиление межнациональных взаимодействий в городских поселениях, а с другой — в сельской местности около трех четвертей чувашей и более половины русских продолжают жить в мононациональных селах и деревнях. С одной стороны, в живом бытовании функционируют немаловажные черты и элементы традиционной фольклорной и ремесленно-промысловой культуры (сказки, песни и танцы, некоторые предметы утвари, одежды и проч.), а с другой — в современном обиходе не только горожан, но и большинства сельских жителей заняты прочное положение произведения профессиональной культуры, изделия промышленности и современные бытовые технические средства (от автомобиля до телевизора). С одной стороны, среди чувашей можно констатировать рост интереса к тому, что называют ценностями национальной культуры (имея в виду широкий комплекс реалий — от традиционной вышивки до романов чувашских писателей), а с другой — даже, так сказать, невооруженным глазом видно, как широко и разнообразно чувашское население усваивает интернациональную советскую культуру, в том числе русскую.

Подобного рода противоречия — одни в более интенсивной форме, другие менее заметно, а некоторые совершенно скрыто от внешнего наблюдения — наполняют собой реальный процесс функционирования этноса. Выявить их характер, диалектику воздействия на этнический процесс в целом и его отдельные стороны — такова одна из основных задач, поставленных авторами настоящей книги.

Уловить эти противоречия, эти сложные и тонкие связи,

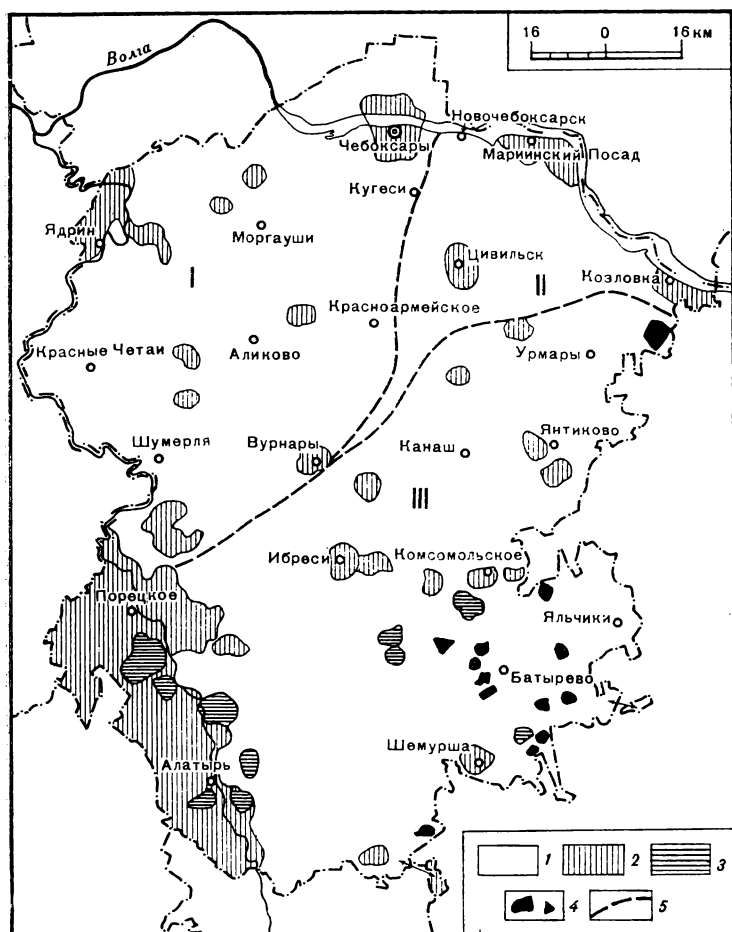

Рис. 2. Этнические группы на территории Чувашской АССР (схема):

I — верховые чуваша (вирьяты); *II* — средненизовые чуваша (анат-енчи); *III* — низовые чуваша (анатри); 1 — чуваша; 2 — русские; 3 — мордва; 4 — татары; 5 — граница групп чувашей

определить структуру внутриэтнических и межнациональных отношений, приблизиться к пониманию диалектики этнического процесса — весь этот комплекс многоаспектных и трудных задач можно попытаться рассмотреть с помощью методики, основанной на массовом обследовании представительных выборочных совокупностей чувашского и русского населения при использовании некоторых статистических процедур. Обследованию подверглись 4200 респондентов в возрасте от 16 лет и старше (1200 чувашей в городах и 1200 — в селах; 800 русских в городах и 800 — в селах, что составляет соответственно около 0,5;

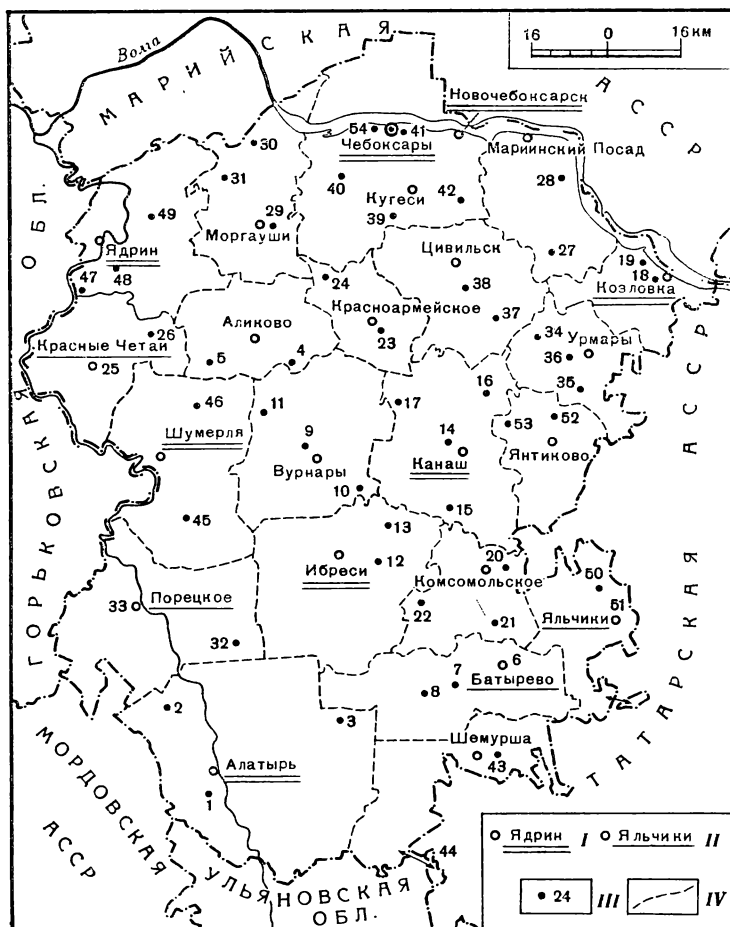

Рис. 3. Городские и сельские населенные пункты Чувашской АССР, обследованные экспедицией в 1981—1982 гг. (схема):

1 — пос. Советский; 2 — с. Березовый Майдан; 3 — с. Старые Айбеси; 4 — д. Верхние Карачуры; 5 — д. Торопкасы; 6 — с. Батырево; 7 — д. Подлесные Шигали; 8 — с. Тарханы; 9 — д. Старые Яхакасы; 10 — д. Зеленовка; 11 — д. Шинеры; 12 — д. Нижнее Кляшево; 13 — с. Климово; 14 — д. Большие Бикшихи; 15 — д. Новое Урюмово; 16 — д. Челкумаги; 17 — с. Ямашево; 18 — д. Карцев Починок; 19 — д. Солдыбаево; 20 — д. Александровка; 21 — д. Степные Шихазаны; 22 — д. Новые Мураты; 23 — с. Красноармейское; 24 — д. Ойрисюрт; 25 — с. Красные Четаи; 26 — д. Чербай; 27 — с. Октябрьское; 28 — с. Кушниково; 29 — д. Шептаки; 30 — с. Большой Сундырь; 31 — выс. Первое Мая; 32 — с. Гарт; 33 — с. Порецкое; 34 — с. Буртасы; 35 — д. Новые Шелканы; 36 — д. Чубаево; 37 — д. Мунсют; 38 — с. Иваново; 39 — д. Ямбарусово; 40 — д. Важуково; 41 — д. Аникеево; 42 — д. Шорчекасы; 43 — д. Большое Буяново; 44 — д. Яблоновка; 45 — п. Дубовка; 46 — д. Пояндайкино; 47 — с. Ильина Гора; 48 — д. Персирланы; 49 — д. Алексеевка; 50 — д. Старое Янашево; 51 — с. Яльчики; 52 — д. Новое Буяново; 53 — д. Норваш-Кошки; 54 — поселения, подчиненные Чебоксарскому горсовету. I — обследованные города и ПГТ; II — обследованные райцентры; III — обследованные сельские поселения; IV — границы районов

0,3; 0,4; 1,6% от численности указанных групп населения; кроме того, были обследованы 200 представителей чувашской творческой интеллигенции в г. Чебоксары). О территориальном размещении выборки дает представление рис. 3. Ошибки репрезентативности не превышают допустимых пределов (так, доля мужчин в выборке в чувашском городском массиве превысила их долю в генеральной совокупности на 1,7%; в чувашском сельском массиве она оказалась меньше на 0,1%; доля лиц в трудоспособном возрасте превысила их долю в генеральной совокупности соответственно на 0,9 и 0,7% и т. п.).

§ 3. Структурно-функциональные связи в системе чувашского этноса

Инструментарий, примененный для проведения обследования, включает «Вопросник Чувашской этнографической экспедиции» (см. Приложение) и «Инструкцию» по его заполнению³⁵. «Вопросник» содержит 123 вопроса-индикатора, объединенных в десять разделов: а) территориально-географическое размещение объекта (группа Т-переменных); б) его демосоциальная структура (группа DS-переменных); в) характер и интенсивность межэтнических (чувашско-русских) контактов (группа R-переменных); г) языковое поведение и двуязычие (L-переменные); д) материальная культура (K_м-переменные); е) семейные обряды и обычаи (С-переменные); ж) фольклорный слой духовной культуры (F-переменные); з) профессиональный слой духовной культуры (группа K_р-переменных); и) этнопсихологические характеристики (группа Р-переменных); к) контрольные вопросы. Каждая из перечисленных групп вопросов-индикаторов, кроме последней, представляет ту или иную сторону (компоненту) этноса.

После осуществления сбора информации (во время которого особое внимание было обращено на обеспечение достоверности получаемых сведений) и ее переработки на ЭВМ наступил этап собственно научного анализа. Его существенным элементом стало построение структурных моделей (которые отчасти отражают и функциональные зависимости путем использования имеющих массивов информации (городских и сельских), каждый из которых обрабатывался отдельно. Разработка данных обследования, таким образом, включала не только получение одномерных и многомерных статистических таблиц, но и исчисление коэффициентов связи между переменными³⁶. Важно подчеркнуть, что этот последний прием использован радикально и в полном объеме, т. е. исчислены связи между всеми переменными.

Исследователи не знали заранее, каковы будут эти связи по типу, направленности, интенсивности и т. п., однако априори было ясно, что интенсивность, направленность и другие характеристики этих связей будут существенно различаться, как оно

и оказалось в действительности. Элиминируя слабые и в данном случае несущественные связи и оставляя для дальнейшего рассмотрения лишь относительно более сильные и существенные, удалось построить графические модели таких связей (рис. 4, а и б).

Обратимся к рассмотрению структурных моделей чувашского этноса в их сельском и городском вариантах. Начнем с граф-модели, построенной по материалам сельского чувашского массива (рис. 4, а). Легко заметить, что интенсивность и густота связей между переменными сильно различаются; хорошо заметны зоны сгущения таких связей, но наряду с этим некоторые группы переменных либо слабо связаны с основной зоной сгущения, либо полностью обособлены от нее (при заданном критерии величины коэффициента R).

Главная зона сгущения связей между переменными, занимающая на графе срединное положение, представляет собой демосоциальное основание этноса (иначе — его DS-компоненту). В эту наиболее влиятельную группу входит ряд характеристик,

Рис. 4. Общая структурная модель этноса, коэффициент Райского (R):

А — чуваш, село; Б — чуваш, город.

4 — этнографическая зона; 5 — тип населенного пункта; 6 — национальный состав населения; 7 — пол; 8 — возраст; 9 — образование в момент обследования; 10 — образование (старт); 11 — СПС в момент обследования; 12 — сфера приложения труда; 13 — социально-классовая принадлежность; 15 — возраст в начале трудовой деятельности; 16 — СПС (старт); 18 — Изменение социально-классовой принадлежности; 19 — изменение социально-профессионального статуса; 20 — длительность проживания в поселении; 21 — миграция (территориальная); 22 — миграция (из села или из города); 23 — мотивы миграции; 26 — общественная деятельность; 27 — структура внепроизводственной деятельности; 29 — семейное положение; 31 — оценка отношений в семье; 32 — состав семьи; 33 — поколенно-ролевой состав; 34 — национальность родителей; 35 — национальность супруга (и); 37 — знание субэтнических групп; 38 — субэтническое самосознание; 39 — знание субэтнической группы супруга (-и); 42 — наличие подсобного хозяйства; 43 — планы по поводу подсобного хозяйства; 44 — зарплата (индивидуальный доход); 45 — среднедушевой доход в семье; 47 — национальный состав коллектива; 52 — частота посещений города; 53 — частота межнациональных контактов; 54 — сферы межнациональных контактов; 55 — национальность адресата; 56 — язык детства; 57 — каким языком лучше владеют; 58 — родной язык; 59 — язык обучения в школе; 60 — язык в семье; 61 — язык на работе; 63 — язык публичных выступлений; 64 — степень знания чувашского языка; 55 — степень знания русского языка; 66 — язык мышления при межэтническом контакте; 70 — знание традиционной одежды; 71 — хранение традиционной одежды; 72 — ношение традиционной одежды; 73 — одежда на свадьбе; 74 — одежда на проективной свадьбе; 75 — ремесленно-художественные навыки; 78 — бытование предметов индустриальной культуры; 79 — знание традиционных кушаний; 80 — умение готовить традиционные блюда; 81 — бытование традиционных кушаний; 82 — знание традиционной свадьбы; 83 — тип реальной свадьбы; 84 — дата свадьбы; 85 — тип проективной свадьбы; 87 — знание родинных обрядов; 89 — знание погребального обряда; 90 — соблюдение погребальных обрядов; 92 — соблюдение религиозных обычаев в семье; 93 — отношение к религии; 94 — знание дохристианских верований; 97 — знание сказок и преданий; 98 — знание народных песен; 99 — отношение к народным песням (этнические предпочтения); 101 — знание народных танцев; 102 — отношение к народным танцам (этнические предпочтения); 103 — знание национальных писателей; 104 — репертуар чтения художественной литературы; 105 — предпочитаемые художественные произведения; 107 — репертуар чтения прессы; 108 — знание профессиональной национальной музыки; 109 — отношение к национальной музыке (выбор концерта); 111 — репертуар радио и ТВ-спектаклей; 116 — знание национальных героев; 119 — знание субэтнических различий

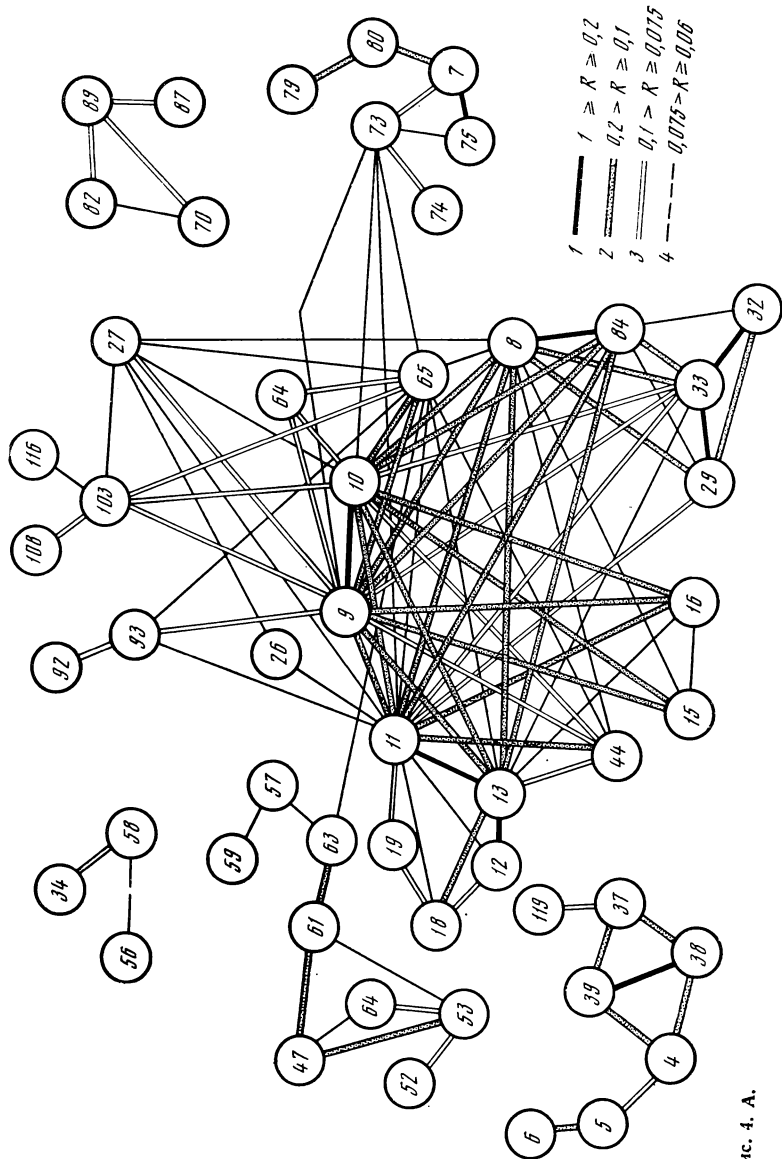
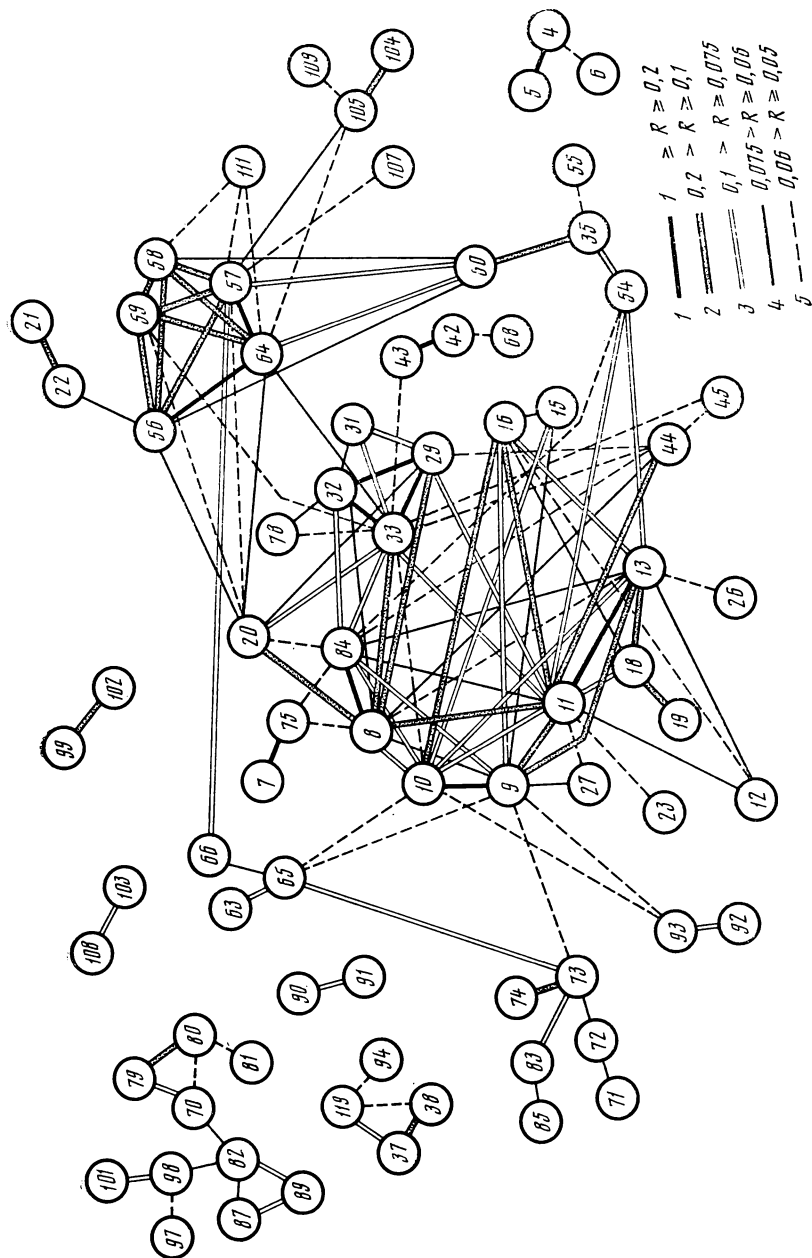

Рис. 4. А.

образующих столь плотный и мощный синдром, руководящее влияние которого на все остальные структурные составляющие этноса не вызывает сомнений. К обсуждаемой группе относятся одиннадцать переменных, а именно 11-я и 16-я (СПГ опрошенных в момент проведения опроса и в начале их трудовой деятельности), п. 12 (сфера приложения труда), п. 44 (уровень заработной платы респондентов), п. 13 (классовый состав населения), п. 18 и 19 (динамика изменения классовой принадлежности и социально-профессионального статуса), п. 8 и 15 (возраст респондентов в момент опроса и в начале трудовой деятельности), наконец, п. 9 и 10 (образование опрошенных в момент опроса и в начале трудовой деятельности).

Подробный анализ DS-компоненты, этого структурного ядра этноса, читатель найдет в следующей главе; но уже здесь необходимо подчеркнуть, что за демосоциальным основанием стоят еще более мощные факторы — производительные силы и производственные отношения социалистического общества.

К демосоциальному ядру (основанию) тесно примыкает и, собственно говоря, отчасти даже входит в него особая субструктура, а именно группа переменных, выражающих семейные отношения; это п. 29 (семейное положение опрошенных), п. 32 (состав семьи), п. 33 (поколенно-ролевая позиция информатора в семье) и п. 84 (дата вступления в брак). Кроме того, к DS-основанию примыкают и тесно с ним сопряжены п. 27 (структура внепроизводственной деятельности) и п. 26 (участие в общественной деятельности).

Другой блок переменных, занявший в графе (при избранном критерии отбора существенных связей) обособленное положение, включает характеристики пространственного размещения чувашей и их субэтнических групп, а также отражение этого аспекта этнического бытия в сознании этнофоров. В этом блоке совместились показатели, представляющие типы сельских населенных пунктов (п. 5) и этнический состав их населения (п. 6), этнографические зоны — территории, заселенные вирьялами, анатри и анат-енчи (п. 4), принадлежность опрошенных и их брачных партнеров к этим группам (п. 38 и 39), знание этнофорами этнических групп чувашей (п. 37) и различий между ними (п. 119).

Особое место занимает относительно автономная группа R — переменных, характеризующих уровни межэтнического контактирования чувашей (преимущественно с русскими и татарами); в эту группу включены п. 53 (общая частота межнациональных личностных контактов), п. 47 (этнический состав первичного трудового коллектива), п. 54 (характеристики того, где именно чувашаи чаще всего вступают в межэтнические контакты, т. е. сферы контактов), п. 52 (частота поездок сельских жителей в город).

Важная роль принадлежит группе факторов, выражающих языковые (L) характеристики изучаемого объекта. При избранном критерии отбора существенных связей некоторые из языковых переменных, будучи тесно сопряжены друг с другом, тем не менее оказались за пределами основной части модели: это п. 56 (язык раннего детства), п. 58 (выбор родного языка); последняя переменная оказалась в зависимости от п. 34 (национальность родителей информатора). С основным контуром общей модели тесно сопряжены переменные, характеризующие степень знания чувашского (п. 64) и русского (п. 65) языков. С ними, в свою очередь, связаны индикаторы: п. 59 (язык обучения в школе), п. 57 (каким языком — чувашским или русским — лучше владеют респонденты), п. 61 (языковое поведение на работе), п. 63 (язык публичных выступлений).

Заметный, относительно обособленный контур связей между переменными сложился из показателей, имеющих отношение к некоторым аспектам традиционной материальной культуры (K_m): п. 73 и 74 (одежда на реальной свадьбе и в проективной ситуации), п. 75 (художественно-ремесленные навыки респондентов, т. е. умение ткать, вышивать, заниматься резьбой по дереву и т. п.), п. 79 и 80 (знание и умение готовить национальные чувашские кушанья).

Особое место заняла группа переменных, репрезентирующая в данном случае обрядовую (C) компоненту этноса; любопытно, что в эту группу вошли факторы, характеризующие знание соответствующих обрядов: п. 82 (знание свадебного обряда), п. 87 (знание обряда родин), п. 89 (знание погребального обряда).

Наконец, на модели проявилось также положение еще одной группы переменных, а именно знание современной профессиональной культуры. Среди них п. 103 (знание чувашских писателей) и п. 108 (знание чувашской профессиональной музыки).

Обратимся теперь к граф-модели, построенной по данным городского чувашского массива информации (этот граф построен при более либеральном критерии отбора существенных связей, чтобы выявить некоторые важные детали) (см. рис. 4, б). Мы не будем его описывать с той же подробностью, с какой только что был описан сельский вариант модели. Укажем лишь на сходство и различие между этими двумя вариантами. Черты сходства между ними очень существенны. Определенно выявляется DS-основание, представленное, однако, большим числом переменных (включая, например, отчасти факторы, характеризующие процессы миграции, — п. 20 и 23).

Наличивается группа переменных, объединяющая пространственно-географические аспекты этноса (п. 4, 5, 6). Представлен (хотя лишь частично) блок межэтнических личностных контактов (п. 35, 54, 55). Очень своеобразно и привлекает к себе внимание строение L-компоненты. Обособленное положение заняли группы факторов, репрезентирующие традиционную мате-

риальную культуру, фольклорную (F) и обрядовую (C) компоненты. Четко выделились две группы переменных, представляющих профессиональную культуру (K_p).

Из сопоставления двух вариантов модели можно легко заметить, что они похожи одна на другую. Центральное положение DS-основания и его роль, явно определяющая все остальное в этносе; существенное значение пространственно-поселенческой структуры и межэтнических контактов; известное сходство в строении L-компоненты и т. п. — все это, несомненно, сближает оба варианта — сельский и городской — общей структурной модели чувашского этноса, выявляет их принципиальную общность.

Однако между ними есть и различия, которые имеют большое значение. Прежде всего, городская граф-модель богаче, она обильнее насыщена разнообразными переменными и отношениями между ними. И дело здесь не только и не столько в том, что в данном случае использован более либеральный критерий при отборе минимальных связей между переменными ($R \geq 0,05$), но также в том, что городская граф-модель отражает более динамичную, более наполненную движением обстановку, в которой функционирует часть этноса, расселенная в городах республики.

Кроме того, — и это тоже очень важно — уже предварительный анализ модели показывает, что реальные связи между переменными, их группировка в относительно обособленные субструктуры не полностью соответствуют априорной структуре этноса и его компонент. Разумеется, каждый нормально функционирующий и развивающийся этнос (и чувашский в том числе) обладает собственным пространственным размещением, экономико-социальной компонентой, L-характеристиками, обрядовой жизнью и остальными чертами и свойствами, которые являются его сторонами (или компонентами). Однако реальные связи и отношения между образующими эти компоненты характеристиками (элементами, составляющими) необязательно и не во всех случаях складываются так, что формируются субструктуры, строго включающие только те переменные, которые относятся именно к данной компоненте. (Согласно такой логике, языковые переменные, например, должны были обязательно сплотиться в особую языковую субструктуру, обрядовые — в C-субструктуру, а факторы, отражающие профессиональную духовную культуру — в K_p -субструктуру.) Однако действительность сложнее и «хитрее» наших предварительных построенных схем.

Понятие «компоненты этноса», весьма важное для описания и анализа объекта, тем не менее не позволяет отобразить его с желаемой степенью точности, если его (это понятие) не дополнить еще одним, выражающим способ реальной (эмпирической) группировки переменных. Этнос — подвижный, изменчивый, развивающийся феномен. Его общее строение и отдельные субструктуры подвержены изменениям, нередко весьма радикальным.

Приступая к исследованию чувашского этноса, когда он предварительно рассматривается как бы извне, исследователи, понятно, исходили из того, что в нем наличествует более или менее ясно выраженный, так сказать «стандартный», набор компонент. На том этапе исследования еще не было известно, как в действительности складываются связи и отношения между переменными, какова реальная структура изучаемого объекта и насколько она соответствует первоначальному — идеальному — представлению об этносе. Опыт ранее проведенных исследований, а также результаты изучения чувашского этноса показывают, что в каждом данном этносе обнаруживаются свои собственные тип и характер связей между факторами, индивидуальные и отнюдь не стандартные (конечно, при наличии общих черт). Таким образом, введение понятия относительно автономной группы переменных (или относительно автономной субструктуры) требуется тогда, когда этнос уже можно рассматривать как бы изнутри, изучая его с точки зрения непосредственно ненаблюдаемых структурных взаимодействий. С помощью этого понятия (относительно обособленная субструктура) обозначается реальная (эмпирическая) группировка переменных внутри системы этноса, моменты формирования, перестройки и деформации как отдельных компонент, так и этноса в целом. Эти два понятия (и явления) — компонента этноса и относительно автономная субструктура — не исключают друг друга, а находятся между собой в отношениях дополнительности³⁷.

Использование структурного моделирования дает в данном случае возможность сделать еще один шаг вперед — в направлении исследования общих свойств этноса, выступающего как целостность. В самом деле, если этнос — связанное целое, система, а не простая сумма компонент, то из этого вытекают по крайней мере два следствия.

1. Этнос обладает качеством системы, ему присущи системные свойства, что прежде всего выражается в его внутреннем строении, т. е. в структуре. Структура этноса есть закон его организации. Практический вывод из данного следствия состоит в том, что изучение отдельных сторон этноса (в том числе и направленное на решение управленческих, прикладных задач) должно учитывать общую структуру отношений в системе, принимать во внимание целостный контекст связей.

2. В структуре этноса заслуживают внимания всякие связи — сильные и слабые, прямые и опосредствованные, причинные и корреляционные. Выделение сильных и наиболее существенных связей при построении граф-моделей — это лишь выявление «каркаса», «скелета» в рамках всей структуры, начало анализа. Продолжение и завершение анализа сопряжено с изучением «ткани» этноса, что зачастую требует рассмотрения тонких «механизмов» отношений и изучения слабых связей между переменными. Общая «ткань» этноса, включающая в себя огромное множество слабых связей, создает ситуацию, которую можно

назвать «эффектом лилипутов и Гулливера», ситуацию, когда это очень большое множество связей — сильных и слабых, явно существенных и, казалось бы, несущественных — выступает в качестве комплексной (интегрированной) причины устойчивости всей системы.

Предварительное рассмотрение двух (сельского и городского) вариантов модели чувашского этноса определенно показывает, что несомненно эффективный метод структурного моделирования может быть действительно полезен и результативен лишь при том условии, что его применение от начала и до конца опирается на марксистско-ленинскую теорию — как в общем (диалектический и исторический материализм), так и по более конкретным теоретическим вопросам (историко-материалистическая теория нации, ленинская теория культуры и др.). Связи, отношения, свойства, структурные элементы и другие характеристики, выявленные с помощью моделирования, должны быть подвергнуты строгому логическому анализу, опирающемуся на всю совокупность известных исследователям фактов.

- ¹ См. например: *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
- ² *Бромлей Ю. В.* О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности//СЭ. 1983. № 6; *Бромлей Ю. В., Шкаратан О. Н.* Национальные трудовые традиции — важный фактор интенсификации производства//СЭ. 1983. № 2.
- ³ *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М., 1971. С. 215 и сл.; *Андрянов Б. В.* Этнос и историко-этнографические области//Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983. С. 5 и сл.
- ⁴ Ср.: *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С. 154.
- ⁵ Современные этнические процессы в Чувашской АССР: Методические указания и рекомендации по программированию, технике и организации статистико-этнографического исследования. Чебоксары, 1984.
- ⁶ Опыт этносоциологического исследования образа жизни: (По материалам Молдавской ССР). М., 1980; *Дробижева Л. М.* Духовная общность народов СССР: Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981.
- ⁷ Социальное и национальное: (Опыт этносоциологических исследований по материалам ТАССР). М., 1973; *Пименов В. В.* Удмурты Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977; *Пименов В. В., Васильева Э. К., Мартынов В. Н., Христолюбова Л. С., Шалаев Н. С.* Программа этносоциологического исследования этнических процессов в советской Мордовии//Материальная и духовная культура мордвы в XVIII—XX вв. Саранск, 1978.
- ⁸ См.: Вопросы историографии историко-этнографического изучения Чувашии. Чебоксары, 1981.
- ⁹ *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа: (Основные этапы этнической истории). Чебоксары, 1965.
- ¹⁰ См., например: *Сироткин М. Я.* Чувашский фольклор: Очерки устного поэтического народного творчества. Чебоксары, 1965.
- ¹¹ *Михайлов М. М.* Двухязычие (принципы и проблемы). Чебоксары, 1969; *Петров Н. П.* Чувашский язык в советскую эпоху: (Развитие социальных функций и литературных норм). Чебоксары, 1980.
- ¹² См.: *Фокин П. П.* Изучение семьи и брака чувашей: (К историографии вопроса)//История и культура Чувашской АССР: Сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары, 1972. Вып. 2; *Он же.* Семья в современной чувашской деревне//История и этнография Чувашской АССР//Тр. ЧНИИ. 1975. Вып. 56; *Иванов В. П.*

- О некоторых этнографических аспектах изучения современной городской семьи Чувашской АССР//Современные этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары, 1979; и др.
- ¹³ *Никольский Н. В.* Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1929. Вып. 1; *Воробьев Н. И.* Краткие итоги изучения материальной культуры чуваш//СЭ. 1952. № 4.
- ¹⁴ *Димитриев В. Д.* Общение чувашей с русскими и влияние русской культуры на чувашскую в конце XIX — начале XX в./Учен. зап. НИИ при СМ ЧАССР. 1968. Вып. 40.
- ¹⁵ *Иванов Л. А.* Современный быт и культура сельского чувашского населения. Чебоксары, 1973.
- ¹⁶ *Воробьев Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонова А. Р.* Чуваш: Этнографическое исследование. Чебоксары. Ч. 1, 1956. Ч. 2, 1970.
- ¹⁷ Подробнее см.: *Денисов П. В.* Этнографическое изучение чувашского народа за годы Советской власти//Учен. зап. НИИ при СМ ЧАССР. 1968. Вып. 40. С. 305; *Иванов Л. А.* Из наблюдений о бытовых условиях и культурных запросах сельского чувашского населения//Там же. С. 277—284; *Андреев Н. А.* О размерах распространения двуязычия среди сельского населения Чувашской АССР: (Опыт изучения языковой ситуации современной чувашской деревни)//Учен. зап. НИИ ЯЛИЭ при СМ ЧАССР. 1980. Вып. 46.
- ¹⁸ Подробнее см.: БСЭ. 3-е изд. 1978. Т. 29. С. 705 и сл.; Ежегодник БСЭ. М., 1984. Вып. 28. С. 160—161; *Денисов П. В., Иванов Л. А.* Чуваш//Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 175 и сл.
- ¹⁹ Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 71.
- ²⁰ Там же. С. 82.
- ²¹ В составе населения ЧАССР к 1982 г. доли городского и сельского населения сравнялись: каждая из них равна 50%. См.: Население СССР: Справочник. М., 1983. С. 176.
- ²² Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. С. 71.
- ²³ История Чувашской АССР. Чебоксары, 1983. Т. 1. С. 54.
- ²⁴ *Воробьев Н. И.* Чуваш//Народы Европейской части СССР. М., 1964. II. С. 602 и сл. (Сер. «Народы мира»).
- ²⁵ Национальный состав выборных органов власти: РСФСР в 1927 г. М., 1928. С. 64—65.
- ²⁶ Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сб. М., 1971. С. 196, 240, 270.
- ²⁷ История промышленности и рабочего класса Чувашии. Чебоксары, 1978. С. 211.
- ²⁸ Там же. С. 234.
- ²⁹ История Чувашской АССР. Чебоксары, 1967. Т. 2. С. 97 и сл.
- ³⁰ См.: *Соков А. П.* Динамика национального и языкового состава городского населения Чувашской АССР//История и этнография Чувашской АССР. Чебоксары, 1976. С. 93, 96 и сл.
- ³¹ См.: *Тимофеев А. И.* Некоторые аспекты изменения социальной структуры сельского населения Чувашской АССР//Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары, 1978. С. 34.
- ³² *Фокин П. П.* Этнические процессы в Чувашии за годы Советской власти//Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары, 1978. С. 16 и сл.
- ³³ См.: *Сергеев Т. С.* Социалистическая культура Чувашии. Чебоксары, 1984.
- ³⁴ См., например: *Каховский В. Ф., Ахмеев С. Н., Иванов Л. А.* Чебоксарский хлопчатобумажный комбинат. Чебоксары, 1979. С. 143 и сл.
- ³⁵ Инструкция опубликована. См.: Современные этнические процессы в Чувашской АССР... Прил. 2.
- ³⁶ Исчислены коэффициенты R (Райского) и T (Чупрова). Подробнее об этом см.: Современные этнические процессы в Чувашской АССР... С. 81 и сл.
- ³⁷ Ср.: *Алексеев И. С., Бородин Ф. М.* Принцип дополнительности в социологии//Моделирование социальных процессов. М., 1970.

Социальная структура чувашского этноса

§ 1. Состав и взаимодействие демосоциальных (DS) переменных

Статистико-этнографическое исследование населения Чувашской АССР, направленное в первую очередь на изучение этнокультурных процессов у народов, населяющих республику, не может обойтись также без аналитического рассмотрения этносоциальных процессов. При таком подходе немаловажным становится вопрос о структуре демосоциальных факторов, их взаимосвязях, о тенденциях социальных изменений, ибо само внутреннее функционирование такого комплекса переменных, отражающих реальные этносоциальные процессы, происходящие в нашем обществе, обуславливает специфические черты этнокультурных изменений.

В этой связи желательно рассмотреть, каковы общие закономерности взаимосвязей DS-характеристик, описывающих четыре группы населения Чувашской АССР: городских и сельских чувашей, городских и сельских русских. Для ответа на поставленный вопрос следует проанализировать весь комплекс связей DS-переменных и выделить относительно сильные связи (количественно оцениваемые значениями информационного коэффициента Райского (R) выше некоторого уровня, например 0,06). Построим граф связей, в который включены лишь те переменные и связи между ними, что наблюдаются во всех четырех массивах информации. В результате этой операции в граф связей, общих как для чувашского, так и для русского населения, оказываются включенными 16 переменных (см. рис. 5), описывающих возрастной состав жителей республики (п. 8), уровень их образования (п. 9, 10), классовый (п. 13) и социально-профессиональный (п. 11) состав, социально-ролевой статус респондента в семье (п. 33). Все эти переменные тесно взаимосвязаны между собой. Кроме того, сюда же вошли показатели социальной мобильности (п. 18, 19), семейного положения (п. 29) и состава семьи (п. 32), сферы приложения труда (п. 12), общественной активности (п. 26), возраста в начале трудового пути (п. 15) и социально-профессионального статуса в тот же период (п. 16), уровня заработной платы (п. 44) и форм проведения досуга (п. 27).

Интересно, что в граф связей не вошли такие показатели, как социальное происхождение, длительность проживания в данном населенном пункте, возраст вступления в брак, национальность родителей, наличие личного подсобного хозяйства, а

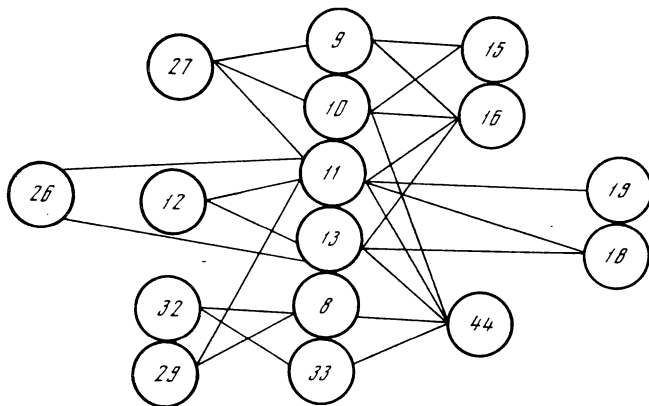

Рис. 5. Существенные связи между DS-факторами, общие для чувашей и русских (город и село):

8 — возраст; 9 — образование в момент обследования; 10 — образование (старт); 11 — СПС в момент обследования; 12 — сфера приложения труда; 13 — социально-классовая принадлежность; 15 — возраст в начале трудовой деятельности; 16 — СПС (старт); 18 — изменение социально-классовой принадлежности; 19 — изменение социально-профессионального статуса; 26 — общественная деятельность; 27 — структура внепроизводственной деятельности; 29 — семейное положение; 32 — состав семьи; 33 — поколенно-ролевой состав; 44 — зарплата (индивидуальный доход)

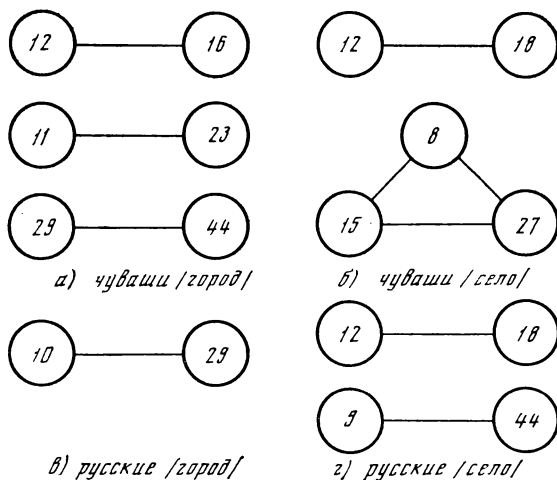

Рис. 6. Специфические связи DS-факторов:

а — чувашаи (город); б — чувашаи (село); в — русские (город); г — русские (село):

8 — возраст; 9 — образование в момент обследования; 10 — образование (старт); 11 — СПС в момент обследования; 12 — сфера приложения труда; 15 — возраст в начале трудовой деятельности; 16 — СПС (старт); 18 — изменение социально-классовой принадлежности; 23 — мотивы миграции; 27 — структура внепроизводственной деятельности; 29 — семейное положение; 44 — зарплата (индивидуальный доход)

также все индикаторы, характеризующие социальное самочувствие индивида и группы (общая оценка успехов в жизни, отношений в трудовом коллективе и семье). И это показательно, так как свидетельствует о том, что социальное положение индивида в условиях социалистического общества не зависит от социального происхождения и национальной принадлежности, а в решающей мере определяется его способностями и склонностями, успешным трудом и личной инициативой. Конечно, существуют определенные факторы, затрудняющие социальный рост индивида, объясняемые региональными поселенческими особенностями, развитием отраслевой структуры народного хозяйства и т. п., но они не приобретают решающего значения. Положительная оценка своей жизни в целом, своей работы характерна для всех групп городского и сельского населения, и эта оценка в существенной мере определяется социально-экономическими и социально-политическими условиями нашего общества.

Рассматриваемый граф связей DS-переменных дает возможность выделить группу детерминирующих факторов, которыми являются социально-классовая принадлежность, социально-профессиональный статус, образование и возраст. Именно эти детерминанты, как будет видно из дальнейшего, оказывают решающее влияние не только на остальные социально-демографические, но и на этнокультурные характеристики изучаемых этнических групп. Собственно говоря, указанный набор детерминант — это и есть DS — основание этносов (в отличие от более широкого по набору признаков комплекса DS-переменных).

Характеризуя, далее, внутренние связи в рамках комплекса DS-переменных, следует отметить центральное положение переменной 11 (социально-профессиональный статус респондента в момент обследования), которая имеет тесные связи с 13 другими переменными. Второе место по числу связей в комплексе занимает п. 13 (социально-классовая принадлежность). Вместе с тем здесь интересно отметить не только наличие, но и отсутствие прямых взаимодействий с некоторыми, казалось бы, влиятельными характеристиками. Например, отсутствуют сильные связи п. 13 с переменными 19 (изменение социально-профессионального статуса), 29 (семейное положение) и 27 (проведение досуга) ¹.

Отсутствие у п. 13 непосредственной связи с п. 19 легко объясняется тем, что изменение социально-профессионального статуса не всегда сопровождается переходом индивида из одной социально-классовой группы в другую. В то же время связь фактора 18 (изменение социально-классовой принадлежности) с фактором 11 свидетельствует о том, что в большинстве случаев переход индивида в другую общественную группу влечет за собой изменение социально-профессионального статуса.

Остальные связи рассматриваемого графа без труда интерпретируются, что позволяет не останавливаться на них подробно

Однако наряду с наличием общих для чувашей и русских черт в комплексе DS-переменных для каждого из указанных этносов можно выделить и специфические связи, и взаимодействия, которые помогают выявить этнически особенное в функционировании рассматриваемой компоненты. Вместе с тем существенных специфических связей между переменными выявляется не так уж и много (см. рис. 6). Они имеют отношение, скорее, к мере выраженности социальных показателей, а не к радикальным различиям между ними.

Имеющиеся данные позволяют заключить, что у всех исследованных этнических групп Чувашской АССР (сельских и городских чувашей и русских) во взаимодействии социально-демографических факторов обнаружено больше сходства, чем различий. Это сходство особенно заметно в «поведении» переменных, входящих в собственно DS-основание. Специфика взаимоотношений переменных выражена здесь слабее. При этом следует учитывать, что своеобразие связей во всей совокупности DS-переменных у различных этнических групп может проявляться также в степени выраженности этих связей.

§ 2. Демосоциальные характеристики чувашей и русских: сходство и различие

Конечно, реальная картина внутренних связей социально-демографических факторов значительно богаче, чем это, возможно, представляется из анализа, предпринятого выше, в ходе которого рассмотрены лишь наиболее интенсивные взаимодействия, определяющие функционирование DS-компоненты, и на первое место естественным образом выдвигались показатели, имеющие самые сильные различающие (дифференцирующие) способности. Тем не менее роль других переменных также должна быть выяснена. Среди них существенное значение имеет тот, казалось бы, простой и очевидный факт, что чуваша и русские в Чувашии живут в городских и сельских условиях. Роль этого обстоятельства в формировании и функционировании социальной структуры неоспорима, но количественно выразить меру этого влияния и определить место данного фактора в комплексе DS-переменных при помощи анализа графов связи затруднительно, так как в исследовании, предпринятом в Чувашской АССР, выборка строилась отдельно для городской и сельской части чувашского и русского населения республики. Тем не менее роль фактора «город—село» удается оценить, сопоставляя последовательно демосоциальные характеристики городского и сельского населения и выявляя различия между ними. Однако сравнительную количественную оценку этих различий получить было бы сложно без применения некоторого обобщенного показателя. Таким показателем может служить индекс различий, рассчитываемый при помощи несложной формулы и основанный на сопоставлении двух рядов статистических распределений².

Сопоставление демосоциальных характеристик (значения индексов представлены в табл. 1) позволяет выделить группу DS-переменных, по которым распределения в чувашских городском и сельском массивах существенно различаются. К этим переменным относятся в первую очередь сфера приложения труда (п. 12), длительность проживания в населенном пункте (п. 20), мотивы как реальной (п. 23), так и потенциальной (п. 25) миграции, потенциальная миграция (п. 24), наличие подсобного хозяйства (п. 42), намерения в отношении подсобного хозяйства (п. 43). Менее сильные, но достаточно убедительные различия между городом и селом наблюдаются в социально-классовом составе населения, уровне его образования, социально-профессиональном составе (как в момент обследования, так и в начале трудовой деятельности), в социально-профессиональном статусе глав семей респондентов в ту пору, когда сами респонденты начинали постоянно работать, в уровне общественной активности опрошенных и в уровне их доходов. По остальным DS-переменным различия между горожанами и сельскими жителями относительно невелики. Столь влиятельная роль фактора «город—село» хорошо согласуется с картиной взаимодействия DS-факторов, представленной на рис. 2 (а и б), что дает основание также включить данный параметр в DS-основание.

Исходя из сказанного, можно попытаться теперь ответить на вопрос, велики ли различия демосоциальных характеристик чувашского и русского населения Чувашской АССР. Другими словами, речь идет об определении степени связи параметра «национальная принадлежность» с комплексом DS-переменных. Используя аппарат расчета индексов различий, можно вычислить меру различий для города и села (см. табл. 1).

При рассмотрении таблицы сразу же бросается в глаза то обстоятельство, что различия между чувашами и русскими по DS-признакам выражены значительно слабее, чем только что рассмотренные различия между горожанами и сельскими жителями. Единственный показатель, дающий повышенную характеристику, относится, в сущности, к национальному составу исходных территорий миграций (п. 21), что естественно и понятно без дополнительных объяснений. Впрочем, и другие более или менее существенные различия между чувашами и русскими (как в городе, так и в селе) относятся к переменным, связанным с некоторыми аспектами реальной и потенциальной миграции (т. е. к п. 22, 23, 24, 25, 52).

Интересен и тот факт, что национальные различия (пусть и не слишком заметные) больше проявляются среди сельского населения республики. Только по пяти признакам (п. 8, 17, 22, 43, 52) различия между чувашами и русскими в городе более значительны, чем на селе. Объяснение этому кроется в неодинаковых источниках формирования и пополнения городского населения: среди чувашей значительная доля горожан — выходцы из сельской местности Чувашской АССР. Поэтому в городе прослежи-

Таблица 1. Различия в демосоциальных характеристиках русского и чувашского городского и сельского населения (индекс)

№ переменных*	Различия между городским и сельским населением		Различия между чувашами и русскими	
	у чувашей	у русских	в селе	в городе
8	0,243	0,333	0,104	0,171
9	0,340	0,453	0,091	0,195
10	0,300	0,383	0,084	0,220
11	0,337	0,333	0,101	0,115
12	0,567	0,573	0,098	0,335
13	0,443	0,312	0,048	0,235
15	0,255	0,343	0,054	0,105
16	0,315	0,378	0,081	0,027
17	0,168	0,350	0,183	0,021
18	0,105	0,169	0,061	0,118
19	0,100	0,115	0,032	0,017
20	0,551	0,389	0,122	0,072
21	0,133	0,259	0,667	0,748
22	0,127	0,286	0,301	0,142
23	0,571	0,178	0,274	0,270
24	0,476	0,472	0,336	0,425
25	0,581	0,255	0,233	0,352
26	0,283	0,344	0,036	0,094
29	0,111	0,038	0,106	0,109
32	0,156	0,184	0,088	0,216
33	0,241	0,326	0,152	0,228
42	0,604	0,554	0,042	0,008
43	0,610	0,557	0,068	0,035
44	0,366	0,364	0,082	0,145
52	0,085	0,164	0,269	0,107

* См. Приложение.

ваются национальные различия в социально-профессиональном статусе отцов наших респондентов (или глав их семей) и в их собственном социально-профессиональном статусе в начале трудовой деятельности, а также в длительности проживания в городе и, наконец, в интенсивности связей с сельской местностью республики (п. 52).

Из сказанного видно, что динамика социально-демографических характеристик населения Чувашии преимущественно связана с социально-экологическими условиями, с различиями между городом и селом, в то время как национальная принадлежность существенной роли в этих процессах не играет. В условиях города совершается более интенсивный процесс выравнивания национальных различий в рамках рассмотренных характеристик. И так как идет постоянный рост доли городского населения Чувашской АССР (если в 1970 г. она составила 36% ³, то в 1979 г. — уже 46% ⁴, а к 1 января 1983 г. городское население превысило сельское и составило 51,3% ⁵), то есть достаточные основания полагать, что эта тенденция не только сохранится, но и усилится.

§ 3. Социально-классовый и социально-профессиональный состав населения

Рост городского населения Чувашской АССР закономерно сопряжен с изменениями в социально-классовой структуре населения, основными элементами которой являются рабочий класс, колхозное крестьянство и народная интеллигенция.

Самую большую (как относительно, так и абсолютно) группу в Чувашии составляют рабочие. Уже в 1970 г. среди занятого населения республики их доля приближалась к 50%; в 1981—1982 гг. среди занятого чувашского населения в городах рабочие составили около 60%, а в селе — 41%; среди русских тот же показатель в городе достиг 55%, а в селе — 66%. Ведущую роль в составе рабочего класса республики играет его часть, занятая в передовых отраслях промышленности (машиностроение, приборостроение и т. п.).

В Чувашской АССР имеет место также рост рядов сельскохозяйственного отряда рабочего класса, что в значительной степени обусловлено реорганизацией колхозов в совхозы. Только с 1975 по 1982 г. число колхозов уменьшилось с 232 до 178, а число совхозов увеличилось с 79 до 106⁶. Это преобразование сопровождалось укрупнением хозяйств⁷, что привело к снижению числа сельскохозяйственных предприятий.

«Важнейшее из изменений в составе рабочего класса, происходящее под влиянием НТР,— быстрый абсолютный и относительный рост числа рабочих, занятых обслуживанием населения»⁸. Среди занятого населения Чувашии около 10% трудятся в сфере обслуживания, и из них около 70% — это представители рабочего класса. В силу большего развития социальной инфраструктуры городов занятость городского населения в сфере обслуживания несколько выше, чем сельского. Да и не все сельские жители, занятые в сфере обслуживания, работают в сельской местности. Так, среди сельских чувашей в этой категории трудящихся около 20% составляют маятниковые мигранты, ежедневно выезжающие на работу из села в город.

Рост городского населения республики, а также сельскохозяйственного отряда рабочего класса приводит к постепенному уменьшению численности колхозного крестьянства. В первую очередь этот процесс затронул русское население республики: среди занятого сельского русского населения колхозники, по данным обследования, составляют всего 14%. Среди сельских чувашей к группе колхозников относится 39% занятого населения.

Высока доля лиц, принадлежащих к общественной группе служащих; эта категория населения преимущественно концентрируется в городах, где сосредоточены многочисленные отрасли народного хозяйства, требующие приложения высококвалифицированного умственного труда: промышленность, наука, культура, здравоохранение, подготовка кадров и т. д. Среди занятого насе-

ления доля служащих в городах составляет около 40% у чувашей (у русских 45%), в то время как на селе эта категория населения представлена меньшими долями (как у чувашей, так и у русских около 20%).

Большой отряд интеллигенции включает представителей так называемых массовых профессий — врачей, учителей, а также работников культуры и искусства, науки и печати. В группе служащих у чувашей-горожан этот отряд составляет 33,3%. Тем не менее по некоторым профессиям состав этой группы нуждается в улучшении. Так, по сравнению с другими автономными республиками Урало-Поволжья в Чувашской АССР на 10 тыс. жителей приходится меньшее число врачей (всего 28. Ср., например, в Удмуртии — 36, а в целом по РСФСР — 41) ⁹.

Четвертая часть чувашской интеллигенции в городах занята непосредственно на промышленных предприятиях ведущих отраслей, несколько меньшая часть (18%) — на стройках, транспорте, в службе связи. Каждый седьмой представитель служащих в городе занят в сфере управления. Среди сельских служащих также значительная доля (одна треть) занята в таких сферах, как просвещение, медицина, культура. Производственная интеллигенция, занятая непосредственно в сельском хозяйстве, составляет около 30%.

Подготовка кадров чувашской интеллигенции осуществляется в основном в 4 вузах республики, где в 1979 г. обучалось более 18 тыс. студентов, а также в 24 средних специальных заведениях (23 тыс. учащихся в 1979 г.) ¹⁰. Конечно, воспроизводство кадров интеллигенции осуществляется не только через высшую и среднюю специальную школу в республике; определенную роль в этом играют учебные заведения РСФСР и других союзных республик. Однако при сравнении с другими автономными республиками Урало-Поволжского региона Чувашия явно уступает: на 10 тыс. жителей здесь приходится лишь 133 студента вузов против 210 в Татарии, 233 в Марийской АССР и т. д. ¹¹ Вместе с тем нельзя не отметить и тот факт, что по числу учащихся общеобразовательной школы (184 чел. на тысячу жителей) Чувашская АССР превосходит не только все республики региона, но и Российскую Федерацию (143 чел. на тысячу жителей) ¹². Чувашия стоит на одном из первых мест в РСФСР и по уровню образования населения. По такому показателю, как доля в занятом населении лиц со средним образованием (неполным и полным), Чувашская АССР уступает лишь Коми и Якутской АССР ¹³.

Высокий уровень образования населения республики в целом не свидетельствует все же об отсутствии различий между социальными слоями населения. Довольно высок уровень образования городских рабочих-чувашей: среди них лица с полным средним, средним специальным и высшим (законченным и незаконченным) образованием составляет 59%, что не намного меньше доли этих лиц среди русских рабочих (63%). Разница в уровне образования служащих — чувашей и русских — незначительна

{среднее специальное и высшее образование имеют соответственно 77 и 76% }.

Определенная дифференциация в уровне образования населения республики связана со сферой приложения труда. Среди представителей рабочего класса наиболее высокий уровень образования характерен для лиц, работающих на предприятиях ведущих отраслей промышленности (76,3% со средним и высшим образованием), тогда как уровень образования работников сферы обслуживания заметно ниже (57,8%), что объясняется спецификой квалификационного состава трудящихся, связанной с различиями в сложности выполняемых производственных операций.

По сравнению с колхозниками уровень образования в целом выше не только у городских, но и у сельскохозяйственных рабочих. Причина этих различий лежит главным образом в половозрастных диспропорциях в составе колхозного и совхозного населения. Действительно, среди чувашских сельских жителей в возрасте от 16 до 45 лет преобладают рабочие, а в группах старше 45 лет — колхозники. Среди русских женщин на селе образование до 4 классов имеют 54%, а среди мужчин — только 29%; для чувашей эти показатели соответственно равны 33 и 13%. Это объясняется тем, что среди сельских жителей в старших возрастных группах преобладают женщины (и эта тенденция заметнее среди русских). Из сказанного видно, что социальный состав сельского населения уже теперь создает трудности в обеспечении колхозов рабочей силой и в близком будущем эти трудности будут возрастать. Ясно, что нужны специальные меры, направленные на оптимизацию воспроизводства трудовых ресурсов в сельском хозяйстве.

Обратимся теперь к такому существенному показателю, как социально-профессиональный состав населения. Припомним, что этот показатель имеет наибольшее число значимых связей с другими DS-переменными. И это закономерно, так как в процессе сближения основных групп общества классовые различия по ряду признаков уступают место различиям внутриклассовым. Социально-профессиональный состав населения Чувашской АССР в настоящее время претерпел качественные изменения по сравнению с социально-профессиональным составом в 60—70-е годы. Это особенно касается рабочего класса республики, в составе которого под влиянием научно-технической революции возник новый слой, пограничный с интеллигенцией — рабочие-интеллигенты, труд которых представляет сочетание физических и интеллектуальных усилий. О численности этой группы рабочих можно судить по числу рабочих, имеющих дипломы о среднем специальном и высшем образовании — около 10% в составе городского отряда рабочего класса. Следует, впрочем, принять во внимание, что часть из них имеет образование, не связанное с их нынешней профессией и работой, а также и то, что в ту же группу вошли лица, еще продолжающие свое специальное образование без отрыва от работы. Тем не менее, несмотря на разви-

тие группы высококвалифицированных работников физического труда, основную массу рабочих все же составляют работники со средней и низкой квалификацией (около 50% среди чувашей и русских). Последний показатель является чрезмерно высоким и свидетельствует не только о недостаточном внедрении современной техники и передовых технологий в промышленность республики, но и о явном отставании профессиональной подготовки и переподготовки рабочих кадров (в том числе из представителей коренной национальности).

Хотя для занятого городского населения Чувашии характерно преобладание работников физического труда, следует отметить постоянный рост социально-профессиональных групп умственного труда, особенно у русских-горожан. Среди последних доля этих групп достигла уже 46% (в отличие от 39% у чувашей). Важен и тот факт, что преобладающей группой среди рассматриваемой категории трудящихся становятся специалисты высокой квалификации, что особенно типично для горожан в возрасте от 25 до 49 лет. Особенно интересна в этом отношении возрастная группа 35—39-летних, в которой более половины — это работники квалифицированного умственного труда.

В настоящее время среди занятого сельского населения доля работников малоквалифицированного и неквалифицированного физического труда составляет 35% (у чувашей) и 29% (у русских). Доля работников умственного труда в обеих национальных группах выросла до 20%. Вместе с тем при однотипности социально-профессионального состава у двух рассматриваемых национальностей существуют определенные различия в соотношении социально-профессиональных групп. Среди сельских чувашей больше доля представителей умственного труда и малоквалифицированного физического труда, у русских выше доля работников квалифицированного физического труда.

Сравнительно невысоким остается представительство лиц, занятых в селе высококвалифицированным физическим трудом (17% у чувашей и 20% у русских). Если обратиться к характеристике социально-профессионального состава сельского населения соседних автономий, то, например, в Татарской АССР такие показатели были характерны для татар и русских еще в середине 1960-х годов¹⁴.

Рассмотренные различия в социально-профессиональной группировке в значительной мере связаны с классовым составом сельских чувашей и русских. Среди русских в Чувашии две трети занятого населения принадлежит к рабочему классу, в то время как среди чувашей — только 40%. Более высокий уровень механизации труда в совхозах (а среди русских сельскохозяйственный отряд рабочего класса в селе составляет 62%, тогда как среди чувашей — лишь 37%) обуславливает различия в представительстве групп, занятых высококвалифицированным физическим трудом. Ведь только группа механизаторов, входящая в состав высококвалифицированных работников физического труда

индустриального профиля, составила в 1980 г. в совхозах 15,7%, а в колхозах лишь 11,6%, хотя численно за период с 1970 по 1981 г. механизаторские кадры в республике выросли с 16,2 тыс. чел. до 24,6 тыс.¹⁵ Но и такой прирост все же недостаточен для эффективного использования машинно-тракторного парка в сельском хозяйстве (в 1977 г. в Чувашской АССР в колхозах и совхозах насчитывалось более 20 тыс. тракторов, комбайнов и автомобилей), так как не может быть и речи о двухсменном использовании техники.

Дальнейшее совершенствование социально-профессионального состава сельского населения республики связано не только с численным ростом механизаторских кадров в сельскохозяйственном производстве, но и с внедрением и развитием во всех отраслях таких профессий, где в трудовых операциях была бы до минимума сокращена доля тяжелого физического труда. Внедрение новых прогрессивных технологий (например, в животноводстве и овощеводстве) способствовало бы созданию обновленной структуры рабочих мест, более привлекательной для молодого поколения сельских жителей, и в первую очередь для девушек. В современной номенклатуре сельскохозяйственных профессий преимущественно физического труда женщинам предлагаются наименее квалифицированные их разновидности. Неудовлетворенность возможностями выбора трудовой деятельности в условиях села влечет за собой повышенную миграцию женского населения молодых возрастов в города, создавая в сельской местности «дефицит невест» (см. § 5).

Совершенствование социально-профессионального состава на селе сопряжено прежде всего с дальнейшим развитием агропромышленного комплекса (и, вероятно, с приближением к селу производств, обеспечивающих переработку сельскохозяйственной продукции), с улучшением социальной инфраструктуры села. Но только комплексная реализация этих мероприятий поможет сделать важный шаг в направлении стирания существенных различий между городом и селом, в том числе в социально-профессиональном составе населения.

Важный показатель в социальной структуре этноса (см. табл. 2) — распределение работающего населения по сферам приложения труда (п. 12), которые представляют собой, в сущности, укрупненные отрасли народного хозяйства.

Рассмотрение этих распределений дает возможность установить меру втянутости представителей этноса (в данном случае чувашского) в различные области производственной деятельности. Полученные данные свидетельствуют, в частности, о том, что степень участия чувашей-горожан в развитии ведущих отраслей промышленности относительно низка (около 31%). Явно недостаточна доля чувашей — сельских жителей в деятельности сферы обслуживания (8,7%).

Социально-классовый и социально-профессиональный состав населения, распределение по сферам приложения труда пред-

Т а б л и ц а 2. Распределение чувашского и русского населения Чувашской АССР по сферам приложения труда (%)

Сфера приложения труда	Чуваши		Русские	
	город	село	город	село
Сфера управления (органы Советской власти, партийные и общественные органы, министерства и т. д.)	6,2	3,7	5,2	2,7
Просвещение, наука, культура, искусство, медицина	16,3	12,0	18,4	15,1
Ведущие отрасли промышленности (машиностроение, приборостроение, химия и т. д.)	30,9	3,6	37,0	7,2
Промышленность (кроме ведущих отраслей), строительство, транспорт, связь	33,3	13,3	25,8	8,9
Сфера обслуживания	11,3	8,8	12,9	8,1
Совхозы и другие государственные сельхозпредприятия	1,7	18,1	0,8	44,9
Колхозы	0,4	40,7	—	13,2

ставляют собой объективные характеристики достигнутого уровня социально-экономических условий жизни общества. Наряду с этим немаловажное значение для характеристики социального климата в республике имеет субъективная оценка лицами разных национальностей своего социального положения.

Высокий уровень реализации социальных ожиданий присущ в равной мере чувашам и русским. Как те, так и другие в большинстве своем положительно отвечают на вопрос о достижении поставленных ими перед собой жизненных целей. Только 10% сельских чувашей ответили, что они не достигли тех целей, которые перед собой ставили. В городах — как у чувашей, так и у русских — отрицательных оценок несколько больше, что, надо полагать, связано с повышенными социальными ожиданиями горожан (преимущественно мигрантов из села). В какой-то мере эти отрицательные оценки связаны с неудовлетворенностью семейной жизнью: среди разведенных и холостых (незамужних) в 2—3 раза больше неудовлетворенных, чем среди семейных. Конечно, эти оценки многоплановы, они относятся к совокупности всех сторон жизни индивидов и выражаются не только вербально, но и в поведенческих актах, например в миграционных перемещениях, о чем подробнее будет сказано ниже (см. § 4). Однако несомненно и то, что оценка своей трудовой деятельности определенным образом заключена в характеристике взаимоотношений членов трудового коллектива, которая чаще всего положительна у разных групп городского и сельского населения республики (более 90% позитивных оценок).

Удовлетворение социальных запросов труженики города и села видят не только в достижении определенного уровня образования, социально-профессионального статуса и других целей. Важным фактором социального самочувствия является и вовлеченность индивида в решение задач, связанных с различными сторонами жизни и деятельности производственного коллектива или территориальной общности. Социальная активность жителей республики проявляется в их участии в общественной деятельности, особенно высоком среди горожан (две трети их участвуют в общественной работе), и не только в группе служащих, но и среди рабочих (например, среди чувашей доля активных общественников составляет 59 %).

Вместе с тем не может не настораживать тот факт, что среди сельского населения уровень общественной активности относительно низок — только треть чувашей и четверть русских привлечены к той или иной форме общественной деятельности. Конечно, более многочисленная по сравнению с городом доля лиц пожилого возраста, по состоянию здоровья активно не участвующих в общественной жизни, снижает общий показатель, но партийные, комсомольские и профсоюзные организации не должны закрывать глаза и на общественную пассивность молодых сельских жителей, особенно в возрасте 20—24 лет, в пору становления специалиста и гражданина (среди русских в селе, например, в этом возрасте в общественной деятельности участвуют лишь 28 %).

§ 4. Социальные перемещения

Качественные изменения в социально-профессиональном составе населения, уровне его образования под влиянием научно-технической революции, урбанизации и других факторов вызывают объективную необходимость в перемещениях трудовых ресурсов, перераспределении их между отраслями народного хозяйства. Активизация социальных перемещений, в свою очередь, сопряжена с ростом социальных запросов, динамика которых отражается в высоком уровне межпоколенной и внутривозрастной мобильности городского и сельского населения Чувашской АССР. В нашей стране социальные классы и слои не являются застывшими, замкнутыми. Для чувашей, как и для представителей всех национальностей, характерен высокий уровень межклассовых перемещений. В городе треть чувашей с момента начала трудовой деятельности к моменту обследования сменили свою классовую принадлежность, на селе — четвертая часть (аналогичные показатели можно привести и для русских). Около одной пятой представителей творческой чувашской интеллигенции начали свою трудовую деятельность в рядах колхозного крестьянства или рабочего класса.

Наиболее интенсивные межклассовые перемещения зафиксированы для городских жителей старше 45 лет: около половины их в ходе своей трудовой деятельности сменили классовую при-

надлежность. Это связано с бурным ростом городов и промышленности республики в начале 60-х годов, потребовавшим притока рабочих рук из сельской местности. Ведь именно переход из крестьян в рабочие был наиболее массовым процессом для нынешних горожан в этой возрастной группе. Среди горожан моложе 45 лет картина несколько иная. Здесь отмечаются меньшие масштабы социальных перемещений, основным видом которых является переход из рабочих в служащие.

В селе около трети представителей рабочего класса — выходцы из крестьян; среди сельских служащих только половина не меняла своей принадлежности к общественной группе; десятая часть служащих в селе — выходцы из крестьян, треть — из рабочих.

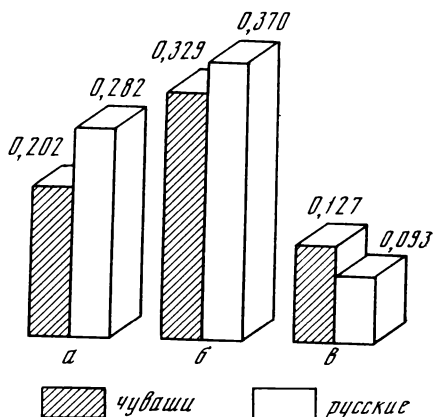
Наиболее интенсивные межклассовые перемещения среди сельских чувашей типичны для лиц, которым в момент обследования было от 35 до 55 лет. Но в целом для чувашского сельского населения характерна относительная стабильность классового состава: лишь одна четверть сельских жителей была затронута классовыми перемещениями (больше половины затронутых мобильностью перешли из рядов колхозного крестьянства в состав рабочего класса). Среди русских уровень межклассовых перемещений значительно более высокий: 40% русских — сельских жителей сменили классовую принадлежность, причем 70% из них перешли из группы колхозников в ряды рабочего класса. Такие перемещения, как уже отмечалось, в немалой степени связаны с преобразованием колхозов в совхозы.

Межклассовые перемещения тесно сопряжены с повышением социально-профессионального статуса жителей села: среди тех, кто повысил свой социально-профессиональный статус, сменившие свою классовую принадлежность составляют у чувашей 52%, у русских — 63%. Если, однако, у русских изменение статуса связано в основном с переходом крестьян в рабочие (около 70%), то у чувашей — как с переходом из крестьян в рабочие (32%), так и из рабочих в служащие (около 40%). А среди тех, кто не менял в течение своей жизни принадлежности к социально-профессиональной группе, 85% не меняли и классовую принадлежность.

Обратимся к динамике социально-профессиональных групп, применяя для анализа уже знакомый индекс различий. Данные диаграммы на рис. 7 дают возможность проследить интенсивность как межпоколенной, так и внутрипоколенной мобильности сельского населения Чувашской АССР. У русских — по сравнению с чувашами — наблюдаются несколько большие изменения в современном социально-профессиональном составе по отношению к социально-профессиональному статусу (СПС) в начале трудовой деятельности (0,282 и 0,202). Это объясняется заметными изменениями пропорций внутри групп умственного или физического труда. В то же время у чувашей имело место перераспределение и между этими группами (у чувашей индекс различий несколько больше, он равен 0,1, а у русских — только 0,085).

Рис. 7. Различия по признаку «социально-профессиональная группа» в составе сельского населения Чувашской АССР (в индексах):

а — между СПГ респондентов в момент обследования и СПГ в начале их трудовой деятельности; *б* — между СПГ респондентов в момент обследования и СПГ «отцов» (глав семей); *в* — между СПГ респондентов в начале их трудовой деятельности и СПГ «отцов» (глав семей)

Среди горожан Чувашской АССР уровень социальной мобильности значительно выше, чем у сельских жителей: в первую очередь это относится к чувашскому населению. Смысл этого явления ясен: повышенные требования промышленности, сфер управления, здравоохранения, культуры, просвещения к общеобразовательной подготовке и квалификации работников приводят к значительному усложнению социально-профессиональной структуры горожан-чувашей (в основе своей выходцев из села). Иначе говоря, тенденция детерминирована различиями между городом и деревней. В то же время для русских-горожан интенсивность мобильности (как внутр поколенной, так и межпоколенной) существенных отличий по сравнению с ее интенсивностью у русских сельских жителей не обнаруживает, так как доля выходцев из села среди русских-горожан меньше. Поэтому социально-профессиональные статусы «отцов» (глав семей) городских и сельских чувашей меньше отличаются друг от друга (индекс равен 0,168), чем у русских (индекс достигает 0,35).

Выше уже говорилось о том, что фактор социального происхождения (СПГ «отцов») мало связан с другими DS-переменными, в том числе и с современной социально-профессиональной принадлежностью индивида. Действительно, у всех «отцов» (независимо от того, к какой социально-профессиональной группе они принадлежали) около 40% детей начинали свою трудовую деятельность с малоквалифицированных и неквалифицированных занятий физическим трудом. О связи между социально-профессиональными группами свидетельствует и то, что в группах умственного труда среди современных жителей села Чувашской АССР в начале своей трудовой деятельности повторили путь своих отцов лишь около 10% чувашей и несколько больше русских. Следовательно, указанные социально продвинутые группы сельского населения формируются за счет представителей раз-

ного социально-профессионального происхождения. И поскольку в селе наиболее многочисленной остается группа работников малоквалифицированного физического труда, постольку именно ее представители в значительной мере и рекрутируются в другие группы. Так, например, среди обследованных сельских чувашей, занятых как умственным, так и квалифицированным физическим трудом, «отцы» (главы семей) принадлежали (от 45 до 60%) к группе малоквалифицированных работников физического труда. Идентичная картина наблюдается и у городских чувашей, которые в основном — бывшие жители села. Различия между чувашами города и села по признаку «социально-профессиональное происхождение» относительно невелики (индекс равен 0,168), чего нельзя сказать о русских (индекс различия равен 0,35).

Быстрый социальный рост народов нашей страны в советскую эпоху находит отражение в реальных судьбах конкретных людей. В каждом поколении у чувашей и русских, проживающих в республике, уменьшается доля людей, занятых малоквалифицированным трудом, и увеличивается доля лиц, улучшивших свой социально-профессиональный статус. И чем моложе поколение, тем выше эти показатели (естественно, исключая самые молодые возрастные группы).

Наиболее высокий уровень социально-профессиональной мобильности наблюдается в группе служащих. В селе среди чувашей 59% повысили свой социально-профессиональный статус, среди русских — 41%; в городе эти показатели выше у русских (62%), чем у чувашей (55%). Эти высокие показатели мобильности объясняются тем, что в группе служащих велика доля выходцев из рабочего класса и колхозного крестьянства (около 50%).

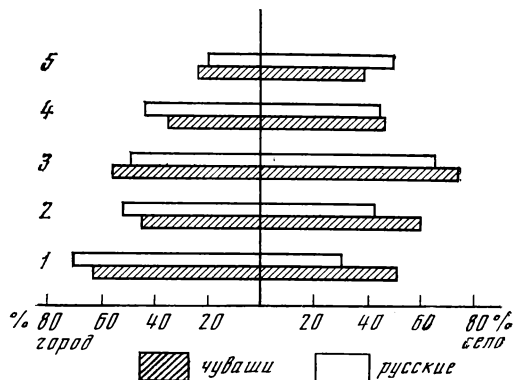
Интенсивные перемещения сельских чувашей из одной социально-профессиональной группы в другую, ведущие к качественным изменениям в социально-профессиональном составе сельского населения, свойственны представителям всех социальных слоев. Особенно велика доля повысивших свой статус в группах лиц, занятых умственным трудом (см. рис. 8).

Известно, что вертикальная мобильность далеко не всегда проявляется в чистом виде, чаще всего она выступает в сочетании с территориальными перемещениями индивидов, перемещениями, связанными с изменением местожительства и работы. Бурный рост городского населения Чувашской АССР в послевоенный период обеспечивался, да и в настоящее время продолжает обеспечиваться в значительной степени за счет мигрантов, доля которых составляет среди чувашей-горожан 85%, а среди русских — 63%.

Характерной особенностью состава городских жителей является рост числа горожан второго поколения. Среди чувашей-горожан старше 60 лет доля уроженцев городов составляет не более 2%, в возрасте 30—39 лет их немногим более 10%, а в возрасте

Рис. 8. Доли информаторов (чувашей и русских), повысивших социально-профессиональный статус по социально-профессиональным группам:

Умственный труд: 1 — высшей квалификации; 2 — средней квалификации; 3 — неквалифицированный. Физический труд: 1 — высококвалифицированный; 2 — квалифицированный

16—19 лет — уже около 50%. Для молодых горожан характерна при этом и высокая доля живущих в городе менее 10 лет (среди чувашей в возрасте 20—24 лет таких лиц более 3/4).

Конечно, развитие промышленности в городе постоянно требует притока рабочей силы, но ведь городская местность, и прежде всего столица республики г. Чебоксары, — это также средоточие центров получения специального образования (как высшего, так и среднего). Во многих случаях для приобретения профессии сельскому жителю нужно переехать в город, причем необязательно на постоянное жительство. Поэтому в городе среди живущих менее 5 лет высока доля учащихся (37% среди чувашей и 23% среди русских).

Существенное влияние на состав чувашского и русского городского населения оказывает исходный пункт миграции. Чувашское городское население в настоящее время в основном сформировано за счет выходцев из сельской местности республики (около 80% прибывших), тогда как среди русских-мигрантов более 50% составляют выходцы из городов, расположенных за пределами Чувашии (см. также рис. 9).

Группа прибывших среди сельских жителей тоже составляет во взрослом населении весьма внушительную долю (29% среди чувашей и 35% среди русских). Исходной территорией миграции для сельских чувашей является в основном Чувашская АССР (94%); среди русских же внутриреспубликанские мигранты составляют лишь 60%, остальные 40% прибыли в сельскую местность республики из-за пределов Чувашии. При этом существенно различаются потоки прибывших чувашей и русских по такому важному показателю, как доля выходцев из города: среди русских она равна 24%, среди чувашей — 10%. Вместе с тем и у русских среди внутриреспубликанских мигрантов 90% составляют выходцы из сельской местности (у русских, прибывших извне, эта доля ниже и равна 64%). Следовательно, внутриреспуб-

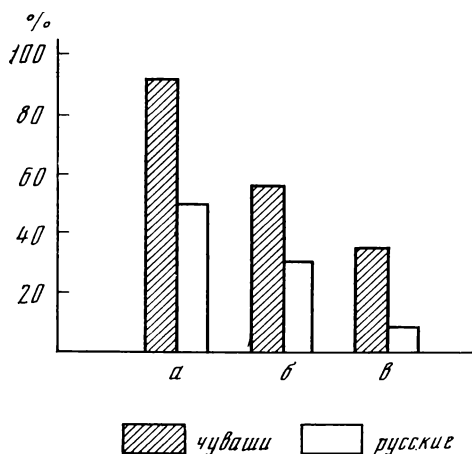

Рис. 9. Доли внутреспубликанских мигрантов в города, прибывших из поселений разных типов:

а — из сел; б — из малых городов и поселков городского типа; в — из средних и крупных городов

ликанская миграция сельских жителей осуществляется в основном за счет обмена жителями в самой сельской местности.

Хотя социально-профессиональный состав прибывших в село чувашей и русских имеет такие же различия, как и социально-профессиональный состав всего сельского населения (индекс различия равен 0,132), но качественно он другой — в нем иные соотношения отдельных групп. Среди чувашей, приехавших в село, несколько выше доля специалистов средней и высшей квалификации (19% против 16% у русских), но вместе с тем выше доля малоквалифицированных работников физического труда (30% против 19%). Русские, в свою очередь, вносят больший вклад в формирование групп, занятых квалифицированным физическим трудом.

Если в совокупности прибывших в сельскую местность выделить три потока: живущих в данном поселении 1) до 5 лет, 2) от 5 лет до 10 и 3) свыше 10 лет, то легко убедиться в постепенном качественном улучшении социально-профессионального состава недавних мигрантов. Так, среди русских, живущих в селе менее 5 лет, представители умственного труда составляют 41%, среди живущих там от 5 до 10 лет — только 29%, а среди тех, кто работает и живет там более 10 лет, эта доля еще меньше. Сходная картина наблюдается и среди чувашей.

Конечно, не следует забывать, что в потоке внутрисельской миграции и миграции из города в село большинство составляют женщины, вышедшие замуж и перебившие местожительства. Это отражается и в мотивации межселенных перемещений: главным мотивом переезда в село как чувашей, так и русские называют семейные обстоятельства (у чувашей 79%, у русских 56%). Среди основных причин переезда чувашей в город, как и следовало ожидать, стоит указание на неудовлетворенность работой и культурно-бытовыми условиями в месте выезда (более 40%).

Для молодежи одной из важных причин является стремление получить образование. Указания на поиск лучших условий работы составляют 29% ответов. В качестве важного мотива переезда выступают, как и в случае с внутрисельскими мигрантами, различные семейные обстоятельства. Заметное преобладание лиц, приехавших в город на учебу, наблюдается в младших возрастных группах: среди мигрантов в возрасте 16—19 лет этот мотив указали 68,3%, а в возрасте 20—24 лет — около 44%. Ответы русских-мигрантов о причинах переезда в город распределены несколько иначе. Основным мотивом — во всех возрастных группах мигрантов — является ссылка на семейные обстоятельства (42,9%). Прибытие в город на учебу даже у молодежи 16—19 лет стоит на втором плане (65,7% указали на семейные обстоятельства и лишь 28,6% — на учебу). Только высококвалифицированные специалисты умственного труда объяснили свой переезд прежде всего назначением (42,1%), хотя и в этой группе мотив «семейные обстоятельства» встречается в 34,5% случаев среди всех мотивов переезда в город.

Важное значение для прогнозирования будущего состава населения имеет анализ специфической группы потенциальных мигрантов (лиц, планирующих в ближайшее время смену местожительства), а также рассмотрение структуры мотивов потенциальной миграции. Доля потенциальных мигрантов среди чувашского и русского населения сравнительно невелика — около 6% как в городе, так и в селе. Не следует, однако, абсолютизировать эти данные, ибо реальные перемещения обычно преобладают над ориентациями на переезд¹⁶. Важнее выяснить, как распределяются потоки потенциальной миграции, так как здесь может проявиться этническая специфика в ориентациях на социальные перемещения.

Главное различие в группах потенциальных мигрантов чувашей и русских состоит в том, что чуваша — сельские жители планируют реализовать свой будущий переезд в основном в пределах Чувашской АССР (около 90%), тогда как русские — лишь в 50% случаев потенциального переезда. Большинство сельских мигрантов планируют переезд в город или поселок городского типа (правда, среди русских — сельских жителей довольно высока доля лиц, собирающихся переехать в сельскую же местность (25%), тогда как у чувашей эта доля в 2 раза меньше).

Среди представителей обеих национальностей обнаруживается также различие в ответах на вопрос о причинах возможной смены местожительства. Если чувашам — жителям села свойственно стремление получить образование (желающих выехать на учебу 50%), а также поиск лучших условий работы (22%) и лучших культурно-бытовых и жилищных условий (12%), то для русских характерно несколько иное распределение ответов: на первом месте семейные обстоятельства (32%), на втором — учеба (25%), поиск лучших культурно-бытовых и жилищных условий (23%) отстает на третье место.

Абсолютное большинство потенциальных мигрантов среди городского русского населения планируют переезд за пределы республики и в основном в городскую местность, мотивируя свои планы семейными обстоятельствами (25%), необходимостью продолжения учебы (21%), неудовлетворенностью культурно-бытовыми и жилищными условиями (19%).

Более половины потенциальных мигрантов среди чувашей-горожан предполагают все же остаться в пределах Чувашской АССР; главное направление миграции при этом — переезд из малых городов и поселков городского типа в более крупные города. Да и все желающие выехать за пределы республики связывают свой переезд, как правило, с перемещением в другой город. Основным мотивом для этой категории мигрантов выступает неудовлетворенность культурно-бытовыми и жилищными условиями тех поселений, в которых они проживают в настоящее время. Второй по значению причиной потенциальной миграции является назначение на работу, т. е. распределение после окончания учебного заведения (26%). Преобладающую группу среди лиц, указавших на эту причину, образуют учащиеся, предполагающие вернуться на старое местожительство, в том числе и в села.

Город, таким образом, возвращает селу высококвалифицированные кадры, отчасти компенсируя поток переезжающих в города. Конечно, эта компенсация недостаточна хотя бы потому, что 17% всех сельских жителей республики уже заняты на городских предприятиях и ежедневно совершают поездки в город и обратно. Кроме того, городу нужны не просто рабочие руки, но руки квалифицированные. И вот сравнение: среди неквалифицированных работников физического труда на селе лишь 3,1% маятниковых мигрантов, а среди квалифицированных — 14,4%. Высока доля работающих в городе и в группах умственного труда: среди специалистов средней квалификации таких 10,2%.

В некоторых пригородных селах среди жителей велика доля лиц, работающих в городе. Привлечение сельских жителей для работы в город, возможно, и оправдано экономически (промышленность постоянно ощущает потребность в трудовых ресурсах), однако экономически выгодные в настоящую минуту мероприятия не всегда эффективны с точки зрения их социальных последствий. Оказывая отрицательное влияние на структуру занятости населения в сельскохозяйственном производстве, маятниковая миграция в ряде случаев способствует в последующем чрезмерному оттоку сельских жителей в города, следствием чего становится рост диспропорций в половозрастном составе и изменения в демографическом поведении сельского населения.

Вероятно, в условиях Чувашии также следует проработать вопрос о целесообразности перевода ряда промышленных производств в села, создания в них отдельных цехов и вспомогательных служб. Можно предположить, что это не только позволит уменьшить поток маятниковых мигрантов, но и будет способствовать более рациональному использованию трудовых ресурсов

села, сглаживая неритмичность их занятости, обусловленную сезонностью сельскохозяйственного труда¹⁷.

Наряду с этим возможен и другой подход к решению проблемы — путь организованного регулирования маятниковой миграции на основе экономических (хозрасчетных) договоров между колхозами и совхозами, с одной стороны, и городскими промышленными предприятиями — с другой, договорами, предусматривающими совместный сезонный маневр рабочей силой: летом и в начале осени — из города в село, а в межсезонье — из села на промышленное предприятие. Важно, однако, чтобы обе договаривающиеся стороны, помимо производственного эффекта, получили реальную выгоду от совместной деятельности. А она может быть немалой: приобщение сельских работников к промышленному труду и приобретение ими дополнительных специальностей, обеспечение рабочих промышленного предприятия некоторыми видами сельскохозяйственных продуктов и т. п.

§ 5. Некоторые демографические характеристики

Нет сомнения в том, что одним из объективных условий развития социальных процессов является демографическая ситуация в регионе. В демографических процессах в ЧАССР за последние десятилетия наблюдается стабилизация коэффициента смертности на низком уровне (в 1958—1959 гг. он был равен 9,2 на тысячу человек населения, в 1969—1970 гг. снизился до 8,8%)¹⁸. Имеет место также снижение показателя рождаемости. Наиболее высокий уровень рождаемости в ЧАССР за послевоенные годы был в 1959 г. Если в сельской местности в 1959 г. уровень рождаемости был на 37,5% выше, чем в городах, то к 1970 г. рождаемость в городах стала несколько выше, чем в селах республики¹⁹. Демографическая ситуация в начале 80-х годов в ЧАССР характеризовалась более высокими, чем в среднем по РСФСР, уровнями рождаемости и естественного прироста и несколько более высоким уровнем смертности²⁰.

Из числа переменных, описывающих демографический состав и демографическое поведение населения, в DS-основание оказались включенными лишь самые существенные, и среди них п. 8 (возраст), имеющая тесные связи с социальными характеристиками. Место, занимаемое ею в комплексе DS-переменных, обусловлено тем, что она в данном случае отражает как особенности социального развития индивидов, так и динамику исторических изменений социальной структуры этнической общности.

Различия в уровне образования, социально-профессиональном составе и социально-профессиональном происхождении чувашей, принадлежащих к разным возрастным группам, достаточно очевидны. Для иллюстрации рассмотрим лишь две возрастные группы — лиц в возрасте 25—29 лет и 45—59 лет. Анализ статистических данных при помощи индексов различия позволяет говорить о существенной разнице двух возрастных категорий по перемен-

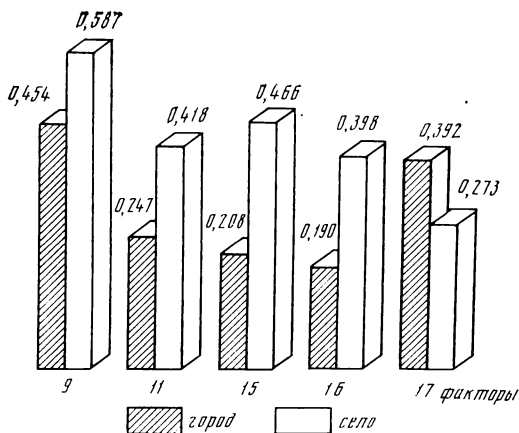

Рис. 10. Различия социальных характеристик чувашей в возрасте 25—29 лет и 45—49 лет (в индексах) по переменным 9 (образование в момент обследования), 11 (СПГ в момент обследования), 15 (возраст в начале трудовой деятельности), 16 (СПГ в начале трудовой деятельности) и 17 (социальное происхождение)

ным 9 (образование в момент обследования), 11 (СПГ в момент обследования), 15 (возраст в начале трудовой деятельности), 16 (СПГ в начале трудовой деятельности) и 17 (социальное происхождение) как среди городского, так и среди сельского населения (см. рис. 10). Важно отметить, что в условиях города возрастные различия в большинстве случаев выражены слабее, чем на селе.

Городские и сельские поселения отличаются неодинаковым составом населения по возрасту: так, например, лица в возрасте от 16 до 45 лет в совокупности обследованных составляют в городе 72%, тогда как в селе — лишь 48,2%. Среди русских — сельских жителей эта тенденция выражена еще сильнее: лица до 45 лет среди них составляют всего 32,7%. Основная причина создавшегося положения — это отток молодежи из села в город. Среди выбывших из села за период 1975—1979 гг. лица в возрасте 16—29 лет составили 65,7% ²¹.

Помимо того, следует учесть наличие диспропорций в соотношении мужчин и женщин в городах и особенно в селах республики. Миграция, большая продолжительность жизни у женщин по сравнению с мужчинами, а в старших возрастных группах — большие потери мужчин в годы Великой Отечественной войны — вот причины, обуславливающие эти диспропорции в сельском населении: среди обследованных чувашей — сельских жителей лишь 41,6% мужчин, тогда как в городе — 45,5 (среди русских в селе доля мужчин еще меньше, она равна 40,8%) .

Такое соотношение половозрастных групп в населении Чувашии сказывается и на семейном положении людей. За период между переписями 1970 и 1979 гг. число одиночек в республике выросло на 40,4%, причем женщин-одиночек в 1979 г. было в 3,8 раза больше, чем мужчин-одиночек, а в селе даже в 9,4 раза ²². В селах к тому же среди женщин старшего поколения значительна доля вдов, в 2—3 раза превышающая долю вдов среди горожанок.

Повышенная миграция чувашек молодых возрастов из села в город привела к тому, что в чувашской деревне доля неженатых мужчин, живущих в родительских семьях, больше, чем незамужних женщин из этой же категории (22,5% против 10,2%). Вместе с тем за счет прибывшей в город молодежи доля одиночек среди чувашского городского населения почти в 2 раза превышает соответствующий показатель для сельской местности.

Отрицательные последствия такой ситуации не замедлили сказаться на показателях естественного прироста населения, на уменьшении среднего размера семьи. Так, людность семьи уменьшилась с 4,1 человека в 1970 г. до 3,7 человека в 1979 г.²³ При этом у чувашей как в городе, так и в селе размер семьи больше по сравнению с русскими (4,0 человека против 3,1 человека — в селе; 3,4 человека против 3,2 человека — в городе).

Размер семьи тесно связан с ее составом. Рассмотрение структуры семьи по поколениям показывает, что в республике преобладают двухпоколенные семьи. И если в городах доли опрошенных чувашей и русских, живущих в таких семьях, равны 58%, то в сельской местности это соотношение иное: 55% чувашей против 41% русских. Большая доля двухпоколенных семей у чувашей определяется, во-первых, большей, чем у русских, долей остающейся на селе молодежи (лица в возрасте 16—29 лет, по данным обследования, у чувашей составляют 30,4% опрошенных, тогда как у русских — всего лишь 17,2%); во-вторых, это связано с более четко выраженной у чувашей традицией (в прошлом свойственной и русским) проживания с родителями младшего сына, в то время как у современных русских совместно с родителями может жить любой или любая из состоящих в браке сыновей или дочерей. Ввиду этого у чувашей больше доля и трехпоколенных семей. В результате повышенной миграции русской молодежи среди русских — сельских жителей образовалась значительная доля однопоколенных семей, состоящих только из престарелых родителей, выехавших или выделившихся взрослых детей (24,9%) и одиночек — пожилых матерей.

В 1979 г. в целом по Чувашской АССР 61,7% семей состояли из брачной пары с детьми или без детей со средней людностью 3,5 человека²⁴. Уменьшение людности таких типов семьи (в 1970 г. средний размер был равен 4 человекам) свидетельствует, во-первых, о снижении рождаемости, а во-вторых, о росте миграции молодежи, территориально отделившейся от родительских семей.

Возвращаясь к графу взаимосвязей DS-характеристик (рис. 5), следует отметить, что в комплексе рассмотренных переменных определенное место занимают признаки «семейное положение» (п. 29) и «состав семьи» (п. 32). Сильная связь их между собой, а также каждого из них с переменной «возраст» позволяет говорить об относительной самостоятельности данного субкомплекса признаков. Связь п. 8 и 29 с п. 11 (социально-

профессиональный статус) несет в себе черты двойственности. С одной стороны, легко интерпретируется связь социально-профессиональной принадлежности индивида с его возрастом, объясняемая социальной мобильностью в ходе жизни и деятельности; с другой стороны, связь п. 11 с п. 29 не может быть понята однозначно: нужно принять во внимание то обстоятельство, что в число социальных групп, шкалированных в индикаторе «социально-профессиональный статус», включены две специфические группы — «учащиеся» и «прочие», корреляция которых с возрастными характеристиками общеизвестна.

При изучении этноса следует учитывать и такое существенное биосоциальное явление, как пол. Задача обеспечения социального равенства женщин с мужчинами стала одной из первоочередных задач Советского государства с момента его образования. В наше время сформировался новый тип чувашской женщины — образованной и социально активной. В 1980 г. женщины составили 55,4% ²⁵ от общего числа всех работающих и служащих в республике. Этот показатель выше, чем в целом по СССР (51%) и по РСФСР (53%) ²⁶.

Процесс вовлечения женщин в сферу общественного труда происходит в условиях массовой смены традиций и обычаев. Межполовое разделение труда в наши дни теряет былую жесткость, уменьшается количество только «женских» и только «мужских» профессий и занятий. Так, за последние годы увеличилось число женщин, занятых в лесном хозяйстве Чувашии, а в сфере жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания возросло число мужчин. Женщины в ЧАССР составляют 55,3% ²⁷ от общей численности занятых в промышленности.

Общественно полезный труд женщин — явление закономерное и необходимое, однако процесс вовлечения женщин в производство сопровождается в наши дни рядом объективных трудностей, а порой и негативных явлений. Как показывают материалы обследования, в Чувашии между мужчинами и женщинами до сих пор сохраняются значительные различия по характеру труда. Они особенно существенны среди работников сферы физического труда: количество женщин — и чувашек и русских, занятых неквалифицированным физическим трудом, существенно превышает (и в городе, и в селе) число работников мужского пола в этой социально-профессиональной группе. В сфере высококвалифицированного физического труда подобная диспропорция не наблюдается, а в сфере умственного труда женщины-чувашки в некоторых возрастных группах обгоняют мужчин своей национальностью.

Особенно актуальна проблема разделения труда по полу в селах ЧАССР: без малого половина работающих сельских чувашек занята неквалифицированным физическим трудом. Сравнение этого показателя по возрастным группам выявило, что 65,7% от числа всех женщин, выполняющих неквалифицированную физическую работу на селе, составили 40—54-летние жен-

щины. Та же тенденция прослеживается и по материалам чувашского городского массива. Вместе с тем мужчины и женщины этой возрастной группы (в возрасте 40—54 лет) в городе и в деревне гораздо меньше вовлечены в сферы умственного и высококвалифицированного физического труда.

Профессиональная квалификация человека прямо зависит от его образования. Но не только. Дифференциация по полу в данном случае тоже может играть немаловажную роль. Имеет место огромная дистанция между образовательным уровнем современных чувашей и их родителей, особенно она велика среди женщин. Более того, сложилась тенденция к «феминизации» образования²⁸. Женщины в целом по республике составили в 1980/81 учебном году 53% от числа всех обучающихся в вузах и 59% — в средних специальных учебных заведениях; в области экономики доля студентов составляет около 90% от числа всех обучающихся, а в области просвещения — немного более половины²⁹ и т. п. Если соотношение при получении высшего и среднего образования и в дальнейшем сохранится в пользу женщин, то такие сферы труда, как экономическая служба, здравоохранение, право и другие станут «женскими» областями деятельности. Впрочем, это уже произошло в области просвещения: если в 1940/41 учебном году женщины-учителя составляли в целом по республике 52%, то в 1980/81 учебном году — 71%³⁰. А это, как известно, имеет и негативные стороны³¹.

Действительно, недооценка значения фактора пола в любой сфере человеческой деятельности, непонимание истинного смысла равноправия полов приводят к нежелательным последствиям. Предостерегая против вульгарного понимания равенства женщины с мужчиной в общественном производстве, В. И. Ленин указывал, что здесь речь идет не о том, чтобы уравнивать женщину в производительности труда, размере труда, длительности его, в условиях труда и т. д., а о том, чтобы особой охраной женского труда, особой заботой о нуждах женщины на производстве и в быту обеспечить ей равное с мужчиной положение в общем производительном труде³².

Высокий уровень образования современных чувашских женщин не всегда находит рациональное применение в общественном производстве. Материалы исследования свидетельствуют, что у женщин города и деревни характер выполняемого труда часто не соответствует показателям общего образования: так, каждая пятая из опрошенных в селе чувашек, имеющих среднее образование, занята неквалифицированным физическим трудом. В то же время каждый шестой сельский чуваш, имеющий специальное среднее образование, занят на должностях, требующих высшего образования, что для чувашек с тем же уровнем подготовки не характерно.

Без сомнения, одной из центральных проблем для современных чувашских женщин является проблема сочетания производственных и семейно-бытовых ролей. После детства и юности,

проведенных в условиях полного равенства, в жизни женщины возникают трудности совмещения профессиональной деятельности с функциями матери, жены, хозяйки. Это фактическое неравенство мужчины и женщины в быту отрицательно влияет на социальную активность женщин. Из числа всех обследованных чувашек женщины, воспитывающие несовершеннолетних детей и одновременно занятые на производстве, в селе составили 32%, а в городе — 40%. Именно эти женщины, испытывающие двойную нагрузку, заслуживают особого внимания общества. В частности, среди мероприятий, в какой-то степени решающих проблему освобождения от перегрузок женщин, имеющих маленьких детей, можно назвать вовлечение женского труда в сферу народных подсобных промыслов, как, например, это делается в Марийской АССР³³. Этот вид труда позволяет женщинам планировать свое рабочее время или даже быть занятой неполный рабочий день, более гармонично совмещать производственные и семейные обязанности. Полученные материалы показывают высокую степень владения чувашками, особенно сельскими, различными видами народного прикладного искусства: более 40% из них владеют тремя и более видами мастерства (ткацким искусством, вышивкой и т. п.), причем молодые и пожилые почти в равной степени.

Развитие сельских промыслов в системе колхозного и совхозного производства может помочь и в решении другой проблемы — закрепления женской молодежи в чувашских селах, так как в селах Чувашии ощущается дефицит потенциальных невест.

Среди сельских чувашей в возрасте до 45 лет, не состоящих в браке и не имеющих детей, доля мужчин равна 61%, а женщин — 39% (у сельских русских — 53 и 47%). В то же время в городе среди этой категории населения женщины составляют значительное большинство. Подобная проблема существует и в других районах страны, в решении ее накоплен интересный опыт, например, в Вологодской³⁴, Саратовской³⁵ и других областях, где проводится комплекс мероприятий, направленных на закрепление в сельской местности молодых женщин. Среди этих мер можно назвать повышение профессиональной квалификации женщин, предоставление женщинам менее трудоемких участков работы (оснащенных техникой, конструкция которой соответствовала бы особенностям женского организма), решение социально-бытовых проблем.

Сравнительный анализ взаимосвязи состава по полу с другими переменными демосоциальной (DS) компоненты (социально-профессиональная группа, уровень образования, семейное положение и др.) по всем обследованным массивам показывает, что, во-первых, социальные характеристики мужчин — представителей различных национальностей (чувашей и русских) — в ЧАССР более схожи, чем у мужчин и женщин одной и той же национальности; тот же вывод относится и к женской поло-

вине населения республики. Во-вторых, социальные различия между мужчинами и женщинами более заметны в сельских условиях, чем в городских.

* * *

Кратко резюмируя изложенные факты и их анализ, можно сделать следующие заключения.

Есть все основания считать, что группа DS-переменных занимает в системе чувашского этноса и в русских массивах населения ЧАССР ведущее положение. Из этого следует, что эффективные решения, направленные на оптимизацию других — культурных, бытовых и т. п. — элементов этнических структур, должны учитывать это обстоятельство и исходить из него.

Социально-профессиональные характеристики обеих этнических групп — чувашей и русских — нуждаются в существенных улучшениях. Главные усилия следует направить на количественный рост и качественное совершенствование социального слоя высококвалифицированных работников физического труда. Это особенно относится к чувашскому этносу. Необходимо способствовать все большему включению, втягиванию чувашского населения в ведущие отрасли народного хозяйства.

Важнейшим способом решения проблемы на современном этапе НТР может стать система подготовки и переподготовки рабочих и инженерных кадров (в том числе и в особенности на предприятиях, где осваиваются и где предстоит осваивать новейшие оборудование и технологии). При этом должны быть учтены особенности и традиции, связанные с трудовыми навыками этнических групп (чувашей и русских).

Крупной проблемой остается задача стабилизации трудовых ресурсов в сельской местности. Ее решение возможно на основе комплекса мер по механизации и автоматизации сельскохозяйственного производства, создания благоприятных культурно-бытовых условий жизни на селе, использования и развития местных промыслов и культурных традиций. В то же время этой цели могут послужить продвижение в село цехов и филиалов промышленных предприятий (функционирующих в межсезонье), а также заключение экономических (хозрасчетных) договоров между колхозами (совхозами) и промышленными предприятиями о сотрудничестве и маневре рабочей силой.

¹ Переменная 27 (проведение досуга) сознательно включена нами в комплекс рассматриваемых переменных, так как она описывает важные для нашего анализа стороны жизни индивида — учебу, самообразование, повышение квалификации, рационализаторство и т. п.

² Индекс различий рядов исчислялся по формуле

$$a = \sum_{i=1}^n |P_i^a - P_i^b| / 2,$$

где P_i — доли признака в совокупностях «а» и «б» (например, а — город, б — село). См.: *Миркин Б. Г. Анализ качественных признаков.* М., 1976.

- С. 32. Значение индекса изменяется от 0 до 1. Индекс, равный 0, свидетельствует об отсутствии различий.
- ³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1972. Т. 1. С. 11.
- ⁴ Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения СССР 1979 г. М., 1984. С. 10.
- ⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1982 г. М., 1983. С. 7.
- ⁶ Там же. С. 129—135.
- ⁷ Укрупнение хозяйства выразилось также в увеличении средней величины посевной площади, приходящейся на один совхоз (или колхоз) с 2,6 тыс. га в 1975 г. до 2,8 тыс. га в 1982 г. См.: Там же. С. 129—135.
- ⁸ Федосеев П. Н. Рабочий класс и научно-технический прогресс//Социол. исслед. 1980. № 4. С. 14.
- ⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1983 г. М., 1984. С. 290.
- ¹⁰ Викторov В. Н. Изменение образовательного и профессионально-квалификационного уровня занятого населения Чувашской АССР//Экономия ресурсов и эффективность производства в Чувашской АССР. Чебоксары, 1983. С. 103.
- ¹¹ Народное хозяйство РСФСР в 1983 г. С. 324.
- ¹² Там же. С. 308.
- ¹³ В 1982 г. эта доля составила 86,4%. См.: Там же. С. 14.
- ¹⁴ Ср.: Социальное и национальное: (Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР). М., 1973. С. 55.
- ¹⁵ Староверов В. И., Ильин И. Е. Формирование и совершенствование социально-профессиональной структуры тружеников сельского хозяйства//Экономия ресурсов... С. 181.
- ¹⁶ См.: Зюзин Д. И. Общественный призыв как форма перераспределения трудовых ресурсов//Социол. исслед. 1985. № 2. С. 83.
- ¹⁷ Староверов В. Н. Социальные аспекты развития производительных сил агропромышленного комплекса СССР//Там же. С. 31—41.
- ¹⁸ Сидоров К. К. О некоторых особенностях рождаемости в Чувашской АССР//История культуры Чувашской АССР. Чебоксары, 1972. Вып. 2. С. 229.
- ¹⁹ Там же. С. 229.
- ²⁰ Демографический словарь. М., 1985. С. 526.
- ²¹ Староверов В. И., Ильин И. Е. Формирование... С. 173.
- ²² Научный архив ЧНИИ ЯЛИЭ. Д. 923. Л. 4а, 81а, 12г, 15г, 18с, 22с.
- ²³ Фокон П. П. Социальная и этнодемографическая характеристика структуры сельской семьи Чувашской АССР//Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984. С. 43.
- ²⁴ Там же. С. 44.
- ²⁵ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки: Статистический сборник. Чебоксары, 1982. С. 101.
- ²⁶ Вестн. статистики. 1981. № 1. С. 71.
- ²⁷ Народное хозяйство Чувашской АССР... С. 101. Следует заметить, что вопрос о традиционных для мужчин и женщин занятиях может вызвать разногласия. Так, мы привыкли считать торговлю в наши дни более привычным занятием для женщин, в то время как в прошлом женщины-чувашки ею, как правило, не занимались. К сожалению, этот вопрос специально не изучался.
- ²⁸ Исключительно высокий уровень образования молодых женщин — специфическая особенность СССР. См. подробнее: *Переведенцев В. И.* Плачу долги, даю взаймы. М., 1981. С. 7.
- ²⁹ Народное хозяйство Чувашской АССР... С. 162.
- ³⁰ Там же. С. 153.
- ³¹ См., например: *Васильев Б.* Простой рецепт — работа//Лит. газ. 1984. 15 авг.
- ³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 201.
- ³³ *Барадулин В. А., Сидоренко В. Т.* Подсобные художественные промыслы России. М., 1983.
- ³⁴ Правда. 1984. 17 мая; Комсомольская правда. 1984. 21 марта.
- ³⁵ Социально-экономическое планирование в сельскохозяйственном коллективе. Саратов, 1983.

Межэтнические взаимодействия в социальных микросредах

§ 1. Микросреды межэтнических контактов

Одной из существенных черт, характеризующих этнос как открытую саморегулирующуюся социальную систему, выступает способность этнических общностей к контакту, взаимодействию во всех сферах их бытия. Феномен межэтнических контактов представляет собой сложное и многогранное социальное явление. В этнографии и этносоциологии сложились по крайней мере три подхода к исследованию проблемы межэтнических контактов. В одном случае (что характерно для работ, выполненных в традициях классической этнографии) изучаются, как правило, результаты взаимовлияний в области материальной и духовной культуры, различные виды взаимодействий (в частности, межнациональная брачность) на уровне этносов или крупных этнических подразделений¹. В другом случае межэтнические взаимодействия, рассматриваемые на личностном уровне, трактуются как процесс восприятия, усвоения и передачи внутри- и иноэтнической информации. В рамках такого подхода затрагивается ряд сторон этнопсихологической реализации межнационального общения, выражаемой совокупностью установок, оценок, ориентаций, связанных с отношением к различным национальностям и их культурам². Понятие «межнациональное общение» выступает как производное от более общей категории «межличностное общение», разрабатываемой в рамках социальной психологии³.

Еще один — третий — аспект изучения проблемы межэтнических контактов составляет анализ результатов личностного межнационального общения в малых социальных группах как массового процесса, меры влияния этих групп на этнокультурные, этноязыковые и иные характеристики партнеров по общению, что и является предметом исследования в настоящей главе. Термины «межэтнические контакты», «межнациональное общение», «личностное межнациональное общение (контакты)» рассматриваются здесь как синонимы.

Известно, что межличностное общение осуществляется и более или менее постоянно воспроизводится в значительной мере в малых группах. Таким образом, задача изучения личностных межэтнических контактов состоит в том, чтобы, во-первых, установить комплекс факторов, детерминирующих возникновение и функционирование этнически смешанных микросред, а во-вто-

рых, выявить те элементы этносистемы, которые подвержены наиболее заметным изменениям под влиянием общения в таких микросредах. В этой связи особое значение приобретают те малые группы, которые включают индивидов в систему наиболее устойчивых и социально значимых отношений. К их числу, несомненно, принадлежат: семья, первичный трудовой коллектив⁴, группы ближайшего дружеского и соседского общения.

Понятно, что социальные связи индивидов отнюдь не исчерпываются взаимодействием с членами ближайшего окружения. Структура личностных контактов значительно сложнее, поэтому наряду с микросредами правомерно выделять также сферы контакта, в пределах которых сосуществуют самые разнообразные по своей функциональной нагрузке формы общения. В качестве таких сфер (кстати сказать, во многом совпадающих с соответствующими реальными областями деятельности индивидов) допустимо выделить: сферу массового общения (контакты на улице, в местах торговли, отдыха и т. д.); сферу общения, обусловленную территориально-пространственной близостью (соседское общение); сферу трудового общения; сферу индивидуально-личностного общения (семейно-родственного и дружеского).

Инструментально факт чувашско-русского общения зафиксирован с помощью 8 вопросов-признаков (см. Приложение, разд. III), которые учитывают национальную принадлежность ближайшего социального окружения обследуемого — родителей (п. 34), супруга или супруги (п. 35), детей (п. 36), близких друзей (п. 50), соседей (п. 49), членов первичного трудового коллектива (п. 47). Еще один индикатор (п. 54) улавливает наиболее типичные для обследуемого сферы контакта в континууме постепенного возрастания их интимности (от случайных и быстротечных встреч с незнакомыми и малознакомыми людьми на улице до длительных и глубоких связей внутри семьи). Кроме того, показатель (п. 53), учитывающий общую частоту контактов (по шкале: часто—регулярно—редко), позволил получить некоторое представление об интенсивности и общем объеме межнационального общения в пределах республики.

История контактов между чувашами и русскими измеряется веками. Уже в середине XVI в. чуваша были включены в систему экономических, государственно-правовых и политических отношений Русского государства⁵. К этому же периоду относится и появление на этнической территории чувашей русского этнического компонента. К концу XVII в. доля русских, как полагают, достигала 1/5 населения, жившего в нынешних границах Чувашской АССР⁶. В дальнейшем интенсивность и массовость межэтнических контактов чувашей с русскими, марийцами, татарами постоянно усиливалась в связи с ростом отхожих промыслов, торговли, а также в связи со службой в армии⁷⁻⁸.

Понятно, что, развиваясь в рамках той или иной общественно-экономической формации, в рамках того или иного общества, межнациональное общение обладает многими чертами и при-

знаками, свойственными не только данной формации, но и этому конкретному обществу. И при изучении современного состояния межэтнических контактов в республике важное значение приобретает выяснение того, в какой степени анализируемое явление соответствует новому качеству чувашского этноса, а именно советской социалистической нации, входящей в состав новой социальной и интернациональной общности — советского народа.

Не вызывает сомнений тот факт, что для Чувашской АССР. (и в этом отношении она не является исключением) характерна атмосфера дружбы, благожелательности и взаимопонимания между представителями различных национальностей. По данным обследования, от 84 до 93% чувашей и русских считают, что при выборе близкого друга или брачного партнера национальность не имеет значения. И если подобные ответы расценивать как один из индикаторов определенной социально-психологической настроенности, готовности к межэтническим контактам, то можно полагать, что для более полных и всесторонних межнациональных взаимодействий, в том числе и на личностном уровне, в республике имеются благоприятные реальные возможности и резервы.

Эмпирические материалы свидетельствуют о том, что в целом для чувашей и русских, живущих в Чувашии, характерны весьма высокие показатели межнационального общения: 4/5 чувашского и русского населения ежедневно или регулярно (не реже чем 3 раза в месяц) по самым различным поводам общаются между собой или с представителями иных национальностей. В 1979 г. доля национально-смешанных семей в ЧАССР достигла 1/8, что приближается к среднему показателю по Союзу ССР.

Вместе с тем было бы неверно утверждать, что процесс межнационального общения лишен противоречий. Одна из проблем состоит в том, что в условиях двух социально-экологических сред (в городе и в селе), а также в различных сферах жизнедеятельности динамика развития личностных межнациональных контактов неодинакова. Для Чувашской АССР это особенно актуально, так как республика относится к числу регионов, где темпы развития промышленности и связанные с этим процессы урбанизации существенно превышают интенсивность и темпы развития сельского хозяйства и сельского расселения.

Количественные характеристики национально-смешанных микрогрупп (R-переменных) следующие. Среди городского чувашского населения 92% (от числа ответивших) работают в национально-смешанных трудовых коллективах, 27% состоят в близкой дружбе с лицами других национальностей, 22,8% имеют инонациональных супругов. В селе эти данные сокращаются соответственно до 26, 2,4, 2,4%. В сельской местности большая часть межэтнических контактов (около 3/4) реализуется чувашами в сферах массового общения: на улице, в местах торговли, в клубах, а также на работе. В городе при наличии сходных

тенденций заметно возрастает объем контактов в сферах дружеского и семейно-родственного окружения. Около половины чувашей-горожан ответили, в частности, что чаще всего они общаются с лицами других национальностей, помимо работы, в дружеских компаниях и в семье.

Приведенные данные делают очевидными по крайней мере два вывода. Во-первых, по темпам роста и доле этнически смешанных микросред селу ЧАССР свойственно значительное отставание по сравнению с городом. Во-вторых, микрогруппы, в которых реализуется индивидуально-личностное общение, в селе продолжают формироваться преимущественно на мононациональной основе.

Известно, что существование этнически смешанных микросред в значительной мере детерминировано как непосредственным, так и опосредствованным действием факторов, составляющих демосоциальное основание этноса (DS-основание). Анализ зависимостей между признаками, фиксирующими межэтнические контакты, и различными переменными, описывающими этнос, позволил представить механизм их взаимодействия. Стало ясно, что в современной ситуации в условиях города и села одни и те же DS-факторы (возраст, образование, социально-профессиональная группировка, социально-классовая принадлежность) оказывают неодинаковое воздействие на процесс возникновения и существования этнически смешанных микросред. В селе зависимость уровня межнационального общения от DS-факторов выражена значительно сильнее, чем в городе. Кроме того, этнический состав трудовых коллективов, с одной стороны, и дружеских и семейно-родственных — с другой, зависит от различных совокупностей факторов.

Как видно из рис. 11, уровень этнической смешанности первичных трудовых коллективов (п. 47) в сельской местности Чувашской АССР определяется особенностями поселенческой среды. Здесь имеют существенное значение такие факторы, как национальный состав населения в поселении, функциональный тип поселения, численность населения в поселении, характер отраслевой структуры поселений. Кроме того, имеют важное значение уровень образования населения, особенности возрастной, социально-классовой и социально-профессиональной структур жителей поселения. В селах республики в полиэтничных коллективах работают главным образом лица, имеющие среднее (общее и специальное) и высшее образование, занятые умственным и высококвалифицированным физическим трудом, а также занятые в промышленности. Заметная доля чувашей из числа работающих в этнически смешанных коллективах живет в таких сельскохозяйственных населенных пунктах, где значительная часть населения занята в промышленном производстве. Как правило, эти поселения расположены близко к городам и отличаются высоким уровнем маятниковой миграции занятого населения. В частности, 16,7% русских и 9,3% чувашей — жителей

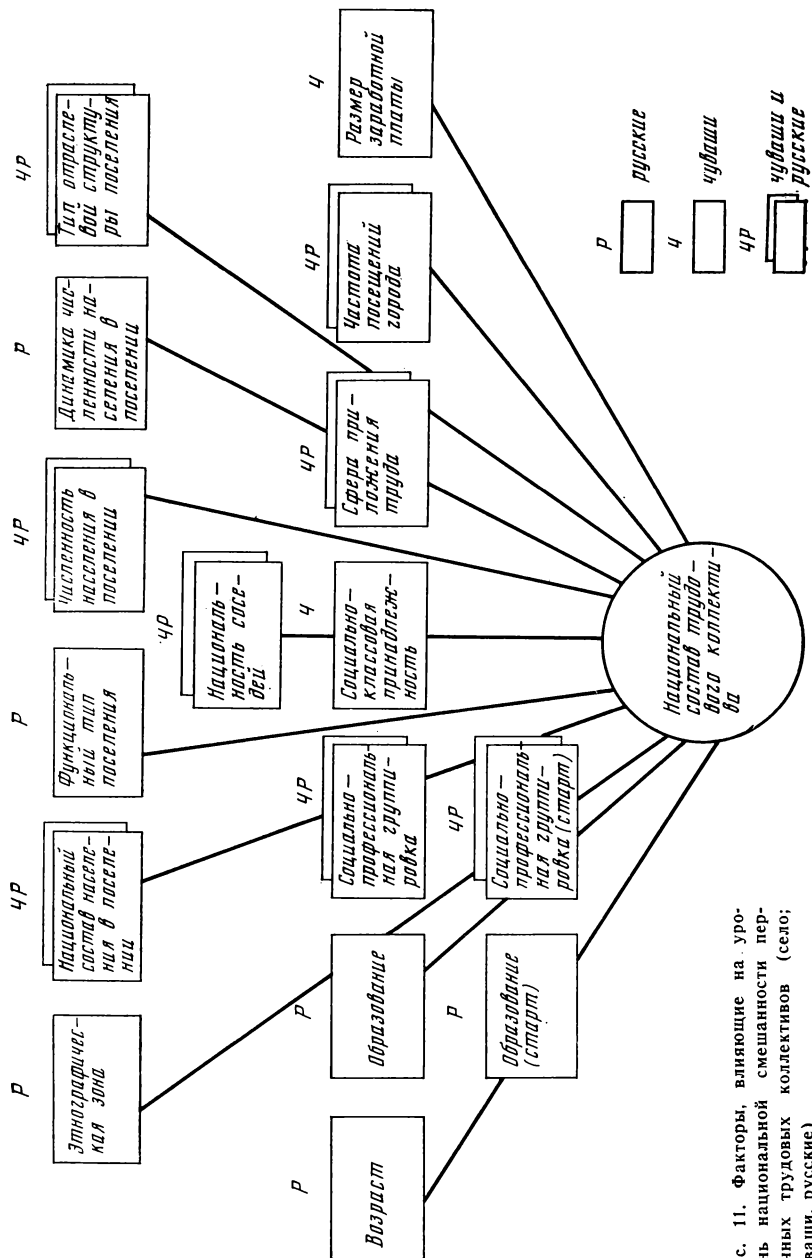

Рис. 11. Факторы, влияющие на уровень национальной смешанности первичных трудовых коллективов (село; чувши, русские)

села, занятых в общественном производстве, работают в ближайших городах. Для большинства из них (для 93% русских и 73% чувашей) сфера труда становится этноконтактной. Те же трудовые микрогруппы, которые существуют внутри сельских поселений, сформированы в значительной степени на моноэтнической основе.

В целом материалы обследования показывают, что весомая доля межэтнических контактов жителями села ЧАССР осуществляется за пределами тех населенных пунктов, где они проживают, в первую очередь в городах. Этот факт во многом объясняется исторически сложившимся характером этнической среды в сельской местности ЧАССР. Особенность состоит в том, что чуваша, представляя абсолютное большинство сельского населения (около 85%), расселены компактно и относительно обособленно. По данным опроса, 96,5% чувашей и 75% русских проживают в населенных пунктах с долей жителей чувашской (или русской) национальности от 90 до 100%.

Таким образом, по этническому составу сельская поселенческая среда является более гомогенной для чувашей, чем для русских.

Естественно, что в этих условиях русское сельское население отличается большим объемом межэтнических контактов. Например, доля национально-смешанных браков среди сельских русских достигает 12,3%. Однако как у чувашей, так и у русских «механизмы» регуляции межнационального общения со стороны DS-факторов совпадают. Характер воздействия этих факторов (в первую очередь таких, как социально-классовая принадлежность, социально-профессиональная группировка, образование, тип отраслевой структуры поселения, частота посещения города) свидетельствует о существовании прямой и весьма сильной зависимости межэтнических контактов в сфере труда от степени влияния городов и меры урбанизованности самих сельских поселений. Так, среди чувашей — жителей села в национально-смешанных коллективах работают 47,3% из числа занятых в промышленном производстве и только 9,6% членоз колхозов.

В условиях города дифференциация трудовых сред по уровню этнической смешанности в зависимости от DS-факторов выражена значительно слабее. Городская поселенческая среда предоставляет своим жителям приблизительно равные возможности в сфере трудового межнационального общения и, что особенно важно, эти возможности реализуются в различных городах Чувашии сходным образом. Доли национально-смешанных трудовых коллективов в городах ЧАССР во всех отраслях народного хозяйства приблизительно одинаковы (около 9/10), что в целом свидетельствует о равном представительстве национальностей в различных профессионально-отраслевых группах. Пожалуй, из всех возможных факторов единственным существенным регулятором доли этнически смешанных трудовых мик-

Рис. 12. Интернациональная бригада (рабочие чувашской, русской и мордовской национальностей) газокompрессорной станции «Заволжская»

рогрупп в городах выступает этнический состав населения (п. 6) (рис. 12).

Нет сомнения, что трудовые коллективы (в том числе и различающиеся по этническому составу) формируются и существуют обычно в решающей мере независимо от воли отдельных индивидов. Гораздо больше возможностей проявить свои личные склонности, желания и предпочтения представляется индивиду при выборе личных друзей и брачных партнеров, ибо дружеские и семейно-брачные отношения выступают в качестве тех особых сфер социальной жизни, где удовлетворяются сугубо личные потребности и создание которых в большой степени зависит от воли и стремлений самого индивида. В связи с этим особый интерес представляет механизм взаимосвязи между этнической принадлежностью ближайших друзей и супругов и различными элементами этносистемы.

Анализ сети причинно-следственных и корреляционных связей между переменными свидетельствует о том, что при выборе друга (подруги) или супруга (супруги) с точки зрения их национальности ряд DS-характеристик — образование, возраст, социально-профессиональная группировка, сфера приложения труда, — сохраняя в целом роль детерминант, действуют более преломленно и опосредствованно. Наряду с этим важным фактором зарождения и поддержки межнациональных дружеских и брачных отношений является индивидуальный опыт межна-

ционального общения внутри микросред, особенно трудовых, а также тех, которые окружали индивида на ранних этапах его социализации. Согласно данным обследования, доля национально-смешанных браков и дружеских групп среди чувашей и русских гораздо заметнее варьирует в зависимости от национальности родителей обследуемых, от национального состава трудовых и учебных коллективов и соседских групп общения, чем от возраста, уровня образования или социально-классовой принадлежности. В число этнокультурных детерминант вошли такие показатели, как язык раннего детства, язык обучения в школе и степень владения чувашским языком.

В обобщенном виде смысл перечисленных зависимостей можно выразить следующим образом: чем продолжительнее и шире практика повседневных контактов с представителями других национальностей, чем менее однородно по этническому составу и этнокультурным характеристикам социальное окружение, тем менее выражена предпочтительность в выборе друзей и супругов своей национальности. Анализ эмпирического материала позволяет констатировать, что этническая принадлежность и этнокультурные характеристики поселенческой среды и ближайшего социального окружения в ряде случаев значительно сильнее сказываются на поведении индивидов в сфере межнационального общения, чем их социально-демографические и профессиональные параметры. Подобные тенденции отчетливо проявляются как в городе, так и в селе. В частности, среди чувашей-горожан имеют близких инациональных друзей (главным образом русских) 12% из числа тех, кто работает в мононациональных чувашских коллективах, и 33% из числа работающих в национально-смешанных микрогруппах, где лица чувашской национальности составляют около половины. В сельской местности эта закономерность выражена значительно сильнее. Так, если среди чувашей, живущих в чувашском мононациональном соседском окружении, имеют инациональных друзей лишь 1,6%, то в числе тех, кто постоянно общается с национально-смешанными семьями, эта доля возрастает до 13,6%.

Для ЧАССР изучение набора детерминант, влияющих на уровень межнациональной брачности и дружбы в городах, особенно актуально. Интенсификация урбанистических процессов в республике началась сравнительно недавно (конец 50-х — начало 60-х годов)⁹. Подавляющее большинство горожан, и в первую очередь чувашей,— мигранты (главным образом из села). В зависимости от источников пополнения городского населения (мигранты из города или из села, из других районов Чувашии или из-за ее пределов), а также от длительности проживания в городе колеблется уровень заключения национально-смешанных браков и создания дружеских микросред. Недавним переселенцам из села, особенно тем, кто живет в городе менее 10 лет, свойственно преимущественно внутринациональное общение в индивидуально-личностных сферах. В среде коренных горожан

эти сферы в значительной степени интернационализированы. В частности, среди чувашей — уроженцев городов около половины дружат с лицами других национальностей и 45% состоят в национально-смешанных браках, тогда как в числе чувашей, недавно приехавших из сельской местности (до 5 лет к моменту опроса), эти доли составляют соответственно 20 и 14%.

Выявленные тенденции едва ли следует рассматривать как специфичные для Чувашской АССР. Установлено, что одну из ступеней адаптации к новой социально-экологической и этнокультурной среде составляет воспроизводство привычных для мигрантов стандартов поведения и что увеличению доли национально-смешанных семей и дружеских групп содействует рост числа потомственных горожан¹⁰. Вместе с тем важно принять во внимание и другое. В настоящее время в республике сельская социально-экологическая среда продолжает оказывать заметное воздействие на город, в том числе через многочисленные потоки сельских мигрантов, более или менее продолжительно сохраняющих важные элементы привычного для них сельского жизненного уклада. Учитывая характер миграционных процессов в ЧАССР, можно предположить, что в ближайшем будущем (в перспективе 5—10 лет) в городах доля национально-смешанных дружеских и семейно-брачных микросред существенно не изменится.

Понятно, что и город оказывает существенное — и, вероятно, даже большее — воздействие на характер межэтнических контактов жителей села. Те группы сельского населения, которые проживают в зоне притяжения городов, особенно Чебоксар, отличаются более высокая частота межэтнических контактов и большее разнообразие этноконтактных сфер.

§ 2. Роль этнически смешанных микросред (R-факторов) в этнокультурных процессах

К числу актуальных и весьма важных относится также вопрос о том, какие микросреды и в какой мере способны воздействовать на этнокультурные характеристики населения, участвующего в межнациональном общении. Зная основные направления, генеральные тенденции изменения этнокультурных параметров под влиянием повседневных контактов (сближение, интернационализация, взаимообогащение), необходимо установить те зоны этносоциальной действительности, которые наиболее чутко реагируют на контакт.

По этому поводу была сформулирована предварительная гипотеза, согласно которой наибольшее воздействие межэтнические контакты (R-факторы) оказывают на языковую (L) компоненту и на показатели, характеризующие духовную культуру чувашского этноса (группу K_p -переменных)¹¹. В общем эта гипотеза подтвердилась. Однако в процессе разработки материала сложилось более конкретизированное, детальное представле-

ние о роли межэтнических контактов как фактора этнических процессов.

Материалы обследования дают основания полагать, что в языковой (L) компоненте под воздействием контактов в составе малых групп наиболее существенно изменяется речевое поведение участников контакта. И это понятно. Совместная деятельность в трудовых коллективах, общение в кругу друзей, в семье прямо сказывается прежде всего на том, какой язык (чувашский, русский или оба языка) становится средством общения в соответствующих сферах. Чем более смешаны по этническому составу микрогруппы, тем полнее развито двуязычие и, в частности, тем шире употребление русского языка. Однако в условиях города и села складываются различные формы речевого поведения в этноконтактных микрогруппах.

В среде городских и сельских чувашей неодинакова интенсивность использования русского языка в одних и тех же сферах общения. В селе в этнически смешанных трудовых коллективах, а также в национально-смешанных семьях преобладает чувашско-русское двуязычие; в городах в сходной ситуации используется преимущественно русский язык. Чувашей-горожан отличает более мобильное изменение речевого поведения, причем именно в тех средах, где имеет место межнациональное общение. Так, если из числа чувашей-горожан, состоящих в мононациональных браках, в семье говорят только или преимущественно по-русски 14%, то среди тех, кто имеет инонациональных супругов, русский язык становится основным средством общения для 86%. В селе же повседневные контакты с представителями иных национальностей в одной из сфер оказывают как бы совокупное, но вместе с тем менее динамичное действие на выбор языка общения в других ситуациях. Так, этнический состав трудового коллектива в селе влияет не только на язык общения на работе, но и на язык общения дома (правда, эта связь выражена слабее). Язык общения дома коррелирует с этническим составом соседского окружения. Смысл подобных зависимостей станет яснее, если учесть, что в сельской местности одни и те же люди зачастую включены в различные виды отношений, а в городе состав лиц, с которыми индивид совместно живет, трудится и дружит, совпадает значительно реже.

Кроме того, можно считать установленным, что, помимо активизации речевых форм чувашско-русского двуязычия, межэтнические контакты влияют на степень знания сельскими жителями русского языка. Наиболее очевидно эта тенденция прослеживается в группах с относительно низким уровнем образования. В частности, среди чувашей — сельских жителей, имеющих образование 9 классов и ниже, свободно владеют русским языком 75% из числа ежедневно вступающих в контакты и лишь 33% из числа тех, кто общается с лицами других национальностей только эпизодически. Таким образом, в селах ЧАССР проблема и задача развития контактного двуязычия и изменения

Таблица 3. Влияние межнационального общения в первичном трудовом сельском коллективе на выбор произведений художественной литературы (%)

Этнический состав трудового коллектива	Произведения художественной литературы			
	зарубежных, советских и русских авторов	зарубежных, советских, русских и чувашских авторов	русских и чувашских авторов	только чувашских авторов
Только чуваша	10,6	7,0	30,1	52,3
Чуваши и лица других национальностей	19,0	10,1	42,3	28,6
Чуваши составляют менее 2/3 коллектива	20,0	20,0	40,0	20,0

языковой компетентности под влиянием регулярных личностных контактов остается актуальной.

Все это позволяет рассматривать этнический состав микросред как важный фактор изменения и развития некоторых языковых характеристик чувашского этноса в целом (подробнее об этом см. в главе четвертой).

Воздействие личностного межнационального общения на компоненту духовной культуры (группу K_F - и F -переменных) также избирательно. Результаты обследования показали, что систематические контакты в малых группах способны усиливать взаимный интерес к различным элементам духовной культуры народа — партнера по контактам. Это относится главным образом к ее профессиональному слою, но также к тем видам фольклорного искусства, которые наиболее часто и регулярно транслируются средствами массовой коммуникации. Так, в зависимости от этнического состава ближайшего социального окружения варьируют показатели, характеризующие репертуар просмотренных (прослушанных) теле- и радиопередач, наличие у обследованных грампластинок и магнитофонных записей чувашских и русских народных и современных песен, репертуар просмотренных театральных постановок, этнические предпочтения в выборе музыкальных произведений для концерта по заявкам, отношение к народным песням различных народов СССР. Для чувашей, вовлеченных в повседневные социально значимые контакты с представителями других национальностей, характерно увеличение доли потребления русских и общесоветских форм духовной культуры, ослабление внутриэтнических этнокультурных предпочтений. В большинстве случаев общение в малых этноконтактных средах становится импульсом к более активному восприятию инонациональной культуры (табл. 3).

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в группе чувашей как горожан, так и жителей села, ориентированных на преимущественное восприятие общесоветской культуры, велика доля членов этноконтактных микросред. Напри-

мер, в числе чувашей-горожан, интересующихся в равной мере чувашскими и русскими радио- и телепередачами, имеют супругов русской национальности 16%, тогда как среди слушающих (смотрящих) преимущественно русские передачи эта доля возрастает до 46%. Разумеется, едва ли правомерно в данном случае слишком прямолинейно ставить вопрос о направленности влияния: общение с супругом (-ой) русской (или иной) национальности воздействует на этнокультурные ориентации и предпочтения, или же, наоборот, особенности этнокультурной структуры личности определяют выбор инонациональных брачных партнеров и друзей. Думается, что процесс этот взаимосвязанный и взаимообусловленный.

При анализе влияния межэтнических контактов в микросредах на этнокультурные характеристики членов этих микросред может сложиться впечатление, что воздействие R-переменных на элементы F -, K_p - и K_m -компонент носит не самостоятельный характер, а выступает лишь как следствие действия более существенных факторов, таких, например, как уровень образования, социально-профессиональный статус, языковая компетентность и др. Однако проверка этой гипотезы показывает, что этнически смешанные микросреды, прежде всего первичный трудовой коллектив и семья, обладают собственной активностью и заметно трансформируют структуру потребления национальных и интернациональных форм духовной и материальной культуры. Об этом, в частности, свидетельствуют данные об этническом аспекте репертуара чтения художественной литературы в двух группах чувашей-горожан, имеющих близкие языковые показатели, но различающиеся по национальности брачного партнера. Так, из числа тех, кто в равной мере владеет чувашским и русским языками (свободно говорят, читают, пишут), включают в репертуар чтения произведения зарубежных, советских, русских и чувашских авторов 57% лиц, состоящих в однонациональных браках, и 74% лиц, имеющих инонациональных супругов.

Таким образом, повседневные межэтнические контакты в сфере труда и семейно-брачных отношений можно рассматривать как своеобразный «катализатор», способный заметно активизировать процессы сближения и, так сказать, универсализации этнокультурных показателей контактирующих групп населения. Однако в различных социально-экологических средах (городской и сельской местности), социально-профессиональных группах, среди лиц с разным уровнем образования и с неодинаковой степенью владения чувашским и русским языками общие тенденции проявляются своеобразно и как бы на разных ступенях.

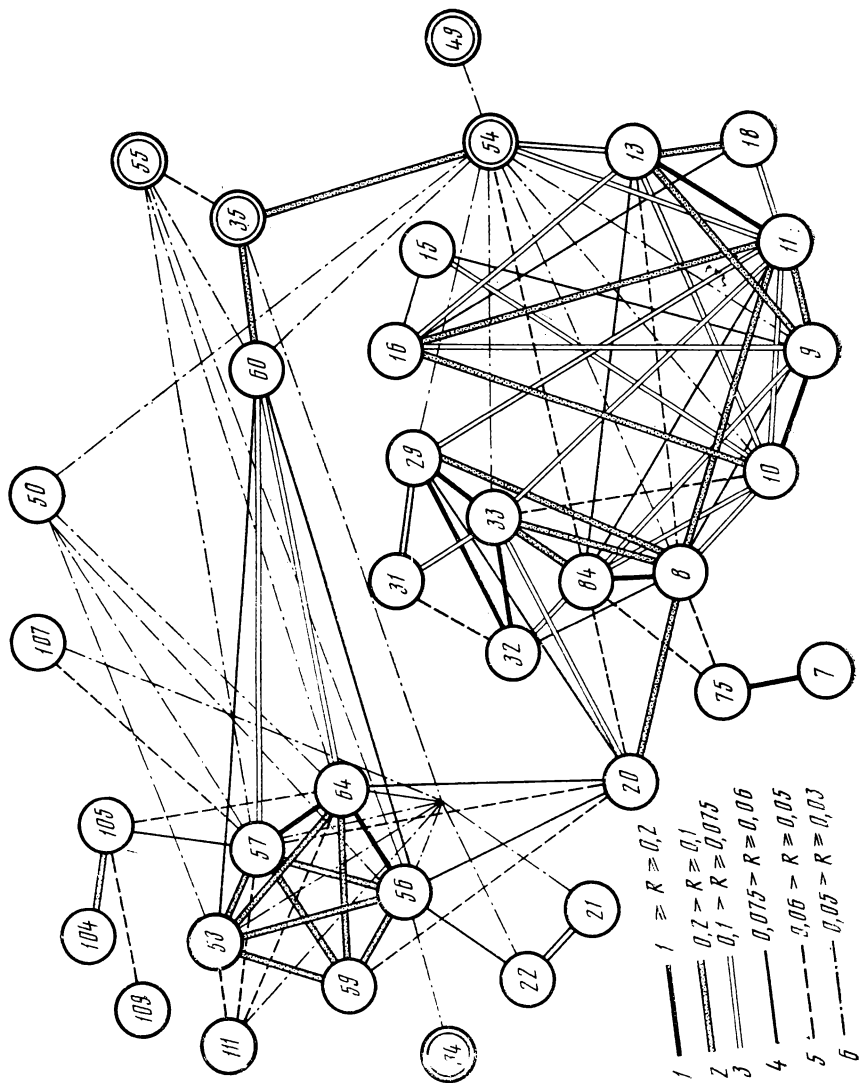
Сопоставление, в частности, данных по группам чувашей, различающихся по уровню образования, выявляет следующую картину. Среди чувашей с относительно низким образовательным статусом под воздействием контактов разрушается внутриэтническая культурная замкнутость. В группах с относительно высоким уровнем образования (не ниже общего среднего) в

процессе общения вырабатываются более широкие интересы к разнонациональному искусству, складывается тот рациональный бикультурализм, в котором реализуется межэтническое сближение. Так, например, среди сельских чувашей, имеющих образование 1—9 классов, читают произведения зарубежных, советских, русских и чувашских авторов 1/3 лиц, работающих в мононациональных коллективах, и почти половина тех, кто работает в этнически смешанных коллективах. В свою очередь, среди лиц чувашской национальности, имеющих образование 10 классов и выше, предпочитают интернациональный репертуар чтения 42% членов мононациональных и 54% членов национально-смешанных трудовых микросред.

Вместе с тем представленные данные ни в коем случае не следует трактовать как свидетельство угасания интереса к своим национальным ценностям под влиянием контактов. Напротив, внимательное прочтение статистических распределений позволяет говорить об усложнении, разветвлении культурных ориентаций контактирующих групп населения, об усилении их адаптивных способностей. В ряде случаев чуваша, регулярно контактирующие с представителями других национальностей, демонстрируют более высокий уровень знания собственной культуры. В частности, в чувашском сельском массиве информации прослеживается корреляция между знанием чувашских писателей и частотой контактов. Расчет показал, что в категории чувашей с образованием 10 классов и выше знают четырех и более чувашских писателей 71% из числа редко контактирующих, 74,8% среди общающихся регулярно (2—3 раза в месяц) и 79,5% — среди вступающих в межнациональные контакты часто (ежедневно или почти ежедневно). Подобные данные говорят в пользу того, что межнациональное общение может приводить даже к усилению внимания к национальной культуре, но к усилению на новом уровне, связанном с сопоставлением достижений своего и других народов.

Оценивая роль личностных межнациональных контактов как фактора, активизирующего процессы межнационального сближения, не следует и преувеличивать их значение. Важно иметь в виду, что контакты с представителями других национальностей (даже весьма длительные и интенсивные) сами по себе не ведут к радикальной и мгновенной трансформации всех (или хотя бы многих) личностных и групповых этнокультурных характеристик.

Такие существенные стороны этнического бытия, как поведенческие стереотипы в обрядовой жизни, воспроизводство и потребление некоторых элементов традиционной материальной культуры, под влиянием общения изменяются лишь незначительно. В этнически смешанных микрогруппах несколько интернационализируются, сближаются те формы поведения, в которых в равной мере затрагиваются интересы и предполагается участие обеих контактирующих сторон, причем изменение тра-

диционных культурных характеристик происходит по преимуществу в семейно-брачной сфере. Установлено, что несовпадение национальности супругов сказывается на типе свадебного обряда (в ряде случаев это современный гражданский обряд), а также на бытовании традиционной чувашской кухни (наблюдается ее сокращение). Об относительно слабой изменчивости этой группы показателей свидетельствуют следующие данные. В мононациональных городских чувашских семьях доля регулярно употребляющих чувашские национальные блюда составляет 26,1%, в национально-смешанных она равна 17,4%. На собственных свадьбах были одеты в современный городской костюм 85% чувашей, вступивших в мононациональный брак, и 98% — заключивших национально-смешанный. Как видим, разница невелика. Очевидно, трансформация элементов традиционной материальной культуры и обрядового поведения находится все-таки в большей зависимости от демосоциальных факторов, нежели от факторов личностного межнационального общения.

В целом воздействие этнически смешанных микросред улавливается на уровне относительно слабых связей, а результаты этого воздействия носят отнюдь не абсолютный характер. Они выглядят скорее как тенденции, причем тенденции хотя и массовые, но не очень сильные (что, очевидно, и позволяет этническим общностям сохранять в течение длительного исторического времени свои свойства и характеристики). Воздействие каждой микросреды, взятой отдельно (даже семьи и трудового коллектива), на различные элементы, составляющие этносистему, выглядит менее весомо, чем воздействие многих DS-факторов. Однако все они тонкими нитями вплетены в общую ткань социальной жизни и принимают участие в этнических процессах, о чем выразительно свидетельствует расположение факторов межэтнического контакта на моделях чувашского этноса (рис. 13).

Понятно, что вопрос о мере изменчивости этнических свойств под влиянием межличностных контактов является частью общей проблемы стабильности этноса как системы. Материалы обследо-

Рис. 13. Межэтнические контакты в структурной модели этноса (чуваш; город; коэффициент Райского R):

7 — пол; 8 — возраст; 9 — образование в момент обследования; 10 — образование (старт); 11 — СПС в момент обследования; 13 — социально-классовая принадлежность; 15 — возраст в начале трудовой деятельности; 16 — СПС (старт); 18 — изменения социально-классовой принадлежности; 20 — длительность проживания в поселении; 21 — миграция (территориальная); 22 — миграция (из села или из города); 29 — семейное положение; 31 — оценка отношений в семье; 32 — состав семьи; 33 — поколенно-ролевой состав; 34 — национальность родителей; 35 — национальность супруга (-и); 49 — национальность соседей; 50 — национальность друзей; 54 — сферы межнациональных контактов; 55 — национальность адресата; 56 — язык детства; 57 — каким языком лучше владеют; 58 — родной язык; 59 — язык обучения в школе; 60 — язык в семье; 64 — степень знания чувашского языка; 75 — ремесленно-художественные навыки; 84 — дата свадьбы; 104 — репертуар чтения художественной литературы; 105 — предпочитаемые художественные произведения; 107 — репертуар чтения; 109 — отношение к национальной музыке (выбор концерта); 111 — репертуар радио и ТВ-спектаклей

дования (данные о тесноте связей, их направлениях, о вариациях этнокультурных признаков относительно переменных этноконтакта) говорят о том, что в целом этнос проявляет высокую степень устойчивости по отношению к контактам. Взаимодействие даже значительной части этнической общности с представителями других национальностей на личностном уровне не приводит к размыванию этноса как системы. Вероятно, правомерно считать такую устойчивость «пластичной», при которой впитывание, восприятие, включение инонациональных элементов не лишает данный этнос в целом его качественной определенности.

В процессе повседневного общения, разумеется, неизбежны некоторые потери в области того, что называют этнической спецификой, но несравненно большим приобретением становится расширение этнокультурного кругозора, превращение достижений народа — основного партнера по контактам, — так сказать, из «вещи в себе» в «вещь для себя» (рис. 14). Интересно отметить по этому поводу, что среди русских — жителей села, имеющих друзей чувашской национальности, доля знающих имена чувашских писателей в 2 раза выше (50%), чем среди тех, кто дружит с лицами русской национальности (25%). Это еще раз свидетельствует о несомненной ценности межнационального общения как социального явления, получающего в условиях социалистического общества новые импульсы для дальнейшего развития.

* * *

В целом имеющийся материал дает основания полагать, что малые среды, в первую очередь такие, как семья и трудовой коллектив, выступают в качестве активных полей развертывания этнических процессов на микроуровне. Повседневные личностные контакты с представителями других национальностей в сфере труда и семейно-брачных отношений заметно воздействуют на речевое поведение чувашей, способствуют более полной реализации чувашско-русского двуязычия, изменяют структуру потребления своих (национальных), советских и зарубежных элементов духовной культуры. Под влиянием контактов, правда в более медленном темпе, интернационализируется соционормативное поведение (обрядовая жизнь), сокращаются объемы воспроизводства некоторых элементов традиционной чувашской кухни). Таким образом, межэтнические контакты внутри малых групп следует рассматривать как важный и относительно самостоятельный фактор межнационального сближения.

Становится очевидно, что при выработке мер, направленных на оптимизацию межнациональных отношений, использование микросред может сыграть существенную роль. Кажется целесообразным сосредоточить усилия по интернациональному воспитанию, идеологическому, социально-психологическому воздействию не столько на уровне средних и больших групп и объедине-

Рис. 14. Дни культуры Башкирской АССР в Чувашии (1981 г.).
Встреча башкирских и чувашских артистов

ний (цеховых собраний, митингов, других массовых мероприятий), сколько внутри малых контактных групп.

В этой связи трудно переоценить значение первичных трудовых коллективов — важнейших структурных единиц социального общества, включающих индивидов в общественное производство. Роль первичной трудовой микросреды в интернациональном воспитании оказывается тем более значительной, что область частной жизни в настоящее время остается все еще труднодоступной для прямой и целенаправленной регуляции межнациональных отношений. Думается, что одним из путей воздействия на индивидуально-личностную сферу общения является установление более тесных неформальных контактов между членами первичных трудовых коллективов и их семьями. Кроме того, кажется существенным и тот факт, что с помощью средств массовой информации следует в большей мере апеллировать не к абстрактному массовому читателю, слушателю, зрителю, а к социально значимым микросредам, в первую очередь к семье и первичному трудовому коллективу. Перенесение акцента пропагандистской работы в первичный трудовой коллектив (бригаду и ей подобные) может дать существенный эффект.

¹ См., напр.: Терентьева Л. Н. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР//СЭ. 1976. № 6; Отражение межэтнических процессов в устной прозе. М., 1979; Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982; и др.

- ² См.: Дробижева Л. М. Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений: (Некоторые вопросы методологии)//СЭ. 1974. № 4; Она же. Духовная общность народов СССР: Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981; Дробижева Л. М., Су-соколов А. А. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы: (По материалам этносоциологических исследований в СССР//СЭ. 1981. № 3.
- ³ Социальная психология/Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л., 1979. С. 150 и др.
- ⁴ Под первичным трудовым коллективом подразумевается относительно компактная социальная группа в сфере труда, члены которой связаны непосредственными личностными контактами в процессе решения конкретных (трудовых) задач.
- ⁵ История Чувашской АССР. 2-е изд. Чебоксары. 1983. Т. 1. С. 64—82.
- ⁶ Там же. С. 83.
- ⁷⁻⁸ См.: Димитриев В. Д. Общение чувашей с русскими и влияние русской культуры на чувашскую в конце XIX — начале XX в.//Учен. зап. ЧНИИ ЯЛИЭ. Вып. 40. История.
- ⁹ См.: Соков А. П. Особенности изменения национальной структуры городского населения Чувашской АССР//Труды ЧНИИ ЯЛИЭ. 1978. Вып. 85; Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976—1980 гг.): Стат. сб. Чебоксары, 1982. С. 8.
- ¹⁰ Шкаратан О. И. Этносоциальная структура городского населения Татарской АССР//СЭ. 1970. № 3; Иванов В. П. Влияние миграции из села на демографические и этнические характеристики чувашских городских семей// Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в условиях развитого социализма. Чебоксары, 1982.
- ¹¹ Современные этнические процессы в Чувашской АССР: Методические указания и рекомендации по программированию, технике и организации статистико-этнографического исследования. Чебоксары, 1984. С. 32.

Современные этноязыковые процессы в Чувашии

§ 1. Двоязычие и этнос

Системный подход позволяет представить языковую компоненту как одну из важнейших сторон этноса с ее внутренними и внешними связями, а этноязыковые процессы — как одну из граней этнического процесса. Исходя из такого понимания объекта исследования, представляется важным выявить внутреннюю структуру языковой (*L*) компоненты (взаимосвязь между ее переменными), определить ее роль в функционировании этноса, выявить факторы, детерминирующие развитие языковой компоненты, уловить тенденции ее развития.

В самом деле, языковая компонента, характеризующая функционирование, развитие и взаимодействие языков, испытывает в той или иной мере влияние различных факторов. В то же время она сама воздействует на развитие отдельных сторон этноса и всей системы в целом. Вместе с тем следует иметь в виду, что языковая компонента включена не только в систему этноса, но и в социальные системы более высокого порядка, объединяющие, как правило, различные этносы. Таким образом, языковая компонента, с одной стороны, способствует внутреннему развитию этноса, а с другой — межэтническому общению и сближению с другими народами.

Противоречивый характер функционирования языковой компоненты служит одним из источников развития этноязыковых процессов. Под этноязыковыми процессами в данном случае подразумеваются процессы функционального развития языков, взаимодействие национального и других языков народов СССР в повседневном речевом поведении. Разумеется, функциональное развитие языков диалектически взаимосвязано с развитием и совершенствованием их внутренней структуры и в действительной жизни эти две стороны языка не существуют изолированно друг от друга. Вместе с тем в науке уже достаточно обосновано мнение об их относительной автономности¹. В зависимости от целей исследования основное внимание может уделяться либо структурной (собственно лингвистической) стороне языка, либо функциональной.

Обследование в Чувашии посвящено изучению преимущественно чувашского этноса, и в качестве одного из объектов исследования выступает не язык сам по себе, а люди, представители чувашского этноса, пользующиеся чувашским и другими языками. Следовательно, основной акцент был перенесен на

изучение функционального использования языков в процессе речевой коммуникации чувашей. При этом обращается внимание не столько на историческое развитие социальных функций чувашского языка, сколько на взаимодействие чувашского и русского языков в разнообразных сферах жизнедеятельности чувашей, на распространение двуязычия².

В жизни этноса важную роль играет национальный язык. Каждый язык создается конкретной этнической общностью; естественно, что он прежде всего служит для внутриэтнического общения, накопления и передачи информации внутри этноса. Этот язык играет важную роль в становлении и развитии национальной культуры, служит средством создания и потребления профессиональной культуры, средством выражения этнического своеобразия. Каждый язык, кроме того, представляет относительно обособленную знаковую систему, отделяющую его от других языков. Таким образом, язык, созданный коллективной деятельностью людей — носителей этого языка, является этноинтегрирующим фактором для данной этнической общности и этнодифференцирующим по отношению к другим. Это свойство языка часто позволяет ему выступать в качестве символа данной этнической общности³.

Вместе с тем объективный ход развития советского общества вызвал к жизни рост двуязычия. В нашей многонациональной стране существует множество типов двуязычия⁴⁻⁵, но особую социальную значимость имеет такой, при котором наряду с развитием местных национальных языков получает широкое распространение русский язык в качестве средства межнационального общения. Естественно, что в стране, где функционируют около 130 языков, в нем имеется реальная жизненная потребность. Необходимо, однако, отметить, что в советском обществе не может быть и речи о навязывании народам того или иного языка. Основной принцип ленинской национальной политики — принцип добровольности — соблюдается и в процессе приобщения народов к русскому языку.

В развитии этноязыковых процессов отчетливо проявляются две взаимосвязанные тенденции — свободное развитие языков народов СССР и добровольное изучение русского языка как средства общения людей разных национальностей. Этот процесс, сходный для всех народов нашей страны, реализуется в каждой этнической общности по-своему и предопределяется развитием каждого этноса и общества в целом.

Опыт языкового строительства в СССР свидетельствует о том, что в ходе экономического и социального развития страны все яснее обнаруживается объективная потребность в глубоком знании русского языка все большими контингентами трудящихся нерусских национальностей — рабочими и техниками, работниками физического и умственного труда. Современный этап научно-технической революции, задачи по техническому перевооружению всей экономики страны, поставленные решениями

партии и правительства⁶, настоятельно требуют улучшения преподавания и изучения русского языка в общегосударственном масштабе.

Общество в состоянии целенаправленно влиять на функциональное развитие языков, управлять процессами их взаимодействия. Ленинская национально-языковая политика состоит в том, чтобы создавать максимально благоприятные условия для развития всех этнических общностей, в том числе и их языковой жизни. В этой связи представляется важным иметь четкое представление о реальном соотношении национального и русского языков в различных социальных сферах жизнедеятельности этноса, об устойчивости национального языка в условиях взаимодействия языков, об отношении представителей конкретной этнической общности к своему национальному языку и, наконец, о факторах, влияющих на выбор того или иного языка в процессе речевой деятельности. Вместе с тем сказанное выше обуславливает необходимость в данном исследовании обратить должное внимание на вопросы и темы, связанные с современным функционированием русского языка в Чувашии, на выяснение возможностей его лучшего изучения и оптимального использования.

Остановимся также на одном важном методическом моменте, который, как кажется, дает возможность более полно исследовать L-компоненту. Речь идет о выделении таких структурных подразделений языковой компоненты, как языковая компетентность (мера, степень знания языка или языков), речевая деятельность (реальное употребление одного или более языков в различных сферах жизнедеятельности этноса) и языковая ориентация (отношение к национальному и русскому языку, выражающееся в выборе индивидами родного языка, в выборе родителями языка школьного обучения детей и др.)⁷⁻⁸. Все эти три аспекта языковой жизни чувашского этноса изучались с помощью двенадцати вопросов, сформулированных в инструментарии (см. Приложение, раздел IV).

Языковая компетентность выявлялась с помощью вопросов о том, каким языком информатор лучше всего владеет (п. 57), насколько хорошо он владеет чувашским (или же русским) языком (п. 64 и 65). Ответы на них позволили представить себе масштабы преимущественно потенциального двуязычия, т. е. меру готовности говорить на чувашском или русском языке. Однако двуязычие, как известно, становится реальным лишь тогда, когда эти языки используются в речевой деятельности. Вместе с тем следует иметь в виду, что представители чувашского этноса в процессе жизни включаются в различные сферы общения — семейную, производственную, общественно-политическую — и в каждой из этих сфер пользуются чувашским языком в разном объеме. Эти характеристики улавливаются с помощью п. 60—63. На выбор языка общения влияют как субъективные, так и объективные факторы. Как правило, в речевой деятельности этнофор опирается на собственное знание языка, им учитывается

также уровень знания языка собеседником (собеседниками), а кроме того, большое значение имеет психологическая настроенность, отношение к языку своей и не своей национальности. Действительно, языковая ориентация чувашей наиболее ярко проявляется при определении индивидами родного языка, а также в проективной ситуации выбора языка обучения для своих детей (п. 58 и 41).

Особое место при изучении этноязыковых ориентаций занимает показатель «родной язык» (п. 58). Едва ли случаен тот факт, что проблеме родного языка и в литературе уделено большое внимание⁹. Тем не менее само понятие «родной язык» имеет разноплановую трактовку: «язык домашнего общения», «основной разговорный язык», «язык наиболее свободного владения», «материнский язык». В материалах Всесоюзных переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг. родной язык рассматривался как этнопсихологическая категория, т. е. как один из аспектов этнического самосознания. В проведенном обследовании при определении выбора информаторами родного языка также сделан акцент именно на самооценку, самоощущение этнофоров. Вместе с тем следует помнить, что переменная «родной язык» противоречива. С одной стороны, она входит в языковую компоненту и в значительной мере отражает объективную языковую жизнедеятельность этноса, реальное знание чувашского языка и его реальное использование в речевой деятельности; с другой стороны, признание в качестве родного того или иного языка (своей или другой национальности) отражает не только эмоциональное отношение этнофора к национальному или другому языку, но и его отношение к другим этнокультурным ценностям, говорит об определенном этническом настрое, иначе говоря, родной язык выступает уже как одна из сторон этнического самосознания. Из сказанного следует, что смена родного языка совсем не равнозначна смене этнического самосознания. Родной язык в сопоставлении с уровнем знания и реальным речевым поведением этнофоров выступает, следовательно, как индикатор этнического процесса. Изменения в функционировании этой переменной говорят, как правило, об изменениях во всей системе этноса.

§ 2. Этноязыковая ситуация в Чувашии

Важной составной частью всей языковой политики Советского государства является развитие общественных функций национальных языков. С первых дней Советской власти этому вопросу уделялось большое внимание во всех республиках и областях нашей страны, в том числе и в Чувашии.

Чувашский язык в прошлом использовался главным образом в речевой деятельности чувашских крестьян (обслуживание трудового и бытового общения, передача устного народного творчества и т. п.), хотя этот язык еще во второй половине XIX в. получил некоторое распространение в системе школьного образо-

вания. В 1870-е годы И. Я. Яковлев на основе русского алфавита создал чувашскую письменность¹⁰, в эти же годы была организована Симбирская учительская школа и открыт ряд школ с чувашским языком обучения в сельской местности Чувашии¹¹. Тем не менее в условиях царского режима основная масса чувашского населения оставалась неграмотной: среди мужчин доля неграмотных составляла 82%, среди женщин — 96%¹².

После победы Октября Советская власть принимала решительные меры по ликвидации неграмотности. Уже к началу 1919 г. были открыты семь учительских семинарий и около 300 начальных и средних школ¹³. В 1920 г. работали уже 1200 школ ликбеза и 893 общеобразовательные школы¹⁴. Чувашский язык стал языком делопроизводства, языком школьного обучения, судопроизводства. С образованием Чувашской АССР (1925 г.) чувашский язык (вместе с русским) был признан официальным языком в республике и до 1940-х годов широко использовался в делопроизводстве, официальной переписке (особенно в сельской местности). Во время Великой Отечественной войны в Чувашию были эвакуированы жители временно оккупированных областей и республик страны. В связи с усилением постоянных контактов чувашей с русскими в общественной жизни возросла роль русского языка.

В настоящее время официальная переписка, оформление документов осуществляются в основном на русском языке, но каждый гражданин имеет право (закрепленное Конституцией автономной республики) пользоваться тем языком, который для него более доступен. На чувашском языке издаются художественные произведения, газеты и журналы, на нем ведутся радио и телепередачи. В сельской местности, где доля чувашского населения составляет 86%, чувашский язык используется значительно шире, чем в городах. На нем издается большая часть районных газет, местное радио ведет передачи в большем объеме на чувашском языке, чем на русском.

Чувашский язык используется в театре и в общественных науках, главным образом в филологии. Он развивается и совершенствуется благодаря использованию его в общественной жизни. Чувашский язык сотрудничает с русским языком. Мера функциональной нагрузки на каждый из языков определяется национальным составом населения, потребностями в чувашском или русском языке¹⁵.

Особое значение для изучаемого феномена имеет существующая в Чувашской АССР система школьного обучения. Соотношение русского и чувашского языков в качестве языков преподавания в школах республики в разные годы вносило существенные коррективы в этноязыковую ситуацию. Школа выступает в качестве одного из важнейших каналов распространения русского языка. В первые годы Советской власти все внимание было сосредоточено на ликвидации неграмотности населения и осуществить это можно было лишь с помощью школ с препода-

Рис. 15. Урок чувашского языка в школе № 6 г. Чебоксары, 1985 г.

ванием на родном языке. К середине 1950-х годов практически все чувашское население в возрасте от 9 до 49 лет стало грамотным. Усилилась тяга к приобретению среднего и высшего образования. У чувашского населения в массовом порядке стала отчетливо проявляться потребность в изучении русского языка.

В 1960 г. Чувашский обком КПСС и Совет Министров Чувашской АССР (в соответствии с многочисленными просьбами родителей школьников) приняли постановление о переводе преподавания в 5—10 классах чувашских школ на русский язык. Теперь обучение детей на чувашском языке осуществляется только в начальных классах, а с 5-го класса чувашский язык изучается как один из учебных предметов; на нем же ведется преподавание чувашской литературы. В сельской местности чувашским языком учителя иногда пользуются для объяснения труднопонимаемого материала и в старших классах.

В Чувашии, как и в других автономных республиках, в настоящее время существуют три типа школ: чувашские, в которых преподавание осуществляется на чувашском языке до 4-го класса включительно; смешанные, где в одной школе имеются параллельные русские и чувашские классы; русские школы. Чувашские школы сосредоточены главным образом в сельской местности. В городах республики, в частности в Чебоксарах, обучение детей на чувашском языке реализуется в чувашских классах в школах смешанного типа (рис. 15).

Процесс распространения двуязычия среди чувашей обусловлен историческим развитием чувашского народа. В прошлом в Чувашии существовали различные этнические типы двуязычия: чувашско-марийское, чувашско-татарское, чувашско-русское¹⁶. Чувашско-русское двуязычие формировалось исторически¹⁷. Его наличие отмечал русский этнограф В. Сбоев еще в 1850-е годы¹⁸. Некоторое представление о развитии языковой ситуации в республике дают материалы Всесоюзных переписей населения¹⁹. Переписи содержат сведения о доле чувашей, признающих чувашский язык родным: в 1926 г. 99,7% всего чувашского населения республики считали родным чувашский язык, а среди чувашей-горожан — 90%; в 1959 г. это соотношение стало соответственно 97,4 и 84,3%; в 1970 г. — 94,5 и 78%; в 1979 г. — 90 и 78%. Динамика очевидна, но вместе с тем переписи выявляют и устойчивость национального языка. Важно, кроме того, подчеркнуть, что, по данным переписи 1979 г., 78% чувашского населения республики владеют русским языком (в городах 96%, в селах 70%).

Ученые Чувашии одними из первых в стране начали разрабатывать проблему двуязычия как в теоретическом²⁰, так и в практическом плане²¹. В 1966—1967 гг. было проведено социолого-лингвистическое обследование в восемнадцати сельских населенных пунктах Чувашской АССР, в результате которого выявлено сложившееся в ту пору своеобразное разделение функций чувашского и русского языков. Согласно полученным данным, в сельской местности чувашский язык обслуживал почти полностью сферу устного и частично сферу письменного общения.

Данные обследования привели авторов к выводу, что «большинство взрослого населения деревни либо не подготовлено к восприятию информации на русском языке, либо способно лишь к ее пассивному восприятию»²².

Впрочем, эти данные нуждаются в корректировке. Так как исследование было проведено только в сельской местности и притом отбор сёл и респондентов не соответствовал статистическим методам проектировки выборки, то и результаты оказались, быть может, слишком негативными, а выводы — слишком решительными. На самом деле процесс усвоения русского языка чувашским населением протекал в целом более интенсивно.

На развитие этноязыковых процессов, функционирование L-компоненты оказывает существенное влияние национальный состав населения. В Чувашской АССР различия в национальном составе населения городов и сельских населенных пунктов существенны. Чуваша живут преимущественно в сельской местности, составляя подавляющее большинство жителей села, и расселены они большей частью в моноэтнических по составу селах. Что касается городов, то здесь сосредоточена основная доля русского населения и исторически в них сложилась русскоязычная среда.

В настоящее время в составе городского населения чувашей составляют около половины, происходит процесс «коренизации» населения городов за счет переселения чувашей из села в город (66% чувашей, живущих в настоящее время в городах,— это бывшие сельские жители Чувашии). Ясно, что указанные обстоятельства создают специфическое соотношение между городом и сельской местностью и оказывают воздействие на распространение двуязычия и соотношение русского и чувашского языков в речевой деятельности.

Языковая компетентность. Само собой разумеется, что чувашский язык хорошо знает большинство чувашей — практически все жители села и $\frac{3}{4}$ горожан. Вместе с тем общение с русскими, большое внимание к русскому языку в системе школьного образования создают условия для хорошего знания этого языка. На вопрос: «Какой язык Вы знаете лучше всего?» — около 40% опрошиваемых чувашей в городе и 16% в сельской местности ответили, что одинаково хорошо знают как русский, так и чувашский, а 26% горожан и 1% сельских жителей сообщили, что знают русский язык лучше, чем чувашский. По уровню знания русского языка отчетливо проявляются различия между городом и селом. В городах к настоящему времени практически все чуваше (96%) хорошо знают русский язык, но в сельской местности около 30% слабо знают или совсем не знают русского языка (это главным образом женщины в возрасте старше 60 лет).

Основная масса чувашского населения в городах и в сельской местности получила образование (начальное или неполное среднее) на чувашском языке (66% сельских чувашей и 31% горожан) или на двух языках — чувашском и русском (32% сельских жителей и 40% горожан). Так как русские школы сосредоточены преимущественно в городах, то закономерно, что на русском языке получают образование преимущественно горожане.

Реальная речевая деятельность. Результаты обследования 1981—1982 гг. показали, что потенциальное двуязычие реализуется лишь частично. Важно заметить, что в городах во всех сферах речевой деятельности преобладает русский язык общения, в то время как в сельской местности — чувашский. Вместе с тем соотношение русского и чувашского языков варьирует в зависимости от сферы их реализации. В городах преобладание русского языка наиболее заметно в общественной и производственной сферах: более 86% чувашей выступают на собраниях только на русском языке, а 11% — на русском и чувашском; около 57% разговаривают на русском с товарищами по работе и в 40% случаев реализуют знание обоих языков. Даже в такой интимной сфере общения, как семья, где, как известно, национальный язык обычно сохраняет прочные позиции, около трети чувашей-горожан пользуются при общении с членами семьи только русским языком и более половины — двумя языками. Все же именно в

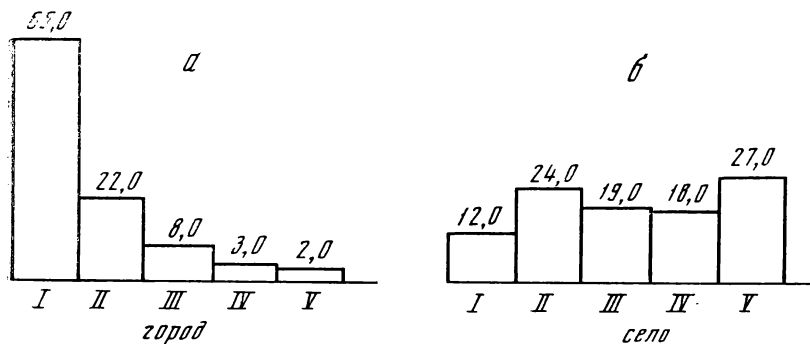

Рис. 16. Язык чтения прессы (чуваши; город и село; %):

а — город; б — село. Читают: I — только по-русски; II — главным образом по-русски; III — в равной мере по-русски и по-чувашски; IV — главным образом по-чувашски; V — только по-чувашски

этой сфере в большей степени, чем в других, реализуется знание чувашского языка.

Иная ситуация сложилась в языковой жизни чувашей в сельской местности Чувашии, где в реальном речевом поведении явно преобладает чувашский язык. Практически все население чувашских сел пользуется только национальным языком при общении с членами своих семей. Функции русского языка и двуязычие несколько расширяются в общественно-политической сфере и в трудовой деятельности. На фоне общего преобладания национального языка в речевой деятельности около 1/4 чувашей — сельских жителей выступают на собраниях на русском и чувашском языках и 16% — только на русском языке; более 1/4 чувашей пользуются двумя языками в производственной сфере и лишь около 3% говорят на работе только на русском языке. Таким образом, становится понятно и то, почему, например, чувашскоязычная среда в сельской местности ориентирует чувашей на потребление профессиональной культуры и прессы главным образом на чувашском или на чувашском и русском языках (см. рис. 16).

Еще один способ оценить характер и глубину двуязычия состоит в выяснении того, на каком языке думают респонденты в процессе общения с иноязычными партнерами. В ходе обследования установлено, что и в данном случае подтверждается мысль о существенно различных типах языкового поведения, сложившихся в городах и селах Чувашии. Общаясь с русскими (на русском языке), 62% чувашей-горожан думают в этот момент по-русски, 23% думают попеременно то по-русски, то по-чувашски, а 15% думают по-чувашски и затем мысленно переводят фразы на русский язык. В той же ситуации чуваше — сельские жители, имеющие по русскому языку менее основательную подготовку, в

55% случаев думают по-чувашски и затем переводят свои мысли на русский язык, 18% из них думают на двух языках и лишь 27% респондентов, говоря по-русски, думают на этом же языке.

Из сказанного видно, что реальное и потенциальное двуязычие — это две существенно разные характеристики. Потенциальное двуязычие осуществляется в реальной речевой деятельности лишь частично. В городах в большей степени реализуется знание русского языка, а в селах — чувашского.

Языковые ориентации. Выше уже говорилось о родном языке как об одном из индикаторов отношения к национальному и русскому языкам, как об одном из важнейших показателей этнического процесса. В городах этот процесс протекает наиболее интенсивно. Около 15% чувашей-горожан признали родным языком русский и 8% назвали родными два языка — чувашский и русский. Тем не менее национальный язык является для большинства чувашей психологически важным. Это одна из самых больших ценностей народа. В городах его считают родным 77%, а в сельской местности — 98% чувашей.

Сопоставление значений переменных «реальное речевое поведение этнофоров в раннем детстве» (п. 56) и «выбор родного языка» (п. 58) говорит о том, что эти переменные тесно связаны, но выражаемые ими тенденции неоднозначны. Во-первых, детство уже прошло и в процессе социализации личности человек мог либо утратить какие-то знания, либо приобрести новые, а во-вторых, он мог психологически перестроиться и изменить прежнее отношение к национальному языку. Во всяком случае, в раннем детстве чувашский язык использовался этнофорами несколько шире, чем при современном выборе родного языка (в момент обследования). Практически все сельское население (99%) и преимущественная часть современного городского населения (80%) в раннем детстве говорили на чувашском языке и только около 17% городских жителей — на русском языке.

Обычно в проективной ситуации полнее, чем в реальной, отражается языковая ориентация. Эта мысль подтверждается данными о типах школ (чувашской, смешанной или русской), в которые родители предпочли бы направить своих детей. В реальной жизни люди чаще всего исходят из того, какая школа имеется в данной местности. Это подтверждается и материалами обследования: 94% чувашей в селе, имеющих детей школьного возраста, ответили, что их дети учатся в чувашских или смешанных школах; почти все жители городов — что их дети учатся в русских школах; менее 1% родителей-горожан ответили, что дети учатся в школах смешанного типа. В то же время (как в сельской местности, так и в городах) часть чувашей хотели бы обучать своих детей на ином языке, чем тот, на котором они обучаются в действительности: в сельской местности — на русском (26%), а в городах — на чувашском (11%).

Языковые ориентации могут приобретать вполне ясную форму и выразительность в тех случаях, когда вопросы, связанные с этими ориентациями, касаются реальных жизненных проблем

и ситуаций. Одна из них — это вопрос о том, в какой мере радиослушатели и телезрители чувашской национальности удовлетворены количеством радио- и телепередач, выпускаемых в эфир местными студиями. Как и следовало ожидать, голоса респондентов разделились: примерно половина всех ответивших на вопрос высказали в целом позитивное отношение к существующему положению вещей, около 1/6 — не определили к нему своего отношения, однако остальные (37% в городах и около 32% в селах) заявили о том, что современный объем вещания на чувашском языке их не удовлетворяет и они желали бы его увеличения.

§ 3. Языковая (L) компонента

В предыдущем параграфе рассмотрено соотношение русского и чувашского языков в рамках отдельных переменных, входящих в языковую компоненту, и другие характеристики в группе L-переменных. Вместе с тем нельзя упустить из виду, что общий вес языка в качестве компоненты, его целостное влияние на весь этнос чрезвычайно существенны. И этот факт отражается в самосознании чувашского народа. Из всех характеристик, которые сближают, роднят этнофоров со своим народом, респонденты на первое место поставили национальный язык (80,5% в городах и 94% в селах). Следует, однако, учитывать, что каждая из языковых переменных вплетена в систему сложных социальных связей и взаимодействует с другими L-переменными и компонентами этноса. Анализ полученных данных, проведенных с позиций системно-структурного представления об этносе, построение графов взаимосвязей переменных позволяют выявить характер сопряженности языковой компоненты с другими структурными подразделениями этноса, выявить факторы, детерминирующие развитие языковой компоненты.

Городской массив (рис. 17). В городском чувашском массиве информации языковая компонента представляет собой относительно целостную подсистему с сильными внутренними связями. Так как в городах языковая компетентность достигла высокого уровня, а двуязычие стало практически массовым, то знание русского языка (п. 65) превратилось в постоянное условие, воздействующее на характер языкового поведения чувашей. Значительно сильнее по воздействию фактор «уровень знания чувашского языка» (п. 64). В городах Чувашии, как уже говорилось, исторически сложилась преимущественно русскоязычная среда, но вместе с тем у чувашей обнаруживается довольно высокий уровень знания чувашского языка. Обратим внимание на сильную связь этой переменной (п. 64) с признаком «длительность проживания в данном городе» (п. 20), т. е. в конечном счете со всеми факторами миграций. Довольно жесткая связь миграции с уровнем знания чувашского языка объясняется тем, что в ходе переселения из села приносится высокий уровень знания национального языка. На уровень знания чувашского языка воздейст-

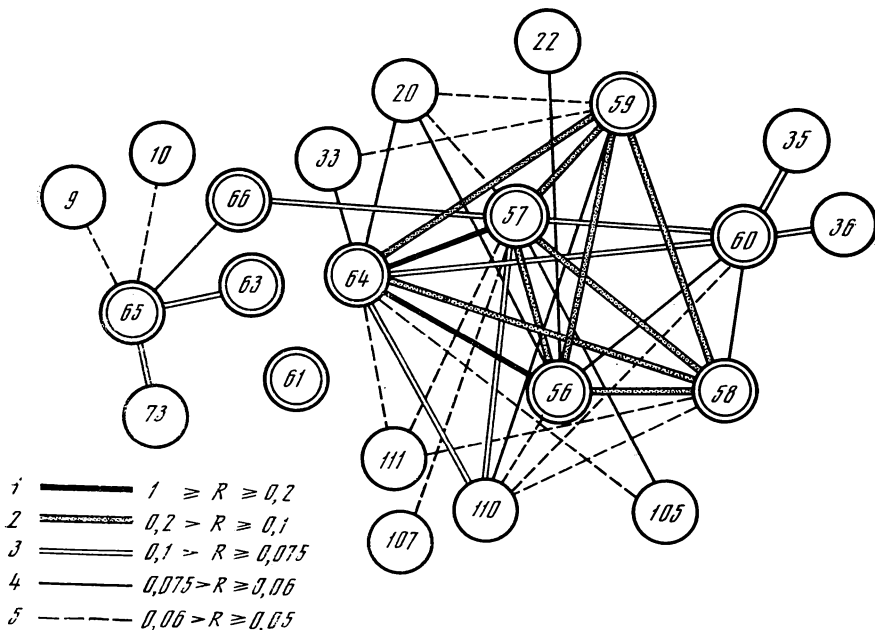

Рис. 17. Языковая компонента (граф связей; коэффициент Райского R; чуваш; город):

9 — образование в момент обследования; 10 — образование (старт); 20 — длительность проживания в поселении; 22 — миграция (из села или из города); 33 — поколенно-ролевой состав; 35 — национальность супруга (-и); 36 — национальность детей; 56 — язык детства; 57 — каким языком лучше владеют; 58 — родной язык; 59 — язык обучения в школе; 60 — язык в семье; 61 — язык на работе; 63 — язык публичных выступлений; 64 — степень знания чувашского языка; 65 — степень знания русского языка; 66 — язык мышления при этническом контакте; 73 — одежда на свадьбе; 105 — предпочитаемые художественные произведения; 107 — репертуар чтения прессы; 110 — репертуар просмотренных театральных спектаклей; 111 — репертуар радио и ТВ-спектаклей

вует язык раннего детства (п. 56) и язык школьного образования (п. 59), т. е. та среда, тот тип языковой жизни, который существует в сельской местности (чувашский язык обучения в школе, преобладание чувашского языка в речевом поведении, главным образом в семье).

В процессе адаптации к городской среде сельские мигранты наиболее быстро переходят от общения только на чувашском языке к общению на двух языках — чувашском и русском или только на русском, но в общественно-политической и производственной сферах. Относительно высокий уровень знания молодыми чувашами русского языка в сельской местности дает возможность достаточно быстро переключаться на тот тип общения, который принят в городской среде.

В семейной сфере выявляется несколько иная ситуация — довольно устойчивое сохранение того типа языкового поведения, который существует в сельской местности. Выбор языка рече-

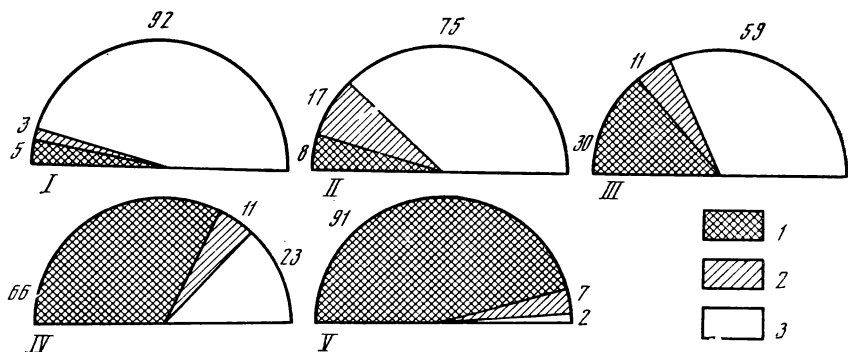

Рис. 18. Зависимость выбора родного языка от уровня знания чувашского языка (чуваш; город; %)

Родной язык: 1 — русский; 2 — чувашский и русский; 3 — чувашский.

Знание чувашского языка: I — свободно говорят, читают и пишут; II — свободно говорят, но не читают и не пишут; III — говорят с затруднениями; IV — понимают; V — не владеют

вой деятельности в семье тесно взаимосвязан с языковой компетентностью и этническим фоном в семье, в данном случае с национальностью мужа (жены) (п. 35) и национальностью несовершеннолетних детей (п. 36). В самом деле, в тех семьях, где один из супругов принадлежит к русской национальности, 96% чувашей пользуются при общении с членами семьи только или главным образом русским языком, в то время как в одноплеменных чувашских семьях таковые составляют лишь 41%. Определение родителями национальности своих детей коррелирует с целым комплексом переменных, одна из которых — речевое поведение в семье. Это закономерно. Предпочтение русского или чувашского языка в качестве языка общения в семье говорит, помимо всего прочего, и о внутренней установке, этнической ориентации этнофоров, которая проявляется также в определении ими национальности своих детей.

Ранее уже упоминалось о том, что этнические ориентации этнофоров в значительной мере отражаются при выборе родного языка. Установлено, что выбор родного языка детерминирован реальной речевой деятельностью и языковой компетентностью. При этом языковая компетентность в большей мере ориентирует человека на выбор русского или чувашского языка в качестве родного. По данным обследования, чем слабее знание чувашского языка, тем чаще признаются в качестве родных оба языка или русский язык (см. рис. 18). Обращает на себя внимание тот факт, что часть чувашей, совсем не знающих чувашского языка, тем не менее назвала его родным. Это подтверждает мысль о том, что родной язык отражает не только объективную сторону языковой жизни этноса, но и субъективную.

Языковые переменные и вся L-компонента своеобразно вплетены в целостную сеть структуры чувашского этноса. С одной

стороны, переменная «знание русского языка» (п. 65) тесно сопряжена с DS-основанием, в первую очередь с факторами образования (п. 9 и 10); с другой стороны, на основную группу языковых переменных более мощное воздействие оказывают факторы миграции и поколенно-ролевой статус респондентов в семье (п. 33).

Интересна взаимосвязь L-компоненты с группой R-переменных, фиксирующих межэтнические контакты. Этнический состав населения городов создает благоприятные условия для межэтнических контактов на разных уровнях — на производстве, в общественной жизни, в семье и т. п. Эти контакты способствуют выработке интернациональных установок, более широкому приобщению к языку межнационального общения; вместе с тем хорошее знание русского языка является одним из существенных факторов развития межэтнических контактов.

Ясно, что знание языков — чувашского и русского — дает возможность этнофору осваивать как национальную, так и русскую и общесоветскую профессиональную культуру. Естественно поэтому, что переменные языковой компетентности оказались взаимосвязанны с признаками профессиональной культуры, в частности с языковой ориентацией при чтении прессы (п. 107). В городской русскоязычной среде чуваша читают прессу преимущественно на русском языке. И все же выявляется некоторая вариативность в выборе языка чтения в зависимости от уровня знания языков. Так, например, этнофоры, лучше владеющие русским языком, читают газеты и журналы только по-русски (92%), а лица, владеющие лучше чувашским языком, читают: только по-русски — 44%, только по-чувашски — 6%, а остальные (50%) пользуются при чтении обоими языками.

Таким образом, функционирование языковой компоненты в городах осуществляется противоречиво. Чуваша, мигрирующие из села в город, попадают по преимуществу в русскоязычную среду и здесь реализуют потенциальное двуязычие, которое у сельского населения относительно высоко развито. В этих условиях совершается переход от потенциального двуязычия к реальному. Мигранты адаптируются к тому типу языкового поведения, который сложился в городской среде, т. е. осуществляется переход к широкому двуязычию с частичным использованием только русского языка общения. Однако возрастание численности городского чувашского населения подкрепляет устойчивость общения на чувашском языке, усиливает интерес к нему, воспроизводит двуязычный тип коммуникации в городских условиях. Знание чувашского языка, таким образом, детерминируется миграционными процессами и теми языковыми условиями, которые существуют в сельской местности. Развитие языковой компоненты в городе взаимосвязано с развитием всей этнической общности, и динамика языковых переменных обусловлена воздействием социальных факторов.

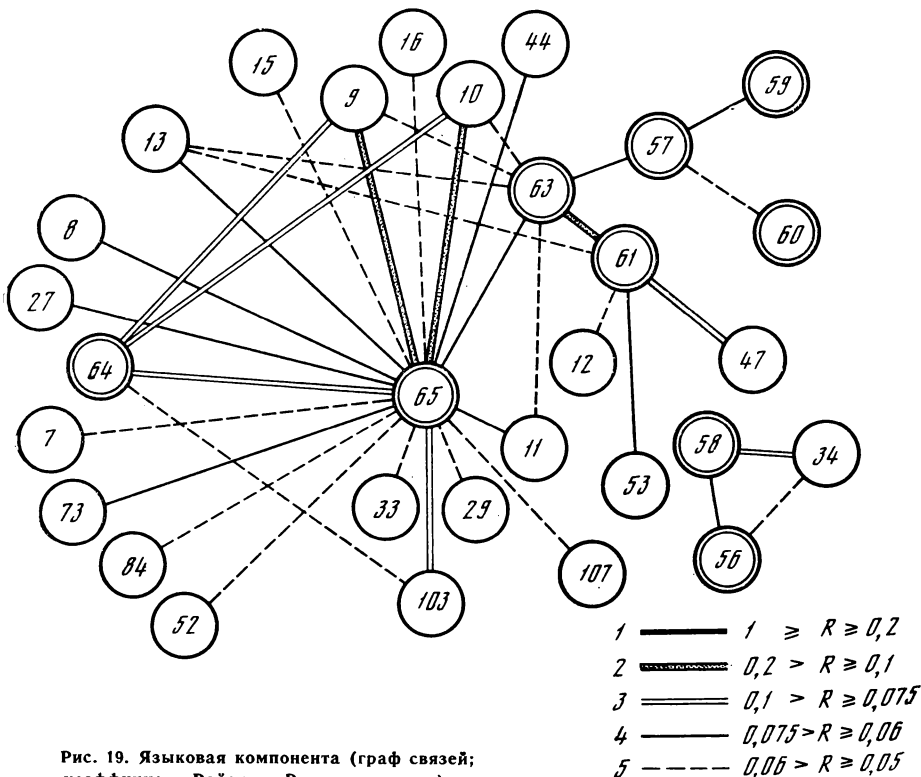

Рис. 19. Языковая компонента (граф связей; коэффициент Райского R; чуваш; село):

7 — пол; 8 — возраст; 9 — образование в момент обследования; 10 — образование (старт); 11 — СПС в момент обследования; 12 — сфера приложения труда; 13 — социально-классовая принадлежность; 15 — возраст в начале трудовой деятельности; 16 — СПС (старт); 27 — структура внепроизводственной деятельности; 29 — семейное положение; 33 — поколенно-ролевой состав; 34 — национальность родителей; 44 — зарплата (индивидуальный доход); 47 — национальный состав коллектива; 52 — частота посещения города; 53 — частота межнациональных контактов; 56 — язык детства; 57 — каким языком лучше владеют; 58 — родной язык; 59 — язык обучения в школе; 60 — язык в семье; 61 — язык на работе; 63 — язык публичных выступлений; 64 — степень знания чувашского языка; 65 — степень знания русского языка; 73 — одежда на свадьбе; 84 — дата свадьбы; 103 — знание национальных писателей; 107 — репертуар чтения прессы

Сельский массив. Граф, построенный по данным этого массива, обнаруживает, что и здесь (см. рис. 19) большая часть L-переменных взаимосвязана друг с другом; вместе с тем в сельской среде выделяются две относительно автономные группы L-переменных с выраженными внутренними связями. Одна из них — меньшая — сосредоточена вокруг переменной «родной язык». К ней примыкают факторы «язык раннего детства» и «национальность родителей» респондентов. Это значит, что выбор родного языка в сельской местности определяется прежде всего той этнической и языковой средой, которая окружала этнофора в семье с детства. Вторая группа переменных объединяет харак-

теристики языковой компетентности и речевой деятельности. Следует обратить внимание на существенные связи между уровнем знания русского языка (п. 65) и языковым поведением. В сельской местности преобладает чувашскоязычная среда и основными каналами освоения русского языка являются школа и практика внешкольного речевого общения. На тип речевой деятельности оказывает влияние уровень знания русского языка, а также R-переменные (межэтнические контакты).

Факторы межэтнических контактов оказывают сильное влияние на язык общения на производстве. По всей видимости, языковое поведение в сфере производственной деятельности обусловлено общей частотой межэтнических контактов и национальным составом трудовых коллективов. Практика речевой деятельности на производстве оказывает влияние также на речевую деятельность в семье и при выступлениях на собраниях. В то же время уровень знания русского языка реализуется в речевой деятельности и оказывает несомненное влияние на частоту межэтнических контактов. Так, в селе доля лиц, свободно владеющих русским языком, выше среди людей, которые часто общаются с представителями других национальностей, и составляет 87% обследованных. В то же время среди людей, вступающих в такие контакты редко, доля лиц, свободно владеющих русским языком, составляет 45%.

Языковая компетентность сопряжена с факторами языкового поведения. Среди тех, кто свободно владеет русским языком, доля лиц, выступающих на собраниях на чувашском языке, составляет 45%; кроме того, 32% могут выступать и выступают попеременно то на русском, то на чувашском. В то же время те респонденты, которые говорят по-русски с затруднениями, выступают на собраниях главным образом по-чувашски (92%) и лишь немногие (5%) пользуются при этом обоими языками. Языковое поведение (например, выбор языка публичных выступлений) корректируется отчасти уровнем образования. Более 50% чувашей, имеющих образование 10 классов и выше, выступают на собраниях на русском или на русском и чувашском языках.

В процессе трудовой деятельности широко используется чувашский язык. Вместе с тем получило распространение и двуязычие (25% сельских чувашей говорят на работе как по-чувашски, так и по-русски). При этом в однонациональных чувашских коллективах общение на работе происходит главным образом на чувашском языке (86%). В коллективах, где этнический состав смешанный, возрастает роль двуязычия, а в тех коллективах, где чуваша составляют меньшинство, часть чувашей переходит на русский язык общения²³.

Языковые переменные группируются в разветвленную цепочку связей, среди которых интересно выделить связи между тремя переменными: «уровень знания русского языка» (п. 65), «язык на работе» (п. 61) и «язык публичных выступлений» (п. 63), влияние которых имеет значение для функционирования

всей L-компоненты. Эти переменные прямо и косвенно зависят от DS-основания этноса. Рост образовательного уровня, изменение социально-классовой принадлежности, социально-профессиональной группы — все эти факторы влияют на L-компоненту, в частности вызывают изменения в уровне знания русского языка, приводят к изменениям и в речевом поведении в целом.

Таким образом, в сельской местности наиболее полно реализуется тип общения на чувашском языке. Впрочем, знание русского языка оказывает определенное влияние на характер речевой деятельности этнофоров. Вместе с тем в роли детерминирующих факторов развития двуязычия и всей L-компоненты выступают не собственно языковые характеристики, а DS-основание этноса, и в частности уровень образования.

§ 4. Языковая (L) компонента и этнокультурные переменные

Языковая компонента не только испытывает воздействие различных факторов, с которыми она сопряжена, но и сама влияет на развитие других компонент этноса. Прежде всего языковая компонента наиболее тесно связана с признаками, описывающими функционирование и «потребление» профессиональной духовной культуры. Замечено, что как в городе, так и в сельской местности на языковую ориентацию при чтении художественной литературы (п. 104 и 105) и периодической печати (п. 107) языковая компетентность оказывает более серьезное влияние, чем практика устной речевой деятельности. Кроме того, L-факторы оказывают влияние и на другие этнокультурные переменные. Например (как в городе, так и в сельской местности), лица, владеющие лучше всего чувашским языком, в большей мере знают и употребляют чувашские национальные блюда, чаще соблюдают традиционный чувашский свадебный обряд. Наиболее ориентированы на знание и потребление традиционной культуры этнофоры, назвавшие своим родным языком чувашский. Казалось бы, какая может быть связь между знанием и потреблением этнофорами традиционной культуры и их родным языком? Между тем такая связь, хотя и опосредствованная, существует и основана на устойчивых стереотипах поведения, на свойственных этносу формах жизненного уклада, на общей ориентированности этнофоров, на отношении их к национальным ценностям, проявляющимся как в приверженности к элементам национальной культуры, так и в выборе типа речевой деятельности или определении родного языка (корреляционная связь).

Наконец, языковая компетентность по-разному воздействует на этнокультурные переменные в городе и в сельской местности. Так, в городах знание чувашского языка, а в сельской местности знание русского языка расширяют возможности восприятия театральных спектаклей, телевизионных и радиоконцертных программ на двух языках и т. п. Расширение двуязычия способствует

его включению личности в более широкий круг социальных связей, более активному участию в общественной жизни. Как в городе, так и в сельской местности подавляющее большинство лиц чувашской национальности, занимающих выборные общественные должности, хорошо владеют чувашским и русским языками. Таким образом, двуязычие помогает гармоническому развитию этнофора, воспитанию у него интернациональных черт.

§ 5. Тенденции и перспективы

Вышеизложенные факты говорят о том, что в Чувашии двуязычие получило широкое распространение. Между тем в сельской местности знание русского языка, а в городах — знание чувашского языка реализуется в речевой деятельности лишь частично. Анализ имеющихся данных позволил выявить общую для Чувашии тенденцию, а именно углубление двуязычия, совершенствование знания русского языка и переход части чувашского городского населения на русский язык общения. В сельской местности сложилась тенденция постепенной интенсификации двуязычия. Вместе с тем эта общая тенденция различно отражается в каждом поколении чувашского населения. Показатели знания русского и чувашского языков, а также языковое поведение варьируют в зависимости от возраста респондентов. В сельской местности наблюдается обратная зависимость уровня знания русского языка от возраста. Чем моложе возрастная группа, тем больше в ней доля лиц, хорошо знающих русский язык (см. рис. 20).

Среди городского населения во всех возрастных группах доля лиц, хорошо знающих русский язык, составляет 90% и более. Лишь с 55 лет и старше увеличивается число обследованных, слабо знающих русский язык. Что касается уровня знания чувашского языка, то здесь выявляются несколько иные тенденции. В сельской местности во всех возрастных группах более 92% чувашей свободно говорят, читают и пишут по-чувашски. В городах намечается относительно слабая тенденция снижения знания чувашского языка. В настоящее время во всех возрастных группах, кроме самой молодой, более 60% чувашей свободно говорят, читают и пишут по-чувашски. Следует в то же время учитывать, что хотя, с одной стороны, доля лиц, хорошо знающих чувашский язык, уменьшается в молодых возрастных группах, тем не менее, с другой стороны, миграция из села пополняет прежде всего именно эти возрастные группы и таким образом отчасти восстанавливает баланс в сфере языковой компетентности.

Речевая деятельность, как уже отмечалось, в значительной степени детерминирована уровнем образования респондентов, а уровень образования, в свою очередь, связан с фактором «возраст». Чем моложе возрастная группа, тем выше в ней уровень образования, выше квалификация. Наиболее показательны в этом отношении респонденты в возрасте 25—29 лет.

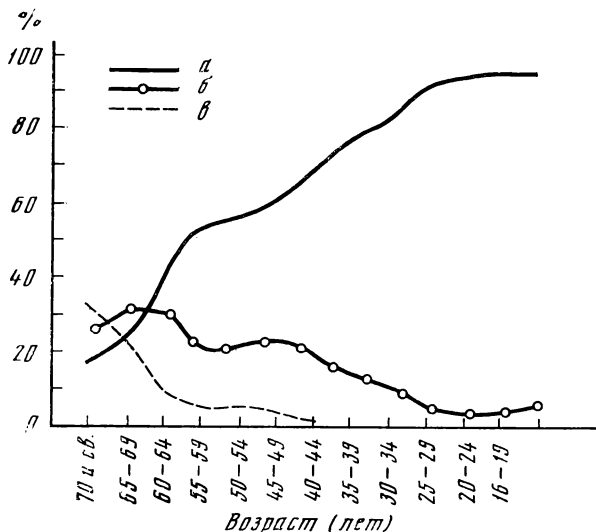

Рис. 20. Знание русского языка в различных возрастных группах (чувашей; село; %)

а — свободно говорят, читают, пишут; б — говорят с затруднениями; в — не владеют

Учитывая сложившиеся тенденции, следует ожидать, что языковая компонента сохранит свое сложное строение, которое отражает многогранность и диалектическую противоречивость этноязыковых процессов, протекающих в Чувашии. Есть все основания полагать, что развитие чувашско-русского двуязычия будет осуществляться в ускоренном темпе, что благоприятно скажется на повышении профессионального и квалификационного уровня трудящихся. Этот процесс будет более интенсивно протекать в городских условиях, однако и в сельской местности производственные потребности должны вызвать его интенсификацию. Кроме того, указанный процесс едва ли сильно скажется на функционировании чувашского языка, который сохранит важные позиции в речевой деятельности чувашей (трудовое и семейное общение, чтение художественной литературы, деятельность национального театра, функционирование национальной гуманитарной культуры, художественной самодеятельности и т. п.).

* * *

Итак, языковая компонента представляет собой одну из наиболее существенных субструктур в системе этноса. Конечно, ее функционирование в решающей мере определяется связями с демосоциальным основанием этноса, которые реализуются, в частности, путем повышения уровня образования народа. Школа, следовательно, есть важнейший инструмент формирования чувашско-русского двуязычия, которое в Чувашии получило широкое распространение. Тем не менее потребности начавшегося нового этапа НТР побуждают поставить вопрос об углублении двуязычия и более интенсивном овладении трудящимися русским

языком. Русский язык в данном случае важен не сам по себе, а как способ повышения общенаучной подготовки и технической квалификации непосредственных производителей материальных благ и духовных ценностей. На практике это означает, что целесообразно пойти навстречу одной четвертой всех родителей в сельской местности, выразивших желание послать своих детей в русские школы.

Кроме того, анализ показывает, что L-компонента чувашского этноса функционирует противоречиво, выявляет разные этноязыковые ситуации в городских и сельских условиях, к которым следует подходить дифференцированно. Это побуждает сформулировать предложение о более решительном удовлетворении пожеланий родителей-горожан, десятая часть которых склонна послать своих детей в классы с обучением на чувашском языке. Число таких классов в городских школах целесообразно увеличить.

Наконец, едва ли можно оставить без внимания тот факт, что около трети городских и сельских радиослушателей и телезрителей высказались в пользу увеличения времени вещания на чувашском языке. Эти пожелания также заслуживают внимания.

¹ Губогло М. Н. Этнолингвистические процессы//Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 259; Он же. Этнолингвистические контакты и двуязычие//Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973. С. 230; Аврорин В. А. Проблемы функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социоллингвистики). Л., 1975. С. 14, 24 и др.; Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика: (К основам общей теории). М., 1977. С. 211—252; Швейцер Н. Д. Современная социоллингвистика: Теория, проблемы, методы. М., 1976; Пименов В. В. Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977. С. 93—111.

² Автор главы разделяет взгляд на феномен двуязычия, высказанный в следующих работах: Михайлов М. М. Двуязычие: (Принципы и проблемы). Чебоксары, 1969. С. 3, 7; Брук С. И., Губогло М. Н. Двуязычие и сближение наций в СССР: (По материалам переписи 1970 г.)//СЭ. 1975. № 4. С. 19. Существуют и другие точки зрения. См.: Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1965. С. 439; Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966. С. 330.

³ Агаев А. Г. Функция языка как этнического признака//Язык и общество. 1968. С. 130—131; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 54—55.

⁴⁻⁵ Губогло М. Н. Этнолингвистические процессы//Современные этнические процессы в СССР. С. 293—313; Он же. Современные этноязыковые процессы в СССР: Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984.

⁶ Горбачев М. С. О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением//Правда. 1985. 24 апр.

⁷⁻⁸ Такое разграничение языковой компоненты предложено М. Н. Губогло. См.: Губогло М. Н. Знание и употребление второго языка при двуязычии: (По материалам этносоциологических исследований)//Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—1976 гг. Душанбе, 1976. С. 62; Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979. С. 165; Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. С. 17. Нам представляется более точным термин «языковая компетентность» вместо термина «компетенция», употребляемого М. Н. Губогло.

- ⁹ Агаев А. Г. Функции языка...; Козлов В. И. Динамика численности народов: Методология исследования и основные факторы. М., 1969. С. 26—28; Базиев А. Г., Исаев М. И. Язык и нация. М., 1973. С. 76—90; Козлов В. И. Национальности СССР: (Этнодемографический обзор). М., 1975. С. 202—247; и др.
- ¹⁰ Языки народов СССР. М., 1966. Т. II. С. 43; Исаев М. И. Сто тридцать равноправных: (О языках народов СССР). М., 1970. С. 85; Он же. Языковое строительство в СССР. М., 1979. С. 243.
- ¹¹ Павлов Я. К. Великая Октябрьская социалистическая революция и разрешение национального вопроса в Чувашии (1917—1925). Чебоксары, 1957. С. 27—28.
- ¹² Михайлов П. Н. Культурная революция в Чувашии. Чебоксары, 1957. С. 5. Ср.: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 526.
- ¹³ Павлов Я. К. Великая Октябрьская социалистическая революция... С. 129.
- ¹⁴ Чувашской АССР 50 лет. Чебоксары, 1970. С. 169.
- ¹⁵ Более подробно о развитии общественных функций чувашского языка см.: Петров Н. П. Чувашский язык в советскую эпоху: Развитие социальных функций и литературных форм. Чебоксары, 1980. С. 3—77.
- ¹⁶ Андреев И. А. О размерах распространения двуязычия среди сельского населения Чувашской АССР: (Опыт изучения языковой ситуации современной чувашской деревни)//Учен. зап. ЧНИИ ЯЛИЭ. 1970. Вып. 46. Филология. С. 3.
- ¹⁷ Михайлов М. М. Русская речь у чувашей: Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора филологических наук. Баку, 1970. С. 14—16.
- ¹⁸ Сбоев В. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях... их происхождение, язык, обряды, поверия, предания и пр. М., 1865. С. 8.
- ¹⁹ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 3. С. 192, 198—199; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 318, 344, 368; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. 4. С. 149; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 82—83.
- ²⁰ Михайлов М. М. Двуязычие (принципы и проблемы). Чебоксары, 1969.
- ²¹ Андреев И. А. О размерах...
- ²² Там же. С. 3.
- ²³ Подробнее см.: Григорьева Р. А. Этноязыковые процессы в Чувашской АССР//Расы и народы. М., 1984. Вып. 14. С. 91.

Материальная культура чувашей

§ 1. Постановка вопроса

Материальные условия имеют первостепенное значение в жизни каждого народа и служат одним из показателей уровня его общественного развития. Исследование материальной культуры этноса позволяет охарактеризовать его с этой стороны. Материальная культура чувашей в советский период уже становилась объектом специального изучения. Прделан путь от эмпирического собирания и описания материалов до серьезного анализа фактов и их обобщения. Значительное внимание было уделено исследованию традиционно-бытовой культуры, особое значение представляло рассмотрение входящих в нее элементов в соотношении с ее новыми сторонами. Материальной культуре чувашей посвящены две монографии¹, многочисленные статьи². Она нашла отражение также в ряде обобщающих работ³. Их авторами прослежены исторические корни, социально-экономическая обусловленность, отражение этнических процессов в материальной культуре чувашского народа, в том числе культурные взаимовлияния чувашей с соседними народами. Важно отметить, что материальная культура изучалась как методами традиционной этнографии, так и путем сбора массовых данных с помощью специальных анкет. Еще в 1933 г. в Чувашии проведено комплексное обследование 21 сельского населенного пункта путем анкетного опроса (в его вопросник был включен и блок для изучения материальной культуры сельского населения)*. Исследовательский интерес к материальной культуре чувашей особенно усилился в послевоенный период: значительно расширился круг тем, территориальные рамки исследований (ими охвачено также чувашское население, проживающее в соседних республиках и областях). Вместе с тем до последнего времени материальная культура чувашского городского населения не стала объектом внимания исследователей.

Изучение современной материальной культуры чувашей, имеющее большое значение для анализа развития этнических процессов, изменения этнокультурных характеристик и рассмотрения их в качестве одной из существенных сторон при системном подходе к этносу, остается одной из актуальных задач этнографии чувашского народа. Среди них научный и практический интерес представляет исследование вопросов о том, что в

* Эти же селения вновь обследовались в 1960, 1970 и 1980 гг.

материальной культуре устойчиво бытует, а что вытесняется из жизни; какие элементы теряют свою актуальность, а какие закрепляются в форме рекультивации; как идут указанные процессы в различных социальных слоях, этнографических зонах, субэтнических группах и т. п. Важное значение приобретает и рассмотрение таких аспектов, как место материальной культуры в системе этноса, степень бытования ее основных элементов, взаимодействие ее переменных с другими характеристиками этноса, отношение этнофоров к своей традиционной национальной культуре, выявление перспектив функционирования этноспецифических элементов.

Исследование материальной культуры народа имеет также существенное прикладное значение. Материально-вещная среда, в которой живут люди, оказывает сильное влияние на их деятельность (производственную, миграционную и иную), на их социальное самочувствие и установки. Знание всего этого может содействовать выработке рекомендаций и решений по стабилизации трудовых ресурсов, их оптимальному распределению и т. п.

Изучение материальной культуры в рамках компонентного анализа этноса делает необходимым рассмотреть вопрос о том, какие стороны в области материальной культуры имеют значение в качестве важнейших характеристик. Опыт этнографических исследований показывает, что такие ее традиционные элементы и стороны, как поселения, жилища, утварь, одежда, пища (см. Приложение, раздел V), могут представлять за всю область материальной культуры народа и дать ее достаточно полную характеристику.

§ 2. Поселения

Традиционные поселения чувашей, имевшие обычно кочевую застройку, во второй половине XIX в. приобрели по большей части уличную планировку. Типы поселений в дореволюционное время не отличались разнообразием; это были села, деревни и выселки (их общее чувашское название — *ял*). Селения северных и центральных районов располагались гнездами, на юго-востоке они были вытянуты в линейном порядке вдоль рек. Северные районы отличались от южных также большей плотностью размещения населенных пунктов, хотя в размерах селений наблюдалась обратная картина. Указанные особенности в сельском расселении сохраняются и в настоящее время.

Советская эпоха внесла в расселение и в облик поселений существенные изменения. Социалистическая индустриализация Чувашской АССР сопровождалась быстрым развитием городских поселений. В республике сейчас насчитывается 9 городов и 7 поселков городского типа (до революции было 5 городов). Города и поселки застраивались с участием представителей многих народов нашей страны (рис. 21). Теснее становились

Рис. 21. Новый микрорайон в г. Чебоксары, 1984 г.

связи между субэтническими группами чувашей, этносами, населяющими республику, между городом и деревней. В послевоенные годы в городах и рабочих поселках в широких масштабах развернулось государственное жилищное строительство. Поворотным пунктом в массовом жилищном строительстве стало крупнопанельное домостроение. Строительство объектов жилищного и социально-культурного назначения ныне осуществляется по долгосрочным программам.

Больше внимания стало уделяться планировке и архитектуре поселений. Однако отсутствие в прошлом у чувашей традиций градостроительства, как и монументально-декоративного искусства, создавало значительные трудности. Тем не менее интенсивно велись поиски путей создания национальных традиций. В 1950—1960-х годах национальное видели в орнаментации стен зданий с помощью кладки белыми и красными кирпичами. Архитектурные произведения национального стиля, мотивы которого в основном заимствовались из народной вышивки, находили себе место чаще всего в общественных зданиях столицы, а в последнее время — и в других городах и в сельской местности. Подобная тенденция продолжает иметь место и в наши дни, хотя современные архитекторы и планировщики понимают, что простое использование орнамента без связи его со структурой предмета едва ли может стать выражением национальной формы⁴ (рис. 22).

Для советской эпохи характерен рост разнообразия типов и

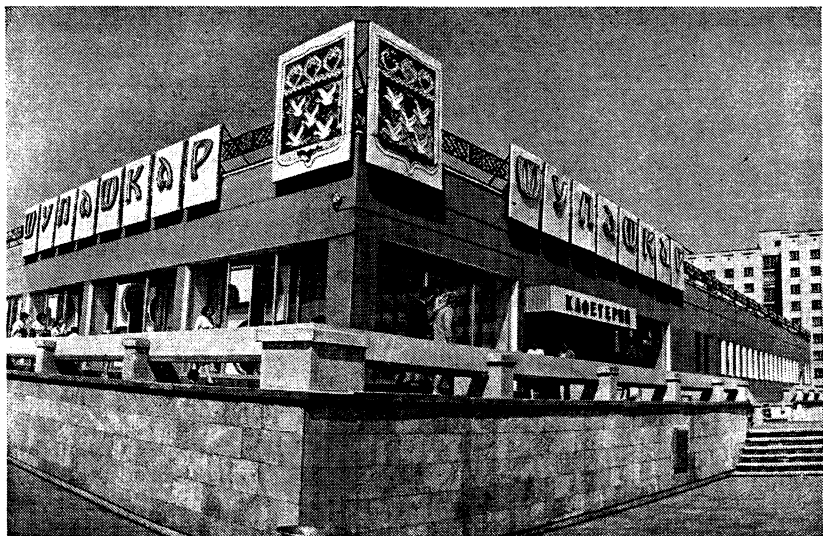

Рис. 22. Универсам «Шупашкар» в г. Чебоксары

форм поселений. Некоторые традиционные типы сельских поселений постепенно утрачивают свое значение: социалистическое переустройство деревни привело к ликвидации поселений хуторского типа и многих небольших деревень. Одновременно образовывались и новые селения (пристанционные, поселки при лесоразработках и т. д.). Преобразование сельских поселков в широких масштабах началось в 1950-е годы, когда в стране было осуществлено укрупнение колхозов и совхозов. Особенно большая работа была проведена по переустройству их центральных усадеб. Для современных сельских населенных пунктов все более характерно выделение культурно-административного центра и отделение производственной зоны от жилой. Застройку сельских поселений строители стремятся осуществлять комплексно, возводя школы, детские сады, учреждения торговли и коммунально-бытового обслуживания. Заметно стремление избавиться от однообразия в сельском жилищном строительстве.

Вопросы сельского строительства постоянно находятся в центре внимания партийных и советских органов республики. Они широко обсуждаются на страницах печати⁵. В ЧАССР поставлена задача по разработке программы строительства на селе жилых домов и культурно-бытовых объектов в соответствии с планами развития сельскохозяйственного производства, с учетом ожидаемых демографических изменений, возрастающих требований к возведению жилищно-гражданских объектов, их архитектуре и т. д. В связи с этим пересматриваются генеральные планы переустройства сел и деревень. В частности, признано

нецелесообразным массовое селение относительно мелких населенных пунктов. Неактуален теперь и вопрос об определении оптимальных размеров поселка. Сооружение жилых домов ныне все шире ставится на плановую основу, во многих местах создаются специализированные строительные бригады (по примеру колхоза «Правда» Вурнарского р-на)⁶.

Современное сельское население в Чувашской АССР сосредоточено в населенных пунктах следующих типов: районные центры, мелкие центры с административно-управленческими функциями (сельский Совет, правление колхоза, дирекция совхоза), прочие сельскохозяйственные населенные пункты (села, деревни, поселки, выселки), сельские несельскохозяйственные пункты (пристанционные поселки, поселки при лесоразработках, населенные пункты при промышленных предприятиях и стройках).

Поселенная структура в системе материальной культуры занимает особое место. В ней находят выражение, с одной стороны, существенные элементы социальных макроусловий, а с другой — реальные микроусловия. Поселения выступают в качестве мезосреды этнического процесса, конкретного «социального пространства», где он совершается. Данные настоящего статистико-этнографического исследования подтверждают выдвинутую ранее гипотезу о том, что роль поселений в этническом процессе тем интенсивнее, чем крупнее само поселение и чем разнообразнее и сложнее его социальные функции. Так, характер и мера сохранения традиционных и этноспецифических элементов в культуре и быте чувашей, а кроме того, усвоение интернациональных черт зависят от типа населенного пункта (п. 5), хотя, надо отметить, эта зависимость выражена не слишком резко.

Имеющиеся данные, однако, не позволяют согласиться с тем, будто сделанного в области районной планировки уже достаточно и дальнейшее развитие поселений пойдет само собой. Главное, особенно в планировании и реконструкции сельских поселений, состоит в том, чтобы, отказавшись от преимущественного развития так называемых перспективных поселений, создавать такие «гнезда» поселений и так размещать в них учреждения обслуживания, чтобы последние находились в пределах реальной доступности для потребителей.

§ 3. Жилища

По многим особенностям, таким, как материал (дерево), техника постройки (срубная), внутренняя планировка дома, связь дома с хозяйственными постройками, конструкция крыши, чувашское жилище близко к жилищу других народов Урало-Поволжского региона. Традиционную избу (*нӳрт*, *сӳрт*) ставили в середине большого открытого двора дверью на восток. К концу XIX — началу XX в. господствующим стал дом типа: изба + сени + клеть. От русских крестьян чуваша восприняли оформление фасада дома резными архитектурными деталями, которыми прежде обычно украшали только ворота. Новые элементы

были внесены и во внутреннюю планировку дома. Курная печь вытесняется русской печью, однако при этом традиционный очаг с подвешенным котлом (у степных чувашей он вмазанный, как у татар) сохранился. Часть неподвижной мебели (*нары урлă сак* — скамьи) заменялась самодельной подвижной, в домах части крестьян кухню стали отделять дощатой перегородкой. Все же прогрессивные изменения в чувашском жилище до Октябрьской революции внедрялись очень медленно.

В 1920—1930-х годах перемены в чувашском жилище стали более заметны. Увеличились размеры домов, число и размеры окон, чаще стали встречаться украшения домов резными архитектурными деталями, полихромной раскраской. В домах стало чище, интерьер дома стали украшать домоткаными вышитыми полотенцами, резной и раскрашенной кустарной мебелью. Еще в довоенное время получили распространение новые типы домов, например изба + сени + изба, изба с прирубом, пятистенки, однако преобладающим типом оставалась однокамерная (так называемая четырехстенная) изба с сенями. Все шире стали использоваться тес, кровельное железо и т. п.

В послевоенные десятилетия отмечается дальнейшее сокращение традиционных элементов, некоторая стандартизация типов построек, но также и усиление индивидуальных черт в постройках, влияние индивидуального вкуса. С увеличением камерности домов происходит дифференциация интерьера по функциональному назначению комнат. Вместе с тем интересно и важно отметить, что традиция не исчезает, она находит отражение в планировке новых домов. Так, в планировке передней комнаты наблюдается повторение прежних черт планировки однокамерной избы. В то же время в чувашском сельском жилище все более сказываются этнокультурные связи и влияние современной городской культуры, что особенно заметно в последние десятилетия.

В современной чувашской деревне по-прежнему преобладают деревянные жилища, которые составляют около 80% всех домов. В то же время с каждым годом увеличивается доля кирпичных домов и домов, выстроенных из других современных материалов (из железобетонных панелей, из шлакобетона и др.) (рис. 23). Этнографические наблюдения показывают, что традиционные отличительные особенности в жилище и планировке усадьбы отдельных этнографических зон и районов продолжают иметь место. В частности, в северо-западных (вирьяльских) районах трехраздельная структура изба + сени + клеть, как и раньше, остается господствующим типом дома. Здесь широко распространены большие открытые дворы. Яркая полихромная раскраска, обилие декоративных элементов во внешнем убранстве характерны для низовых чувашей (анатри) юго-восточных районов. Традиционный колорит поддерживается и тем, что в селах и деревнях сохраняются старые постройки, годные к эксплуатации (амбары, *ласи*⁷ и другие помещения). Следует при-

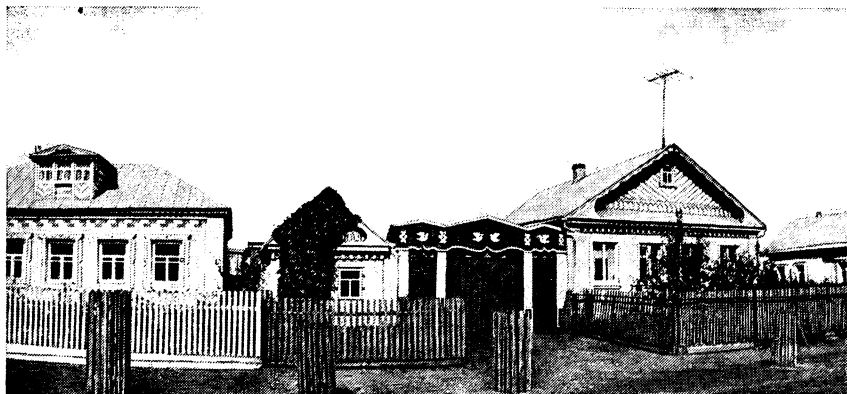

Рис. 23. Жилые дома колхозников. Колхоз «Гвардеец» Батыревского р-на Чувашской АССР

нять во внимание, что в сельской местности Чувашии немало народных мастеров (плотников и столяров), которые передают народные строительные традиции из поколения в поколение. Они возводят деревянные бревенчатые дома, украшают фронтоны изб, наличники окон, ворота.

Значительную долю (около 60%) в современном сельском жилищном строительстве составляют индивидуальные дома. В Чувашии есть районы, в которых на каждый колхоз приходится больше вновь выстроенных домов (квартир), чем в среднем по Нечерноземью. Так, в Яльчикском р-не за два года (1981—1982 гг.) введено в действие в среднем по 44,5 дома на каждый колхоз. Тем не менее в республике наблюдается сокращение доли индивидуального строительства (с 166,8 тыс. кв. м в 1976 г. до 119 тыс. кв. м в 1982 г.)⁸.

Сокращение индивидуального строительства вызвано трудностями, с которыми сталкиваются сельские застройщики, практически предоставленные самим себе: каждый из них вынужден самостоятельно добывать стройматериалы, транспорт для их перевозки, нанимать плотников, возводить дома в меру своих возможностей и знаний. Организованная помощь желающим строить дома в сельской местности недостаточна. Другая причина, по-видимому, коренится в отсутствии должного внимания к народным традициям сельского домостроительства со стороны архитекторов и планировщиков. К сожалению, рациональные традиционные особенности народного зодчества мало внедряются в строительство жилых домов, возводимых за счет средств государства и колхозов. Имеются случаи, когда типовые дома сооружаются без надворных построек. Правда, в современных типовых проектах, разработанных проектными организациями «Чувашгражданпроект» и «Чувашсельхозпроект», предусматри-

ается возведение помещений для скота, для хранения кормов, летней кухни, подсобных помещений, погреба и при необходимости — гаража. За счет государства и колхозов теперь возводятся преимущественно дома усадебного типа, в том числе индивидуальные и блокированные двухквартирные дома.

Многоквартирные дома строятся в основном на центральных усадьбах и при животноводческих комплексах. Наряду с традиционными материалами (дерево, кирпич) в сельском строительстве осваивается изготовление домов в крупнопанельном исполнении (секционные дома серии 111—121, дома серии 17, деревянно-щитовые дома серии 115 и других серий) по поточной технологии. Однако при разработке новых проектов домов очень важно полнее учитывать особенности жизни и интересов сельского населения, его этническое своеобразие. В этом определенную помощь архитекторам могли бы оказать этнографы и сами сельские жители. «Проекты нужны не отвлеченные, а привязанные к нашей земле» — одно из важных требований, предъявляемых жителями села к архитектурным проектам домов.

Статистико-этнографический анализ позволяет установить степень распространения разных типов жилищ среди сельских и городских жителей чувашской национальности, соотнести их с демосоциальными (DS) параметрами и типами населенных пунктов (табл. 4). Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в селах безусловно преобладают индивидуальные дома традиционных сельских типов (в них живут около 64% опрошенных). В последнее десятилетие они претерпевают значительную эволюцию и приобретают модифицированный вид; в индивидуальных домах этой модифицированной разновидности проживают около 30% обследованных респондентов. В настоящее время во многих сельских населенных пунктах (главным образом на центральных усадьбах колхозов и совхозов) растет число домов усадебного типа, строящихся по типовым проектам архитекторов индивидуально, а также за счет государства и колхозов. Однако их еще очень мало (в них живут менее 1%). Это вызывает беспокойство, так как свидетельствует либо о низком качестве проектов и неприятии их застройщиками, либо о том, что проекты не доходят до застройщиков. Незначительная доля сельского населения проживает в домах квартирного типа, основная масса которых недостаточно благоустроена. В Чувашии имеется также ряд сельских населенных пунктов, полностью или частично застроенных многоквартирными благоустроенными домами городского типа (с. Шоршелы Марпосадского р-на, с. Атлашево и Ишлен Чебоксарского р-на и др., а также районные центры).

Данные обследования подтвердили мысль о том, что между типами населенных пунктов и типами жилищ существует тесная взаимосвязь (см. табл. 4). В сельских населенных пунктах (всех типов) индивидуальные дома в их традиционных вариантах преобладают, хотя и в разной степени — в зависимости от статуса поселения: чем он выше, тем степень распространения традици-

Таблица 4. Типы жилищ чувашей в зависимости от типов населенных пунктов (%)

Населенный пункт	Индивидуальный дом традиционного сельского типа	Индивидуальный модифицированный сельский дом с традиционной планировкой	Индивидуальный городской дом традиционного типа	Индивидуальный стандартный дом (типовой проект)	Квартира (комната) в мало-благоустроенном доме городского типа	Квартира (комната) в много-квартирном благоустроенном доме городского типа
Село						
Административные центры районов	40,0	32,5	1,7	—	18,3	7,5
Мелкие центры с административно-управленческими функциями (сельский Совет, правление колхоза, дирекция совхоза)	61,8	33,9	—	0,1	3,1	1,1
Прочие сельскохозяйственные населенные пункты	74,3	24,8	—	0,2	0,5	0,2
Город						
Средний город (Чебоксары)	1,8	0,3	3,0	—	17,6	77,3
Малые города	3,3	1,0	11,6	2,3	19,0	62,8
Поселки городского типа	—	3,1	46,1	3,1	35,4	12,3

онных домов меньше. Установлено также, что каждый четвертый житель сельского районного центра проживает в домах квартирного типа, которые по благоустроенности еще значительно уступают городским. По имеющимся в нашем распоряжении данным можно судить в целом о темпах жилищного строительства и качестве основного жилищного фонда, которые еще не могут удовлетворить современные потребности.

Существенное влияние на предъявляемые к жилищу требования (а значит, и на его тип) оказывают возрастно-половая структура населения, уровень его образования, профессиональный состав и характер труда. В сельской местности обнаруживается дифференциация по типам жилищ служащих и рабочих и колхозников. Если у служащих доля традиционных домов составляет 42%, а модифицированных индивидуальных домов 38%, то у колхозников и рабочих соотношение между этими типами жилищ составляет примерно 2 : 1.

Около 16% сельской интеллигенции (главным образом высококвалифицированные специалисты) и 7,8% рабочих совхозов проживают в домах квартирного типа. Среди работников физического труда прослеживается тенденция: чем выше квалификация работников, тем ниже среди них доля проживающих в жилищах традиционного типа (56,6% у высококвалифицированных

и 69,9% у неквалифицированных). В домах с новыми типами планировки чаще проживают люди молодых и средних возрастов. Наблюдения показывают, что молодые работники легче расстанутся с традиционными стандартами в жилище (например, традиционным местоположением и формой печи, расположением окон и т. д.). Материалы обследования свидетельствуют о том, что 17% молодых семей проживают в домах квартирного типа (в том числе только 5% — в благоустроенных). Решению жилищного вопроса содействует строительство, помимо домов усадебного типа, многоквартирных домов для молодых семей.

Данные о типах жилищ, в которых проживают информаторы-горожане, свидетельствуют о росте жилищного фонда и улучшении качества жилищ (табл. 4). Более 3/4 опрошенных чебоксарцев проживают в благоустроенных домах. Вместе с тем заметную долю составляют жилища малоблагоустроенные, а также дома традиционного индивидуального типа. Не очень существенно от этих городов отличается соотношение между типами жилищ в малых городах, где несколько выше доля индивидуальных домов (в них соответственно проживают 18% опрошенных против 5,1% в Чебоксарах). Рассмотренные данные говорят о том, что показатель «тип жилища» находится в тесной взаимосвязи с типом города. Разная степень бытования тех или иных типов жилищ отражает разновидности образа жизни людей.

Тем не менее острота жилищной проблемы в городах республики еще далеко не преодолена. При этом нужно подчеркнуть, что жилищная проблема — это в основном городское явление. Хотя в сельской местности имеются свои трудности (преимущественно задача благоустройства жилищ, повышения их комфортности), все же проблема жилья как такового нуждается в решении именно в городах. Способы ее решения различны, и главный среди них — это государственное строительство многоквартирных благоустроенных домов в соответствии с планами развития городов, а также возведение кооперативных домов. Однако наряду с этим было бы полезно на данном этапе создать в городах более благоприятные условия для индивидуального жилищного строительства в специально отведенных зонах, что позволило бы частично сократить потребность в жилье.

Традиционное жилище, как известно, тесно связано с усадьбой и приусадебным обрабатываемым участком земли. В прошлом это было типично как для села, так и для городских поселений Чувашского края; в наше время приусадебные участки имеются не у всех сельских жителей, а в городах они сохраняются лишь у части индивидуальных застройщиков. За последние годы получило развитие коллективное и индивидуальное садоводство и огородничество, приобретшее особенно большой размах среди горожан.

Материалы обследования позволяют высказать некоторые суждения по поводу отношения чувашей — сельских и городских жителей к личному подсобному хозяйству (садово-огородному

участку) в населенных пунктах разных функциональных типов. В настоящее время увеличивается производство пищевых продуктов. Сейчас подсобные хозяйства дают в республике более половины валового сбора картофеля, около 30% мяса, более 41% молока, 40% овощей⁹. Следует отметить, что далеко еще не все имеющиеся ресурсы исчерпаны. Данные обследования показали, что 34,7% горожан и 1,8% сельских жителей не обеспечены подсобным хозяйством или садово-огородным участком и хотели бы иметь их. Особенно много желающих среди жителей Чебоксар.

Существенно и другое: среди опрошенных 13,3% чувашей и 9,9% русских в селах и 7,8% чувашей и 8,4% русских в городах высказались в пользу расширения своих индивидуальных подсобных хозяйств, за развитие производства в них тех или иных видов сельскохозяйственной продукции.

Желание иметь садово-огородный участок высказали 52,5% опрошенных чувашей-горожан в возрасте от 25 до 39 лет. В то же время 31,4% городских жителей (прежде всего самые молодые) ответили, что у них подсобного хозяйства (садово-огородного участка) нет и оно им не нужно.

В городском массиве заметно выражена зависимость наличия подсобного хозяйства от типа населенного пункта. Подсобное хозяйство у жителей поселков городского типа и малых городов имеется чаще и составляет 43% (против 28% в Чебоксарах). В сельском массиве заслуживает внимания соотношение этого показателя с переменной «тип жилища». Оказалось, что 38% сельских информаторов, проживающих в многоквартирных домах, не имеют подсобного хозяйства (садово-огородного участка). Отчасти это можно объяснить тем, что при составлении генеральных планов развития ряда сельских райцентров не были предусмотрены личные участки для огородов и подсобных помещений. Абсолютное большинство опрошенных сельских жителей (78%) намерено в ближайшем будущем сохранить свое подсобное хозяйство в существующих размерах.

§ 4. Одежда

В первые десятилетия XX в. чувашская национальная одежда, особенно женская, имела разнообразные формы и варианты. Она довольно четко подразделялась на три основных территориальных комплекса: верховой (вирьяльский), низовой (анатрийский) и средненизовой (свойственный группе анат-енчи). Некоторые отличия прослеживались и внутри этих основных групп. Кроме того, в одежде отражались возрастные особенности, социальные различия, иноэтнические заимствования. Для женщин-вирьялок была характерна рубаха (*кёне*) из белого холста прямого покроя с вышивкой (вокруг ворота, грудного разреза, на плечах, концах рукавов, на подоле). Рубаха носилась с поясом, причем она подтягивалась вверх так, чтобы получался напуск. У анат-енчи рубаха, как и у верховых, была белого цвета, но

туникообразного покроя, с одной (у девушек) или двумя (у женщин) вышивками *кёскё* или розетками (ромбами) из кумача *сунтăх* на груди, а также различными украшениями (вышивками, кружевами, узкими оборками из цветных тканей); рубаха носилась с поясом, однако без напуска. Рубаха у низовых чувашей шилась из пестряди, с двумя оборками из ткани другого цвета, без вышивок и нашивок, не обязательным был и пояс. Чувашские женщины во всех группах, как правило, носили рубаху с передником. Женский костюм вирьялок имел богатый набор украшений и головных уборов, в том числе полотенчатый головной убор *сурпан* с *масмаком* (вышитой полоской ткани на темени, скрепленной с *сурпаном*), нагрудные украшения из монет — *шӱлкеме*, *сурпан сакки*, *ама* и т. д., различные ожерелья, подвески, поясные украшения. В группах анат-енчи и анатри девушки надевали на голову *тухъю* (шлемовидную шапочку), а женщины — *хушпу* (в форме усеченного конуса). Верхняя одежда у всех территориальных групп была более или менее сходной.

Существенные изменения в национальной одежде произошли уже в начале советского периода, однако значительная часть населения сохраняла ее. Потребность в традиционной одежде вынуждала крестьян-чувашей выращивать и обрабатывать лен и коноплю. На протяжении ряда лет после Октября площадь, занятая этими техническими культурами, была довольно высокой¹⁰. Развитие промышленности и коллективизация сельского хозяйства оказали значительное влияние на одежду чувашей. Рост реализации промышленных товаров (в 1940 г. более чем в 15 раз по сравнению с 1925 г.)¹¹, участвовавшие контакты сельских жителей с населением городов, повышение жизненного и культурного уровня чувашей — все это способствовало вытеснению традиционных форм одежды городскими. В 1930—1940-е годы мужская одежда все более приобретала городской вид. Сохранившийся еще традиционный женский костюм подвергся трансформации и по составу элементов, и по материалу, и по покрою. В то же время традиционная одежда оставалась типичной для старшего поколения.

В послевоенные годы в связи с широким распространением промышленных товаров и подъемом материального благосостояния людей общесоветские формы становятся преобладающими, в том числе и в женской одежде. Чувашские женщины — вирьялки и анат-енчи — в 1960-е годы стали носить по преимуществу современное городское платье¹². Эволюция женского национального костюма продолжалась вплоть до середины 1950-х годов. Так, девушки и молодые женщины-вирьялки заменяли традиционную рубаху юбкой и кофтой из белых тканей, однако при ношении такого костюма сохранялся характерный вид рубахи с напуском. У низовых чувашей, по наблюдениям Н. И. Гаген-Торн, к 1950-м годам получил распространение один из вариантов пестрядинной рубахи¹³. Исследователи отмечают сходство

этого типа рубахи с платьем соседнего татарского населения. Однако уже массовое обследование сельского населения 1960 г. показало, что доля домотканины в изготавливаемой одежде, а также ношение лаптей были незначительны¹⁴.

В последние два-три десятилетия одежда с национальным колоритом шьется только из покупного материала. Следует отметить, что до недавнего времени наблюдалось некоторое своеобразие при выборе тканей той или иной расцветки в разных субэтнических группах: у низовых чувашей, например, было заметно предпочтение пестрых и цветных тканей, у верховых — однотонных, светлых. Несмотря на имеющиеся различия в расцветке и покрое, в целом можно говорить о том, что сформировался общенациональный комплекс традиционной женской одежды: он состоит из рубахи, передника и платка. Использование национальной одежды в повседневном быту постепенно сокращается.

На современном этапе при углублении процесса распространения общесоветских форм одежды наблюдается возрождение некоторых элементов народной одежды и украшений, создаются национальные, как бы комбинированные, костюмы, что характерно для свадебной одежды и костюмов коллективов художественной самодеятельности. В частности, свадебный женский комплекс, распространенный повсюду в сельской местности, состоит как из старинных, так и из заново воссозданных предметов и украшений (на свадьбах в нем бывают пять—десять и более свах). Свадебный костюм, включающий платье, передник, платок и туфли, дополняется разного рода украшениями. Верховые и средненизовые чувашки надевают *сурпан*, домотканый широкий пояс с разноцветными лентами, перевязь; низовые и часть средненизовых чувашей сохраняют *хушпу* и *тухъю*; женщины многих районов надевают также украшения из монет. Выявляется стремление многих девушек села, а отчасти и проживающих в городах наряду с современной одеждой, сшитой по моде, иметь национальный свадебный костюм.

Значение и место традиционной одежды в современном быту чувашей можно проиллюстрировать данными статистико-этнографического исследования. Установлено, что около 78% сельских и 94% городских жителей-чувашей не используют традиционной одежды. Определенные коррективы в наши представления вносят вариации данного признака в зависимости от DS-факторов. Чувашскую народную одежду, по нашим данным, в тех или иных случаях надевает почти треть женщин села и каждая вторая из них — в будни (табл. 5). Потребность в национальной одежде до некоторой степени удовлетворяют созданные в ряде районов республики специальные швейные мастерские (например, в с. Малое Карачкино Ядринского р-на), не говоря уже о том, что немало чувашских женщин сами шьют традиционного покроя рубахи *чăваш кĕпи*. Этот опыт, несомненно, заслуживает более широкого распространения.

Таблица 5. Ношение сельскими чувашами традиционной одежды (%)

Пол	Не носят	Национальный костюм (в будни); по праздникам и торжественным случаям—городской	Национальный костюм по праздникам и торжественным случаям	Главным образом национальный костюм
Мужчины	93,7	2,2	3,5	0,6
Женщины	68,1	5,6	15,7	10,6

Национальная одежда бытует не только среди женщин-чувашек. Хотя и редко, встречаются еще старики, которые носят в будни элементы традиционного костюма.

Отнесение признака «ношение национальной одежды» к группировке по возрасту позволяет выявить известную тенденцию — ослабление приверженности к этой одежде. Заслуживает упоминания некоторое повышение численности лиц, надевающих национальный наряд по праздникам и другим торжественным случаям, в возрастном интервале 20—29 лет. Это можно объяснить тем, что молодые женщины и девушки села являются активными участницами художественной самодеятельности, их часто приглашают и для участия в свадебном церемониале.

Предметы национального костюма более или менее регулярно надевают 22,3% колхозников, 13,1% рабочих и 12,5% служащих в сельской местности. По мере роста образования (а следовательно, и повышения социального статуса) интерес к народной одежде ослабевает. Так, в повседневном быту работников умственного труда высокой и средней квалификации традиционная одежда уже не встречается. В то же время, как показывают имеющиеся сведения, бытование национального праздничного наряда меньше зависит от рода занятий, чем бытование повседневной традиционной одежды.

Традиционный костюм в качестве повседневной одежды встречается и в городских условиях (его надевают 6,3% горожан). Его носят старые женщины, недавно переехавшие на постоянное местожительство в город. Праздничный национальный наряд использует небольшая часть жителей города (5,1%).

В отличие от уровня реального бытования народного костюма степень знания традиционной одежды, информированности о ней остается сравнительно высокой. Две трети опрошенных в сельском массиве и более одной трети — в городском имеют ясное представление либо очень хорошее знание чувашской национальной одежды. Любопытно, что знание народного костюма оказалось менее зависимым от пола, образования и социально-классовой принадлежности, чем его бытование. Оно обнаруживает тесную связь лишь с возрастом информаторов: чем они старше, тем уровень знания выше. Существенно и то, что люди, хорошо знающие народную одежду, имеют ясное представление о национальной пище, традиционных обрядах.

Для выяснения отношения информаторов к национальной одежде им были заданы вопросы о типе одежды на их собственной свадьбе (п. 73) и желаемом типе одежды на проективной свадьбе (п. 74). Важные сведения были получены по первому вопросу. Среди жителей сельской местности в целом 72% женщин и около 25% мужчин использовали на собственных свадьбах традиционный наряд или его отдельные элементы. Правда, здесь следует учесть, что эти показатели относятся не только к тем, кто недавно вступил в брак, а ко всем опрошенным.

Динамические ряды распределений признака «тип одежды на собственной свадьбе» отражают былое значение традиционной одежды. В этом плане особенно важны совместные распределения этого признака с датой свадьбы, дающие возможность наглядно проследить генеральную тенденцию, показывающую, как происходило ослабление меры бытования национального праздничного (свадебного) костюма в отдельные периоды за последние шесть десятилетий (рис. 24).

Как можно видеть, этот процесс не был равномерным. Тенденция к вытеснению традиционной одежды городским костюмом начала проявляться в первой половине 1930-х годов. Плавное снижение бытования традиционных форм одежды прерывается в годы войны. В послевоенные годы в связи с нехваткой промышленных товаров использование традиционной одежды, **в том числе и в свадебном ритуале**, возросло. С 1950-х годов снова имеет место снижение уровня «нижнего» (традиционного) слоя, что особенно стало заметно в 1960-х годах.

И все же о полном вытеснении народного костюма (с его традиционными формами) говорить не следует. В последние годы национальный наряд или его отдельные элементы (имеется в виду женский, так как целостный мужской комплекс давно вытеснен из быта) на собственной свадьбе надевали около 10% сельских жителей и 3% горожан. Интересно отметить, что на начальном этапе свадьбы — на торжественное бракосочетание в сельсовете, клубе и т. д. — невеста надевает обычно современный городской наряд, а на том этапе ритуала, когда свадьба идет по-традиционному, она нередко использует национальный комплекс одежды.

Можно констатировать, что народные традиции у чувашей, особенно в одежде женщин, не следует игнорировать. Судя по ответам на вопрос: «Как Вы хотели бы быть одетым на Вашей свадьбе?» (проективный тип одежды на свадьбе), показатели этнической установки в сельском массиве значительно ниже использования традиционного костюма на реальных свадьбах, тогда как в городском они почти совпадают. Так, в сельских условиях национальный костюм или его элементы надевали на свадьбу 53,5%, а предпочитают их в качестве типа одежды на проективной свадьбе 23,7% опрошенных. В городе на реальных свадьбах те же типы одежды использовали 15,3% информаторов, а хотели бы быть одетыми в национальный наряд 12,8%

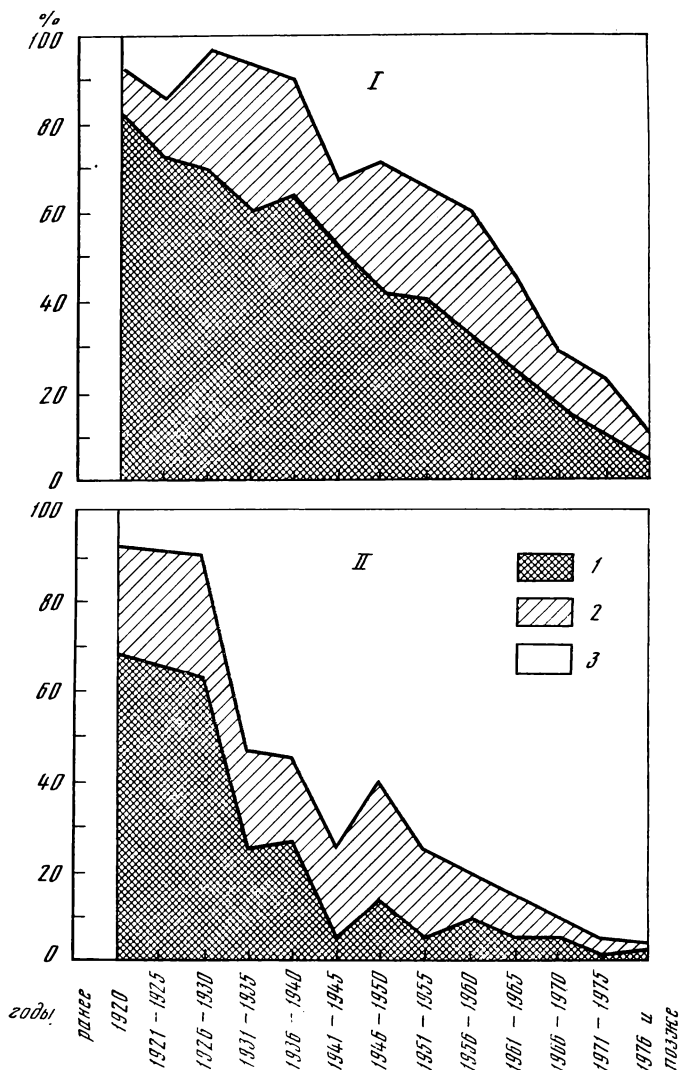

Рис. 24. Тип одежды на свадьбе в зависимости от даты проведения свадьбы

I — село; *II* — город; 1 — полный национальный наряд; 2 — национальный наряд с элементами городского костюма; 3 — городской костюм

опрошенных чувашей. Таким образом, в сельских условиях отмечается определенная ориентация в пользу городских стандартов быта, а в городах реальное поведение и установки функционируют согласованно. Кроме того, в городах имеется часть населения (пусть и небольшая), стремящаяся к использованию национальной традиции в материальном оформлении свадьбы.

Рис. 25. Современные ювелирные украшения, выполненные в чувашском национальном стиле

Обращает на себя внимание также тот факт, что, будучи вытесняемы из бытования, элементы национальной одежды не обязательно уничтожаются и часто им придается значение этнической ценности. Более чем в каждой второй сельской чувашской семье имеются предметы народной одежды; 9% опрошенных имеют полный национальный костюм, который большинство из них и надевают по праздникам и другим торжественным или особым случаям. Одежду и украшения в национальном стиле имеют 15,6% чувашей-горожан. Большим спросом и популярностью пользуется у населения вышитая национальная одежда, изготавливаемая Альгешевской фабрикой художественной вышивки «Паха тёрё» (близ Чебоксар). Она шьет женские платья, передники, мужские рубашки, детские костюмчики и т. д. Эти изделия служат как бы компенсацией того традиционного, что исчезает из реального быта.

Следует отметить, что процесс рекультурации, т. е. возобновления элементов традиции в новых формах — в форме как индивидуального рукоделия, так и на промышленной основе, в условиях Чувашии начался еще в 1920/х годах. Промышленные изделия, изготовленные в чувашском стиле (в том числе одежда, посуда и утварь, национальные сувениры и т. д.), можно видеть почти в каждой семье. Однако подавляющее большинство информаторов имеют небольшое число (два-три) таких предметов. В этой связи остро встает вопрос об удовлетворении покупа-

Таблица 6. Ремесленно-художественные навыки сельских и городских чувашей (%)

Массив информации	Ткачество	Вышивание	Шитье традиционной народной одежды	Вырезание по дереву	Изготовление украшений для свадебной одежды
Село	37,4	52,9	24,1	14,8	11,3
Город	13,7	45,7	8,4	10,6	6,0

тельского спроса на различные виды изделий, изготовленных в национальном стиле (рис. 25). Около 40% горожан и 27,7% сельских жителей считают, что местная промышленность республики недостаточно выпускает товаров и предметов, изготовленных в традиционном чувашском стиле.

Что касается индивидуального рукоделия, то в Чувашии особенно характерны такие его виды, как ткачество, вышивка и плетение кружев, изготовление традиционной народной одежды, резьба по дереву, изготовление украшений для свадебной одежды (табл. 6).

Данные табл. 6 свидетельствуют о том, что степень владения трудовыми навыками, необходимыми для изготовления различных элементов прикладного искусства, среди чувашского населения довольно высокая. Так, почти половина опрошенных умеют вышивать, каждый четвертый сельский житель умеет шить традиционную народную одежду и т. д. При этом творчество народных мастеров «во многом продолжает находиться в «границах» своей этнографической среды. Особенно отчетливо это проявляется в вышивке... Так, мастерицы, проживающие на севере Чувашии, более склонны к исполнению мелких, филигранных узоров, а на юге и за пределами республики, наоборот, предпочитают крупные полихромные узоры»¹⁵. Для творчества народных мастеров характерно сочетание национальных и интернациональных мотивов.

В Чувашии сохраняется спрос и на металлические украшения (браслеты, налобные украшения и нагрудники, покрытые нашитыми на них монетами, ожерелья традиционных типов и форм, восходящих к ремесленным изделиям прошлого). В настоящее время производство таких изделий прекращено. Не приходится сомневаться, что изготовление украшений по старинным образцам, если бы оно было налажено на предприятиях, производящих бижутерию, было бы полностью оправдано и способствовало бы удовлетворению потребности в такого рода изделиях не только в Чувашии, но и во всей зоне Урало-Поволжья¹⁶.

Определяя тенденцию дальнейшего развития народной одежды в крае, можно достаточно уверенно предположить, что, по видимому, в пределах обозримой перспективы будет иметь место снижение доли людей, повседневно носящих традиционную одеж-

ду. Национальный костюм все более становится праздничной, обрядовой одеждой, костюмом для участников художественной самодеятельности, артистов. Эта тенденция, надо полагать, скажется и в будущем. На нынешнем этапе среди чувашской молодежи наблюдается некоторое повышение внимания к национальной одежде. Это выражается, например, в том, что в ряде местностей стали проводиться конкурсы на изготовление лучшего национального наряда. Национальный костюм весьма часто используется в качестве свадебной одежды, в художественной самодеятельности, тем самым «усиливая выразительность и этническую специфику народного танца, песни, музыки»¹⁷.

§ 5. Пища

В культуре любого народа одно из наиболее существенных мест принадлежит пище. В наборах пищевых продуктов, способах их обработки, типах блюд, в традициях пищевого предпочтения или избегания, в организации и ритуале трапез, связанных с пищей, отразилась этническая и культурно-историческая специфичность этноса, и изучение этих явлений способствует раскрытию их этнического своеобразия и представляет большой научный интерес¹⁸.

В данной работе поставлена задача выявить меру знания чувашских кушаний, их бытования и умения готовить традиционные блюда, выявить связи этих факторов, в частности, с наличием личных подсобных хозяйств и отношением к ним, а также с переменными, выражающими этническое самосознание. Изучение традиционной народной пищи чувашей с этой точки зрения необходимо для более полного представления об особенностях эволюции чувашского этноса и о современных проявлениях этнокультурных процессов в Чувашской АССР.

Культура питания любого этноса является сложной системой, прошедшей длительную эволюцию, которую обуславливали экологическая среда, развитие хозяйства, история этноса. Чувашские национальные блюда имеют древнее происхождение. В способах их приготовления, подачи на стол и т. д. исследователи выделяют тюркско-кочевнические и местные, финно-угорские земледельческие элементы¹⁹.

Традиционная пища чувашей была разнообразна по набору блюд, которые готовились в основном из продуктов земледелия (рожь, пшеница, ячмень, полба, гречиха, овес, горох и т. д.), различных дикорастущих растений (сныть, щавель, борщевик, крапива, грибы, ягоды и проч.), продуктов огородничества (репа, редька, лук, свекла, каргофель, морковь, капуста, чеснок, огурцы, тыква и т. п.). У чувашей в прошлом употребление мяса и молока имело ярко выраженный сезонный характер, причем значительная часть молочных продуктов шла на продажу.

Приводимый ниже краткий перечень содержит наиболее популярные чувашские национальные кушанья. Похлебки — жид-

кие блюда, или супы, которые независимо от используемых для их приготовления продуктов объединяются под названиями *яшка* или *шӳрпе* (*купӳста яшки* — щи со свежей капустой, *какай шӳрпе* — суп из субпродуктов и т. д.). Одним из основных продуктов при варке супа был картофель, использовались также мучные приправы (салма, сӳмах), крупяные и бобовые (горох, овес, полба, чечевица и др.), овощи и зелень, различные травы (свекольная ботва, щавель, крапива и т. д.)²⁰. Вторые горячие блюда — кушанья из овощей, крупяные и мучные, яйца, молочные блюда, реже — блюда из мяса и рыбы. Мясные кушанья чаще готовили из говядины, ели также баранину, реже — свинину, а конину употребляли в пищу низовые чуваша (анатри), граничащие с татарами.

Наиболее распространенными кушаньями у всех этнографических групп чувашей были каши — полбяная, овсяная, пшенная, гречневая и т. п., толокно. Среди мясных блюд наиболее любимым, хотя и редко готовившимся, была колбаса, сделанная из набитого кусочками мяса и жира овечьего желудка (*шӳрттан*). Другое популярное кушанье — *тултармӳш* — вареная колбаса. Иногда готовили жаркое (*шаркку*), вареники (*хуран кукли*). Из молочных продуктов излюбленным блюдом был сыр (*чӳкӳт*); его готовили из творога с добавлением яиц, солили, формовали в виде лепешки и ставили в горячую печь на 10—12 часов.

У чувашей приречных селений, расположенных по берегам рек Волги, Суры, Цивили, готовились рыбные блюда, а в северных и центральных районах Чувашии, в лесной зоне, больше были распространены грибные, овощные и другие блюда.

Блюда из печеного теста — это хлеб, различного вида пироги, лепешки, ватрушки. Кислый круглый хлеб — основная еда чувашей. Из кислого (квашеного) теста пекли лепешки на сковороде (*сӳхӳ, капӳртма, кӳвас икерчи*) и ели их, смазав сверху сливочным маслом. Из пресного теста (полбенного, ячменного, овсяного, горохового и чечевичного) также готовили разные виды лепешек (*пашалу, йӳва, юсман*).

Довольно заметное место в питании чувашей занимали печення из теста с начинкой: *пӳремечӳ* (ватрушки), начиненные картофелем, творогом, мясом и т. д. Пироги употреблялись как в праздничные, так иногда и в будние дни. *Хуплу* — пирог из свинины с картофелем, *пуӳ кукли* — пирог с рыбой, крупой, горохом, грибами, щавелем, *палан кукли* — пирог с калиной, *панул-м кукли* — пирог с яблоками и т. п.

Чувашами употреблялись как безалкогольные, так и хмельные напитки. В будние дни пили колодезную, родниковую воду, пахту или кислое молоко. Чай и квас пили в тех районах, население которых контактировало с татарами или русскими. Распространенным напитком у чувашей до настоящего времени остается домашнее пиво (*сӳра*). В разных этнографических зонах рецепты приготовления пива отличаются. Для праздничных угощений варили крепкое пиво, для повседневного питья — сла-

Т а б л и ц а 7. Знание городскими чувашами национальных блюд (%)

Уровень знания	г. Ядрин	г. Новочебоксарск
Не знают ни одного блюда	—	6,9
Знают менее 5 блюд	7,3	24,9
» 5—10	18,3	53,8
» 11 и более	74,4	14,4

бое. Крепкие напитки готовили из меда (*сим пыл, кърчама*) с добавкой хмеля и дрожжей.

Обрядовые угощения — на свадьбах, родинах, крестинах, поминках — состояли, конечно, из разнообразных блюд, но, в сущности, тех же, что готовились и в обычное время. Разница состояла лишь в том, что эти блюда готовили из лучших по качеству продуктов и стремились сделать побольше блюд. Чуваша старались выставить на стол как можно больше различной пищи и тем самым показать свой достаток, хлебосольство и гостеприимство.

В советское время происходили существенные перемены не только в составе чувашских блюд: изменился не только набор исходных продуктов, из которых готовятся кушанья, но также претерпел изменения, так сказать, и общий образ чувашской кухни, сложилось представление о ней как о национальной народной кулинарии.

Массовое обследование 1981—1982 гг. подтверждает мысль о том, что этот обобщенный образ национальной народной кухни сохраняет весьма прочные позиции в сознании этнофоров: лишь около 1% жителей села не знают своей традиционной чувашской пищи, 13% сельского населения знают менее 5 национальных блюд, 46% знают 5—10 национальных блюд, а 40% жителей села знают 11 и более блюд национальной народной кухни. Похожая, но все же несколько иная ситуация сложилась в городах. Городские жители чувашской национальности в целом в пяти случаях из ста не знают блюд национальной кухни, 20% из них знают менее 5 блюд, около 44% знают от 5 до 10 блюд, а 31% обнаруживает максимальное знание чувашской кухни. Однако если дифференцировать ответы информаторов по разным типам городов, то картина знания данной стороны материальной культуры выглядит иначе (см. табл. 7).

Очевидно, что жители нового промышленного города (Новочебоксарска) знают традиционную национальную пищу значительно слабее, чем те, кто живет в маленьких городах и поселках городского типа. Однако это крайние тенденции. В действительности позиции чувашей-горожан по затронутому поводу менее противоположны; даже в таком относительно крупном городе, как Чебоксары, уровень знания традиционных кушаний достаточно высок.

Функционирование материальной культуры, конечно, существенно зависит от того, в какой мере тот или иной ее элемент может быть постоянно воспроизведен, повторен. Это в особенности может быть отнесено к пище. Поэтому весьма важно, в какой степени в народе сохраняются навыки приготовления традиционных кушаний. И следует отметить, что мера такого умения у чувашей сравнительно высока: более 80% сельских жителей и более 70% горожан в той или иной степени владеют навыками приготовления национальных блюд.

Учитывая сказанное, не вызовет удивления и тот факт, что частота реального бытования этих кушаний также отличается значимыми характеристиками: более 70% сельских жителей каждый день либо еженедельно готовят традиционные блюда; в городских условиях этот показатель вдвое ниже, но все же достигает 35% (что связано как с понятным недостатком исходных продуктов, которые обычно имеются в деревне, так и с отсутствием в городских квартирах духовых «русских» печей).

Легко заметить, что традиционные элементы в питании, в наборе блюд и в системе бытовых навыков — это вполне реальные черты современного образа жизни чувашского населения и в прошлом, и в наше время. Потребность в традиционных блюдах сохраняется, и она отвечает определенным представлениям чувашского населения о характере и типе ежедневного и праздничного питания. Тем не менее это обстоятельство не учитывается теми органами, которые могут реально влиять на работу сферы обслуживания, в том числе на службу общественного питания. В целях создания наиболее благоприятного климата в трудовых коллективах, ослабления текучести кадров и т. п. полезно шире вводить в меню рабочих и сельских столовых, кафе и ресторанов блюда и комплексы блюд национальной чувашской кухни.

§ 6. K_m -компонента в системе этноса

Группа переменных, представляющих различные стороны традиционной материальной культуры, занимает в системе чувашского этноса определенное и, в ряде отношений, заметное место. По данным матрицы коэффициентов связи (R), можно наблюдать, как «ведут себя» K_m -переменные в разных социально-экологических средах. В целом подтвердилась гипотеза, что в сельском массиве информации эти переменные образуют несколько более сплоченный контур связей, чем в городском (рис. 26). На модели сельского массива обращает на себя внимание группа признаков, связанных с признаком 73-м (тип одежды на собственной свадьбе). Он сопряжен с рядом DS -факторов: 7-м (пол), 8-м (возраст), 9-м и 10-м (образование), 11-м (СПГ в момент обследования) и наиболее зависим от фактора 7. Наличие сильных связей с указанными факторами в значительной мере объясняется исторически тем, что в прошлом роль традиционной материальной культуры, и в частности одежды, в

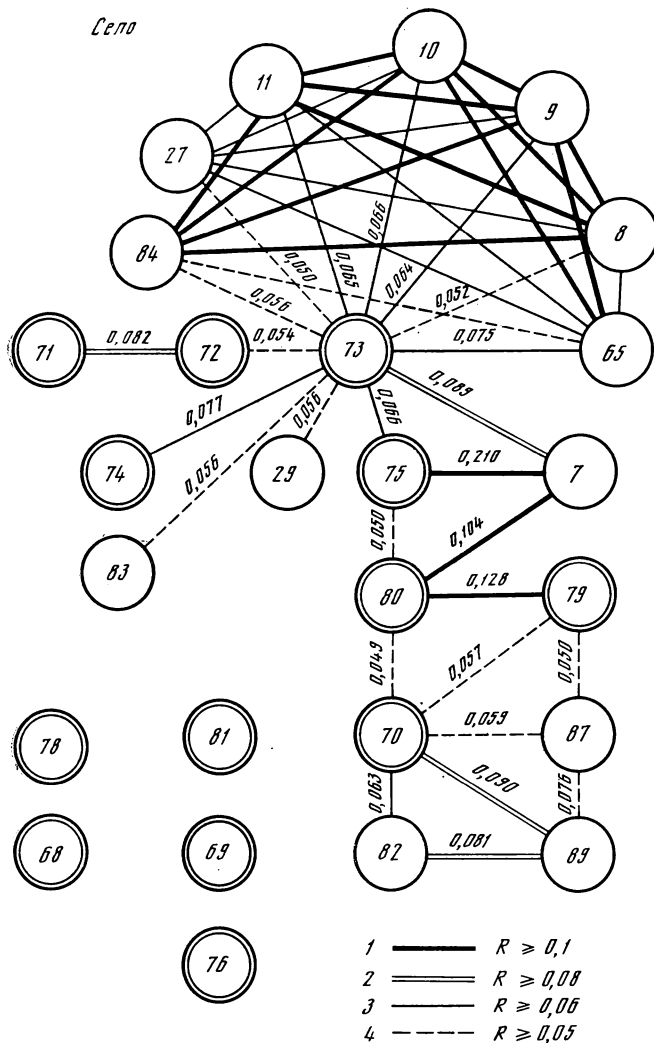
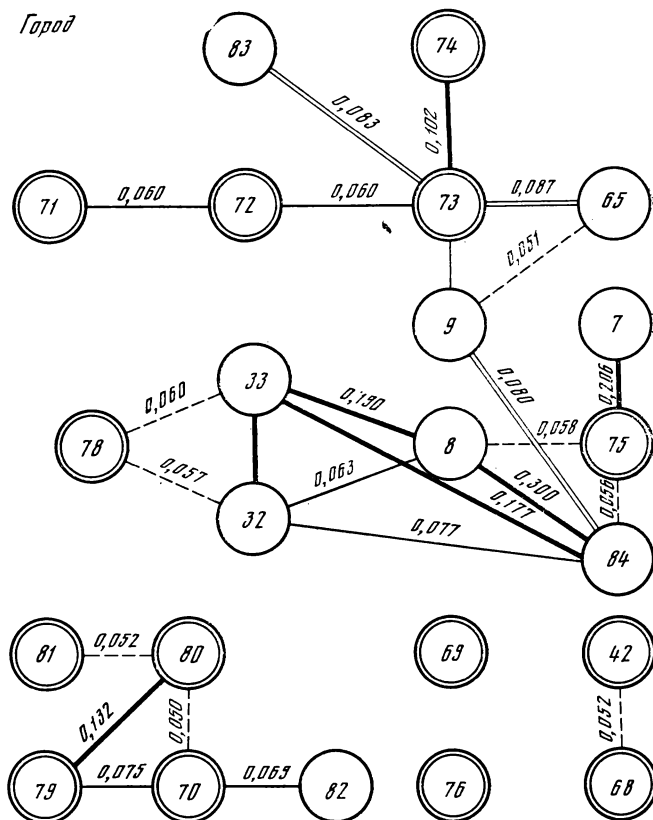

Рис. 26. Материальная культура (модель K_m -компоненты; коэффициент Райского R):

7 — пол; 8 — возраст; 9 — образование в момент опроса; 10 — образование (старт); 11 — СПС в момент обследования; 27 — структура внепроизводственной деятельности; 29 — семейное положение; 32 — состав семьи; 33 — поколенно-ролевой состав; 42 — наличие подсобного хозяйства; 65 — степень знания русского языка; 68 — тип жилища; 69 — бытование традиционной утвари; 70 — знание традиционной одежды; 71 — хранение традиционной одежды; 72 — ношение традиционной одежды; 73 — одежда на свадьбе; 74 — одежда на проективной свадьбе; 75 — ремесленно-художественные навыки; 76 — бытование промышленных изделий в национальном стиле; 78 — бытование предметов индустриальной культуры; 79 — знание традиционных кушаний; 80 — умение готовить традиционные блюда; 81 — бытование традиционных кушаний; 82 — знание традиционной свадьбы; 83 — тип реальной свадьбы; 84 — дата свадьбы; 87 — знание родинных обрядов; 89 — знание погребального обряда

функционировании чувашского этноса была более значительна, чем теперь. Показатель 73, как уже указывалось, в значительной мере отражает былой вес традиционной материальной культуры. (Действительно, среди ответивших на вопрос о своей одежде на свадьбе — представители всех возрастов, а среди них большинство вступало в брак в те периоды, когда традиционная одежда была распространена гораздо шире, чем теперь.) Интересно, что п. 72 (ношение национальной одежды) подобного контура связей не образует. Его отношения с DS-факторами ослаблены и на избранном уровне связей в системе уже не проявляются. Можно думать, что признак «ношение национальной одежды» в прошлом играл такую же роль, как и признак «тип одежды на свадьбе», но с течением времени постепенно утратил свой былой вес в системе. Переменная 73 сопряжена также с признаками 65 (степень владения русским языком), 83 (тип реальной свадьбы), 84 (дата свадьбы), взаимодействует с 75-м (ремесленно-художественные навыки), оказывает влияние на 74-й (проективный тип одежды на свадьбе).

На модели выделяется вторая группа переменных: умение готовить национальные блюда (п. 80), знание национальных блюд (п. 79), знание национальной одежды (п. 70), знание свадебных обрядов (п. 82), знание родильных обрядов (п. 87), знание похоронных обрядов (п. 89). Характер соотношений между этими переменными вполне определенный: более полное знание одних элементов традиционной культуры влечет за собой более полное знакомство с другими. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что знание традиционной одежды несколько обособлено от ее наличия и ношения. Группы показателей бытования и знания одежды связаны между собой на графе через посредство п. 7 и 75. В частности, фактор 7 (пол) образует очень тесные связи с признаками 75 и 80. Некоторые переменные материальной культуры, например 73-я и 75-я, коррелируют с факторами 29 (семейное положение), 32 (состав семьи), 33 (тип семьи — поколенно-ролевой состав семьи).

Общие тенденции функционирования группы K_m -переменных противоречивы. С одной стороны, тенденция к культурной однородности весьма явственно выражена во всех разделах материальной культуры горожан-чувашей, но, с другой стороны, видна также тенденция к росту разнообразия культуры. Сопоставление моделей показывает, что если первая — сельская — модель отражает более традиционное, то вторая — более современное состояние объекта²¹. В городских условиях на уровне связей больших, чем $R=0,050$, непосредственные взаимодействия между K_m -переменными и DS-факторами проявляются незначительно. Но из этого, конечно, не следует, будто импульсы, управляющие материальной культурой, исходят не из DS-основания чувашского этноса. K_m -переменные испытывают воздействие DS-основания этноса опосредствованно, более сложным путем. Кроме того, переменные традиционно-бытовой культуры, как это видно на модели городского массива, и между собой далеко не всегда непосредственно связаны на значимом уровне.

Рассмотрим некоторые связи отдельных переменных. Так, п. 73 (тип одежды на свадьбе) на городской модели образует группу сопряженностей сравнительно с небольшим числом факторов. Из DS-факторов значимая связь прослеживается только с 9-м (образование). Тесную зависимость с самим признаком «тип одежды на собственной свадьбе» обнаруживает п. 74 (проективный тип одежды на собственной свадьбе). Далее, 73-й признак также тесно взаимосвязан с 83-м (тип реальной свадьбы), 65-м (степень владения русским языком), 72-м (ношение национальной одежды). Других явно выраженных связей п. 72 не проявляет (за исключением связи с признаком «наличие предметов национальной одежды» — п. 71). Это признак (п. 72) с очень высокой степенью однородности (абсолютное большинство горожан ответили, что не носят традиционной одежды). Владение элементами народного прикладного искусства (п. 75) сопряжено с возрастом (п. 8), особенно сильно — с полом (п. 7). Распреде-

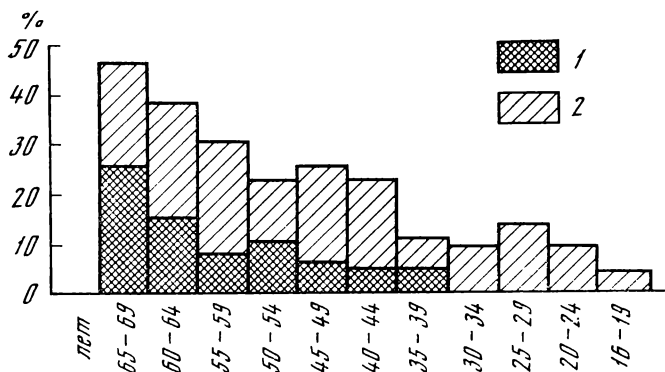

Рис. 27. Возрастная динамика ношения традиционной одежды (чуваш; село; %):

1 — носят главным образом традиционный национальный костюм; 2 — носят его по праздникам и торжественным случаям

ление населения по типам жилища (п. 68) связано с наличием подсобного (дачного) хозяйства (п. 42). Особую группу связей образуют переменные, выражающие знание традиционной культуры.

Проделанный анализ позволяет ближе подойти к выяснению вопроса о тех направлениях развития материальной культуры, которые могут проявиться в Чувашии в обозримом будущем. Легко заметить, что намечающиеся изменения неоднозначны. С одной стороны, ясно прослеживается исторически сложившаяся тенденция к вытеснению из бытования ряда традиционных элементов культуры (например, традиционной одежды (см. рис. 27). Однако и в этом случае видно, что в некоторых младших возрастных группах повышается интерес к использованию народного костюма в качестве праздничной одежды. Таким образом, с другой стороны, имеет место сохранение традиции, нередко в форме рекультурации (появления «вторичных» форм, созданных индустриальными и иными способами на основе классических народных образцов). Рассмотрение других K_m -переменных показывает, что и в этих случаях наблюдаются — то интенсивнее, то слабее — сходные процессы.

* * *

Рассмотрение системы индикаторов, которые характеризуют различные проявления материальной культуры чувашей в ЧАССР, показывает, что, хотя мера бытования традиционной культуры исторически снижалась и продолжает постепенно сокращаться, тем не менее этот слой культуры — особенно поселения и жилища (преимущественно в селе), а также отчасти одежда и в особенности существенные элементы в системе питания — продолжает занимать важную позицию в жизни народа

и потому должен привлечь к себе внимание. Ясно, что в обозримой перспективе эти стороны материальной культуры будут не просто доживать свой век, а будут воспроизводиться — отчасти в модифицированных, а отчасти и в ныне существующих формах, так как значительные группы этнофоров заинтересованы в их воспроизводстве. Очевидно, что при выработке решений и мероприятий, направленных на оптимизацию условий жизни народа, на стабилизацию трудовых ресурсов и т. п., полезно, если речь идет об управлении теми культурными условиями, о которых говорилось выше, исходить из этого факта.

Анализ материалов массового обследования, частично изложенных выше, позволяет выдвинуть ряд предложений. Совершенствование системы расселения, в особенности сельского, следует ориентировать на создание групп («гнезд») поселений, достаточно тесно связанных между собой или с ближайшими городскими поселениями. Основная задача состоит в формировании взаимно дополняющих друг друга поселков, обеспечивающих их население всеми формами обслуживания на доступных расстояниях.

Обращаясь к жилищу, приходится указать на необходимость организации действенной помощи (через государственную и кооперативную торговлю, районные промкомбинаты, а также со стороны колхозов и совхозов) индивидуальным застройщикам, создания возможности приобретения ими на законном основании строительных материалов, приглашения рабочих-строителей и т. п. Кроме того, необходимо существенно улучшить проектно-архитектурную работу, добиваясь, чтобы архитектурные проекты отвечали бы вкусам и потребностям местных жителей деревни и города, отражали бы местные (национальные) строительные традиции, что особенно касается построек, возводимых за счет колхозов, совхозов и других общественных источников. Важно, чтобы лучшие проекты, наиболее отвечающие запросам застройщиков, популяризировались бы путем публикации, а также средствами массовой информации (с непременно указанием, где и каким образом застройщик может получить данный проект). Конкурсы таких проектов нужно проводить регулярно. В целях ослабления жилищной проблемы в городах полезно создать возможно более благоприятные условия для развития здесь индивидуальной застройки.

Принимая во внимание существенное значение сельских приусадебных хозяйств и садово-огородных участков горожан, а также ясно выраженное намерение части населения Чувашии развивать такие хозяйства, необходимо усилить помощь их владельцам в приобретении материалов, мелкого сельскохозяйственного инвентаря, удобрений, а также выделении покосов, пастбищ и т. п. Вместе с тем выделять садово-огородные участки следует не всем желающим подряд, а связывать это с выполнением претендентами производственных заданий, участием их в социальстическом соревновании и т. п. на производстве.

Учитывая существующий спрос на традиционную одежду, желательнее распространить шире имеющийся опыт и включить ее в число фасонов и мод, изготавливаемых пошивочными мастерскими и ателье по заказам населения. Полезно было бы поручить Министерству торговли после консультаций с художниками и этнографами сделать заказ предприятиям, производящим бижутерию, на изготовление украшений для одежды в традиционном стиле (в том числе имитирующих старинные монеты и т. п.). Предприятия местной промышленности, органы промысловой кооперации могли бы гораздо полнее использовать труд надомников, владеющих ремесленно-художественными навыками (изготовление вязаных вещей, вышивок и проч.), для чего нужно лишь организовать снабжение народных мастеров сырьем и регулярно проводить скупку вещей.

Предприятиям общественного питания следует предложить иметь в ежедневном меню блюда чувашской национальной кухни.

- ¹ *Никольский Н. В.* Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1929. Вып. 1; *Воробьев Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонова А. Р.* Чуваш: Этнографическое исследование. Чебоксары, 1956. Ч. 1: Материальная культура.
- ² *Акимова Т. М.* Эволюция женского костюма у саратовских чуваш. Саратов, 1928; *Она же.* Женские головные уборы саратовских чуваш//Труды Нижне-Волжского краевого музея. Саратов, 1928. Вып. 1; *Гаген-Торн Н. И.* Этнографические работы в Чувашской республике//КСГА ИМК. 1928. С. 174—193; *Воробьев Н. И.* Этнографические исследования в Чувашской АССР//СЭ. 1950. № 2; *Фокин П. П.* Этнические процессы в Чувашии за годы Советской власти: (К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции)//Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары, 1978; *Филиппов А. Г.* Жилище современного сельского населения//Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР//Труды ЧНИИ ЯЛИЭ. 1979. Вып. 94; *Матвеев Г. Б.* Отражение этнических процессов в материальной культуре чувашского народа: (Одежда, пища)//Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982; *Кузнецов И. Д., Фокин П. П.* Первая комплексная экспедиция по изучению сельского населения Советской Чувашии//Там же.
- ³ *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья: Материалы к этногенезу. Чебоксары, 1960; *Димитриев В. Д.* История Чувашии XVIII в. Чебоксары, 1959; История Чувашской АССР. Чебоксары, 1966—1967. Т. 1—2; *Никитин Г. А., Крюкова Т. А.* Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960; *Иванов Л. А.* Современный быт и культура сельского чувашского населения. Чебоксары, 1973.
- ⁴ *Трофимов А. А.* Современное чувашское монументально-декоративное искусство//Вопросы мастерства в современном чувашском искусстве. Чебоксары, 1981. С. 127.
- ⁵ *Левин П.* Застройку села — на новый уровень//Сов. Чувашия. 1983. 2 июля; *Рахимов Р.* Строится дом//Там же. 1984. 28 марта; *Леонтьев А. И.* Личный вклад//Сов. Россия. 1984. 12 мая; и др.
- ⁶ Сов. Чувашия. 1983. 14 сент.
- ⁷ Лась — хозяйственная постройка, служащая летней кухней и местом приготовления пива. См.: Чуваша//Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. II. С. 610.
- ⁸ Сов. Чувашия. 1983. 2 июля.
- ⁹ *Прокопьев И.* Нужды подворья//Сов. Чувашия. 1983. 17 нояб.

- ¹⁰ Народное хозяйство Чувашской АССР. Чебоксары, 1957. С. 48.
- ¹¹ Научный архив ЧНИИ ЯЛИЭ. Отд. II. Д. 407. № 967. Л. 52.
- ¹² Иванов Л. А. Современный быт... С. 77.
- ¹³ Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. С. 44.
- ¹⁴ Основные показатели динамики быта и культуры сельского населения по данным за 1933 и 1960 гг./Научный архив ЧНИИ ЯЛИЭ. Отд. II. Д. 540. № 1547.
- ¹⁵ Садук А. А. Современные формы развития чувашского народного искусства//Вопросы истории и теории чувашского искусства. Чебоксары, 1982. С. 73.
- ¹⁶ Пименов В. В. Народные традиции и трудовые ресурсы села//Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984. С. 18—19.
- ¹⁷ Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 236.
- ¹⁸ Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры//СЭ. 1970. № 4.
- ¹⁹ Чуваши: Этнографическое исследование. Ч. 1. Чебоксары, 1956. С. 356.
- ²⁰ См. подробнее: Додонов Н. Д. 300 чувашских блюд. Чебоксары, 1972; Он же. Чувашская кухня. Чебоксары, 1977; Чуваши: Этнографическое исследование. Ч. I. С. 349—385.
- ²¹ Современные этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984. С. 39.

Семейные обряды чувашей

§ 1. Семейные обряды и их роль в жизни этноса

Одной из существенных характеристик этноса является присущая ему обрядность: календарные, семейные, профессиональные и другие виды обрядов. Большой степенью сохранения традиционных элементов отличается семейная обрядность, связанная с основными моментами жизни человека в семье — свадьбой, рожденьем и похоронами.

Обряд — одна из форм регламентации поведения человека в обществе. В совокупности с обычаями, социальными привычками и другими формами стереотипного ритмичного поведения они составляют то, что в отечественной этнографии называется бытом. Быт есть одна из сторон этноса (С-компонента). Обычаи и обряды (в частности, семейные) являются наиболее стереотипизированными формами поведения. Изучение семейных обрядов в качестве типичных элементов быта этноса, надо полагать, даст возможность рассмотреть в системе одну из его существенных сторон¹.

Система обычаев и обрядов формировалась на ранних ступенях развития человеческого общества. В «примитивных обществах» она выполняла функции управления, интеграции и передачи социального опыта и была одной из форм трансляции культуры и социального контроля. По мере усложнения социальной организации общества и с появлением государственного управления система обычаев постепенно утрачивала свое монопольное положение. Однако ее функции продолжают сохранять известное значение и в высокоорганизованных формациях. Обычаи и обряды играют определенную роль в жизни этноса и в наше время. Ныне бытующие обряды, в том числе и семейные (свадебные, родинные, похоронные), являются частью современного образа жизни. Они выполняют эстетическую, воспитательную функции, оказывают влияние на социальное поведение, а лучшие из них способствуют формированию материалистического мировоззрения, норм коммунистической морали.

Под влиянием социально-экономических преобразований в жизни этноса меняются не только функции обычаев и обрядов, но и их форма и содержание. Эти изменения совершаются относительно медленно и неравномерно. Обычно быстрее изменяется содержание обряда, нежели его форма. Иногда изначальный смысл обряда бывает забыт, а традиционная форма наполняется новым содержанием.

Обсуждение вопросов об обычаях и обрядах оживилось на страницах нашей научной печати в 1950—1960-х годах в связи с «возрождением» обрядовой жизни у народов Советского Союза. Дискутировались вопросы о содержании и определении этих понятий, значении современной гражданской обрядности в жизни советских народов, о соотношении в ней традиций и инноваций. В изучении этих проблем немало сделали советские этнографы². Исследования этнографов и этносоциологов последних лет зафиксировали у народов нашей страны возрождение отдельных элементов традиционных семейных обрядов, а также этноспецифические особенности соотношения нового и традиционного в современной обрядности³. Вместе с тем в некоторых работах отмечается снижение интереса населения Поволжья и Приуралья (в частности, русского) к сохранению традиционных элементов в семейной обрядности⁴.

Одному из структурных подразделений Совета Министров ЧАССР (Республиканскому совету по контролю за законодательством о культах и внедрению в быт трудящихся новых праздников и обрядов) поручено проведение работы по созданию и распространению современных гражданских семейных обрядов. Соответствующие аналогичные органы сформированы при нижестоящих исполкомах Советов народных депутатов.

Разработкой и распространением сценариев и методических рекомендаций по новой обрядности занимаются также сотрудники научно-методического центра Министерства культуры республики. Однако деятельность всех этих институтов нельзя признать достаточно эффективной. Создается впечатление, что реальное развитие обрядовой жизни (в особенности семейной обрядности) совершается фактически без активного влияния всех вышеназванных организаций. В этой связи представляется весьма важным и актуальным на материалах массового обследования изучить особенности процессов, происходящих в обрядовой жизни чувашского этноса на современном этапе, а также факторы, оказывающие наиболее существенное влияние на изменение обрядов, определить роль и место семейной обрядности в системе чувашского этноса, выявить соотношение в ней нового и традиционного.

§ 2. Свадьба

Одним из наиболее важных событий в жизни семьи является свадьба⁵. Она всегда была заметным событием в общественной жизни дореволюционной чувашской деревни. Ее проведение санкционировало перед лицом общества вступление в брак его членов. Активное участие в свадьбе принимала многочисленная родня жениха и невесты. Родственники помогали жениху в уплате калыма, невесте — в приготовлении приданого и подарков.

У чувашей были распространены три формы заключения брака: 1) с полным свадебным обрядом и сватовством (*туйла*, или *туйпа кайни*); 2) свадьба «уходом» (*хёр тухса кайни*) и 3) по-

хищение невесты, часто с ее согласия (*хёр вёрлани*). Обычно последние виды свадьбы обуславливались стремлением избежать расходов на ее проведение. Полный свадебный обряд состоял из цикла предсвадебных обрядов, собственно свадьбы и послесвадебных обрядов. Предсвадебный период включал переговоры, которые вел сват (*евчё*, или *тупкач*), сговор жениха и его отца с родителями невесты о калыме, приданом и дне свадьбы (*ка́малчал*, или *пáлчав*).

Собственно свадьба (*туй*) происходила как в доме невесты, так и жениха. В день свадьбы в доме жениха собирались его родственники и друзья, которые составляли свадебный поезд. Родители жениха благословляли сына, и свадебный поезд отправлялся в дом невесты. Тем временем невеста прощалась с родительским домом и ближайшими родственниками, которых она навещала вместе со своими подругами (*хёрсум*). Прощание с родительским домом сопровождалось причитаниями невесты (*хўх*, или *хёр йёрри*). Одним из основных моментов свадьбы был переезд невесты в дом будущего мужа. Обычно она ехала стоя в кибитке или верхом на лошади. Когда она подъезжала к дому жениха, здесь совершался обряд *таянчак тыттарни*: к кибитке невесты подводили лошадь, и жених трижды вручал ее повод невесте, что символизировало общность их имущества. Первую брачную ночь молодые проводили в клети или другом нежилом помещении. У чувашей существовал обычай, согласно которому молодая должна была разуть мужа.

Во второй день свадьбы совершался ряд обрядов, связанных с проверкой хозяйственных способностей молодухи, а также обрядовое хождение ее за водой. Свадьба продолжалась обычно 4—5 дней. В последний день происходил обряд *касма́к яшки*, или *хасма́к илли*, — снятие покрывала с молодой. Для этого обряда варили «суп новобрачной» (*сён сын яшки*) или «лапшу невесты» (*хёр салми*). Покрывало с молодой снимал мальчик, брат молодого.

Послесвадебные обряды включали ввод молодой в круг родственников мужа, для чего они устраивали у себя угощение для молодых (обряд *сён сын кёртни*), а также посещение новобрачными родителей молодой. Первый визит новобрачной в родительский дом через неделю после свадьбы назывался *сурпан са́ри* или *сурпан ка́тартни* (показ *сурпана*; *сурпан* — головной убор замужней женщины). У чувашей существовал обычай возвращения молодой в дом своих родителей через некоторое время после свадьбы (*тава́рна*, или *ке́рју ке́ни*).

Церковное венчание, введенное после христианизации чувашей, не стало устойчивой частью традиционной народной свадьбы. Зачастую оно совершалось лишь спустя довольно значительное время после собственно свадьбы.

Исследователи отмечают, что в конце XIX в. существовали различия в свадебных обрядах отдельных групп чувашей. У верховых чувашей, по их наблюдениям, свадебный обряд стал упро-

щаться быстрее, чем у низовых. У этих двух групп чувашского этноса не совпадает ряд свадебных обрядов, различаются по ритму свадебные песни. Есть своеобразие и в свадьбе группы анат-енчи⁶. В традиционной свадьбе чувашей много общего со свадебными обрядами других народов Поволжья.

За период после Октябрьской революции традиционный свадебный обряд чувашей претерпел значительные изменения. Часть обрядов — выкуп невесты, ее причитания, надевание головного убора замужней женщины — *сурпана* и *хушпу* — исчезла полностью; другие, например сватовство, изменили содержание; третьи приобрели шуточный, игровой характер (обычай не впускать в дом без выкупа приехавшего за невестой жениха, выкуп приданого и др.). В современной свадьбе сохраняются некоторые традиционные свадебные чины. Участники свадебного обряда нередко наряжаются в национальные костюмы.

Начиная с 1960-х годов в Чувашской АССР все большее распространение и популярность приобретает современный гражданский обряд, сопровождающийся торжественной регистрацией брака во Дворце бракосочетания (в Чебоксарах) или во дворцах и домах культуры. Помещение к назначенному дню украшают цветами, развешивают лозунги и транспаранты. Подготавливают комнаты для жениха и невесты. Жених и невеста обычно подъезжают к зданию, где происходит бракосочетание, на разукрашенных легковых автомобилях, в сопровождении родственников и друзей. Регистрация брака происходит в нарядно убранном зале, где жених и невеста обмениваются кольцами, расписываются в книге регистрации браков. Затем под звуки музыки работник загса вручает им свидетельство о браке. Молодоженов поздравляет представитель городского (или сельского) Совета народных депутатов, товарищи по работе, родственники, друзья. В некоторых местах новобрачных после церемонии бракосочетания осыпают цветами, листьями. В Чебоксарах молодые супруги из Дворца бракосочетания едут к памятнику В. И. Ленину и возлагают к нему цветы. В иных случаях молодожены в память о дне свадьбы сажают деревце в специальной аллее⁷.

Судя по данным массового обследования 1981—1982 гг., современные чуваша помнят и частично соблюдают также традиционные свадебные обряды, такие, как устройство свадебного поезда, выкуп ворот и приданого, одаривание невестой родственников жениха, показ молодой колodца на второй день свадьбы и др. Однако мера знания традиционных свадебных обрядов неодинакова среди городского и сельского чувашского населения. Если в сельской местности около половины жителей очень хорошо знают традиционную свадьбу или имеют о ней ясное представление, то среди чувашского городского населения такие этнофоры составляют лишь около 1/5 ответивших на этот вопрос (см. табл. 8).

В городе и в селе неодинакова и мера соблюдения свадебных обрядов разных типов. В сельской местности развернутый тра-

Таблица 8. Знание городскими и сельскими чувашами традиционных семейных обрядов (%)

Обряд	Массив информации	Не знают	Слабо знают	Имеют ясное представление	Знают очень хорошо
Свадебный	Город	46,7	34,5	17,9	1,9
	Село	16,5	36,6	39,8	7,1
Родильный	Город	68,5	25,5	5,9	0,1
	Село	38,4	40,1	19,1	2,4
Похоронный	Город	40,3	36,3	21,2	2,2
	Село	10,1	28,1	48,9	12,9

диционный обряд занимает значительное место. Им было отмечено 30,2% всех свадеб. Кроме того, почти столько же свадеб (31,8%), прошедших по современному гражданскому обряду, включали отдельные традиционные элементы. Таким образом, большая часть свадеб в чувашском селе проходила с включением в той или иной мере традиционных элементов. Свадьбы без обрядов (их было 25,3%) и по современному гражданскому обряду (10,9%) менее распространены среди чувашских сельских жителей.

Иная картина соотношения различных типов свадьбы у чувашей-горожан. Здесь больше, чем в селе, распространены свадьбы без обрядов (32,4%) и по современному гражданскому обряду (33,7%). В городе отмечено очень небольшое число свадеб по развернутому традиционному обряду (8,5%). Однако в свадьбах по современному гражданскому обряду у четвертой части чувашских городских жителей (25,1%) соблюдались отдельные традиционные элементы. В общей сложности около 1/3 чувашских городских жителей при вступлении в брак в той или иной мере соблюдали традиционные обряды. При этом надо иметь в виду, что значительная часть чувашей-горожан, как указывалось в предыдущих главах,— это недавние мигранты из сельской местности. Часть из них вступили в брак, очевидно, еще до переезда в город. Кроме того, некоторые городские жители проводят свадьбы в селах у родственников.

Судьба традиционного свадебного обряда, тенденции его развития в ближайшем будущем в определенной степени зависят от отношения к нему этнофоров. Сравнение данных о соблюдении различных типов свадьбы и о том, какую свадьбу предпочли бы чувашаи сельской местности, показало, что наиболее популярен у них современный гражданский обряд — за него высказалась почти половина (48,2%) ответивших. Значительный интерес проявили сельские жители к современному гражданскому обряду с элементами традиционной свадьбы. Число предпочитающих (31,2%) такую свадьбу и отметивших ее таким способом почти одинаково. Развернутый традиционный обряд становится все менее престижным: его предпочли бы лишь 11,7% сельских жи-

телей. Еще меньшее число их (7,6%) хотело бы свадьбу без обрядов. Та же тенденция — увеличение числа свадеб по современному гражданскому обряду — прослеживается и у чувашей-горожан. Основная масса их (51,6%) считают такой тип свадьбы оптимальным. Однако значительная доля чувашских городских жителей (их 21,8%) хотели бы включить в современный гражданский обряд элементы традиционной свадьбы. За соблюдение развернутого традиционного обряда в городе высказалось небольшое число информаторов (10,3%). Невелико и число тех, кто предпочел бы свадьбу без обрядов (16,0%). Таким образом, хотя уровень знания традиционного свадебного обряда и мера его соблюдения у чувашских сельских и городских жителей довольно существенно различаются, все же и среди чувашей-горожан этот тип свадьбы не утратил еще своего значения и актуальности. Для чувашей сельской местности и горожан характерны сходные тенденции развития свадебного обряда. Однако у горожан эта тенденция выражена более определенно.

Одна из задач исследования состояла в определении культурной общности чувашей в целом и по субэтническим группам. Установлено, что знание традиционной свадьбы неодинаково у различных этнографических групп чувашских сельских жителей. Выше всего уровень ее знания в зоне, где проживают верховые чуваша (вирьялы). Здесь более половины (55,7%) информаторов имеют ясное представление или очень хорошо знают традиционную свадьбу. Ниже уровень знания чувашской народной свадьбы у средненизовых чувашей (анат-енчи). Среди них хорошо знают традиционные свадебные обряды 44,9% ответивших. И наконец, наиболее низкий уровень знания чувашской народной свадьбы — у низовых чувашей (анатри), где 38,7% респондентов хорошо знают свадебный обряд.

Однако, несмотря на разные уровни знания традиционных свадебных обрядов и неодинаковую распространенность различных типов свадьбы, в трех субэтнических группах чувашского этноса предпочтения в проективной ситуации почти одинаковы. Около половины их во всех трех группах считают наиболее предпочтительной свадьбу по современному гражданскому обряду (у вирьялов — 49,5%, у анат-енчи — 54,9, у анатри — 43,9%). Популярен и современный гражданский обряд с элементами традиционной свадьбы (соответственно 35,7, 28,9, 26,5%). Этим типам свадьбы уступает в мере предпочтения развернутый традиционный свадебный обряд. За него во всех трех группах высказалось намного меньше информаторов (12,3, 10,8, 11,5%). Во всех трех группах одинаково наименее популярны свадьбы без обрядов (7,6, 7,3, 7,6%). У чувашей-горожан уровень знания и соблюдения традиционных свадебных обрядов практически одинаков во всех этнографических зонах.

§ 3. Родинные обряды

Отсутствие квалифицированной медицинской помощи, низкий культурный уровень населения, влияние религии обусловили длительное сохранение в дореволюционной чувашской деревне ряда традиционных обычаев и обрядов, связанных с беременностью и родами. В некоторых из них можно проследить переплетение языческих верований чувашей и догм христианской религии. Роды обычно проходили летом в бане, зимой в избе с помощью бабки-повитухи (*эпи*)⁸. Считали, что душу новорожденному давал дух (*пирёшти*). Среди весьма архаических элементов, зафиксированных наблюдателями XIX в., отметим обряд «поисков души». Если ребенок рождался недоношенным, слабым, то совершали обряд впускания в него души: сразу же после рождения три пожилые женщины, взяв железные вещи (сковороду, ковш и заслонку), отправлялись на поиски души. Одна из них шла на чердак просить душу у бога, другая — в подполье, просила ее у шайтана, третья выходила во двор и призывала всех языческих богов дать новорожденному душу⁹. Ряд магических действий совершался в случае тяжелых родов: мужа заставляли перешагивать через роженицу, развязывать узел и т. п. Считалось, что характер и личные качества перерезавшего пуповину могли передаваться ребенку, поэтому для совершения этой операции приглашали человека с хорошей репутацией¹⁰.

После рождения ребенка устраивали жертвоприношения духам. Знахарь (*йомзя*) липовой палочкой разбивал над головой новорожденного два сырых яйца и, оторвав голову петуху, выбрасывал ее за ворота как угощение злему духу — шайтану. Бабки-повитухи совершали и другие действия: за ворота бросали хмель; держа ребенка перед очагом, бросали в огонь соль, заклиная злых духов и покойников удалиться прочь и не вредить новорожденному¹¹. Они же высказывали пожелания ребенку быть храбрым, быстрым и таким же трудолюбивым, как мать и отец¹².

По случаю родов в избе собиралась вся семья отпраздновать появление на свет нового человека. Варили *ача пӑтти* (детскую кашу). На стол подавали хлеб и сыр, старший член семьи раздавал их по кусочку каждому из присутствующих¹³. Угощение в честь новорожденного можно было устроить и в какой-нибудь праздник (но не позднее чем через год после его рождения).

По сведениям К. Мильковича, относящимся к последней трети XVIII в., имя ребенку давал *йомзя*, говоря, что его «дал ему бог»¹⁴. Вместе с тем имя младенцу давали и бабки-повитухи, которые, приготовив кашу и блины в бане, где совершались роды, впускали туда людей. Они нарекали новорожденного по своему усмотрению — либо именем того, кто первым входил в баню, либо именем почитаемого в деревне пожилого человека. Чтобы обмануть злых духов, отвести от ребенка несчастье, новорожденных называли именами птиц, животных, растений и т. п. (*Чёкеш* — Ласточка, *Кашкӑр* — Волк, *Юман* — Дуб и пр.). В связи

**Таблица 9. Отношение чувашского населения к различным типам
родильного обряда (%)**

Массив информации	Как лучше отметить рождение ребенка					
	без обряда, лишь записью в загсе	гражданской обрядностью	гражданской и народной обрядностью	народной обрядностью (без церкви)	церковным обрядом с элементами народных обрядов	церковным обрядом
Село	41,1	32,7	13,7	2,9	4,2	5,4
Город	37,4	49,5	8,3	1,8	1,4	1,6

с этим человек мог иметь два имени — одно бытовое, другое для духов¹⁵. С укреплением позиций христианства в чувашской среде имя ребенку стали давать в церкви при крещении.

В прошлом чувашаи особенно радовались рождению мальчика, так как семья получала дополнительный земельный надел; поэтому женщины, рожавшие мальчиков, пользовались особым уважением¹⁶.

В результате коренных послереволюционных преобразований в жизни чувашского народа, в частности улучшения медицинского обслуживания, роста материального и культурного уровня населения, основная часть обрядов, связанных с рождением ребенка, исчезла из быта и памяти современных чувашей. Сейчас в городах и в селах роды происходят в больнице или родильном доме с помощью врачей и акушерок. После возвращения матери с ребенком из больницы в их доме собираются обычно родные и близкие, чтобы отметить это радостное событие. Роженице дарят цветы, духи и т. п., ребенку — игрушки, детское белье и др. Во время угощения по поводу рождения ребенка на стол подают наряду с чувашскими национальными блюдами салаты, сладости и т. п. Имя ребенку сейчас выбирают сами родители. В последние годы в городах и селах Чувашской АССР стали проводить торжественную регистрацию новорожденных¹⁷.

В настоящее время в памяти информаторов сохранились лишь отдельные элементы обрядов, связанных с рождением ребенка. Материалы массового обследования свидетельствуют о том, что преобладающая часть чувашей республики старинных обрядов не знают либо знают их слабо. Уровень знания традиционного обряда родин в сельской местности несколько выше, чем среди городского населения. Этот уровень мало зависит от этнографических зон. Имеющиеся данные свидетельствуют о развитии тенденции, ведущей к полному изживанию архаических элементов в семейной обрядности чувашей.

Анализ отношения чувашского населения республики к различным формам родин показывает, что большинство городских и сельских жителей считают соблюдение обрядов по поводу рож-

дения ребенка излишним или склоняются к соблюдению современной гражданской обрядности (см. табл. 9).

Среди городского населения преобладают сторонники гражданской обрядности. Интересно, что в селе более распространено мнение, что обряды по поводу рождения ребенка не нужны. Это объясняется, видимо, тем, что в сельской местности регистрация рождения ребенка не всегда проводится в торжественной обстановке. В городах возможности проведения гражданских обрядов более широки.

§ 4. Похоронные и поминальные обряды

В традиционных похоронных и поминальных обрядах чувашей прослеживается, с одной стороны, суеверный страх перед умершим, а с другой — стремление умиловить его, чтобы заручиться помощью в делах живых. Сразу после смерти совершали обряд жертвоприношения злым духам: разбивали яйца, отрывали голову петуху или курице и все это выбрасывали на улицу. Покойного, обмыв, одевали в лучшую, праздничную одежду; на глаза, рот и нос клали красные шелковые нитки, «чтобы он ничего не видел, не слышал и ничего не мог рассказать о живых»¹⁸.

В прошлом погребальное сооружение состояло из четырех досок, поставленных в могиле на ребро вокруг тела и покрытых сверху пятой доской; оно изготавливалось непосредственно в могильной яме. Такая конструкция бытовала вплоть до начала XX в.¹⁹ В последующем захоронения совершались в гробу, дно которого первоначально делалось из луба. В гроб клали нож, кочедык, огниво и кремь, ножницы и прочие предметы, которыми умерший пользовался при жизни. На женщин надевали украшения, клали в гроб серп, иголки, нитки и т. п.

Вынос тела из дома сопровождался определенными предохранительными приемами: гроб три раза раскачивали в дверях дома и в воротах; чтобы покойник не «вернулся», вслед ему бросали зажженные тряпки и раскаленные камни. Место, где он лежал в доме, также подвергалось очищению огнем и железом²⁰.

Следует отметить, что при похоронах полагалось соблюдать троичность действий: трое шли за водой для обмывания покойника, они держали в руках три железных предмета, совершалось трехкратное повторение действий. Перед выносом гроба из дома и выездом со двора над покойником причитали и просили у него благословения и защиты от различных несчастий. Гроб выносили шесть человек на трех полотенцах или лыках, а вели покойного на кладбище на телеге или санях (по некоторым сведениям, зимой и летом на санях).

Место для кладбища выбирали, как правило, на берегах рек, оврагов, около леса или рощи. Перед опусканием гроба в могилу кидали монету (иногда ее клали в гроб) — *сут укџи* (деньги света). При рытье могилы также бросали монету в качестве платы за место «отцу» или «матери» земли. Совершив погребение, на

могилу ставили деревянные временные надгробные памятники копьевидной или антропоморфной формы (позднее — крест) ²¹.

После похорон на кладбище справляли небольшую тризну: присутствующие ели и пили, отливая пиво и откладывая пищу на могилу, женщины причитали. Затем совершался троекратный обход могилы. После обхода, перепрыгнув для очищения через костер, покидали кладбище, не оглядываясь. Участники похорон с целью очищения мылись в бане или умывались перед крыльцом дома.

Поминки справлялись на 3, 7, 40-й день, осенью, весной и летом. Все эти поминки символизировали «кормление» умерших. Совершив поминки 40-го дня, считали, что умерший окончательно «переселился» в загробный мир. Во время осенних поминок изготавливали деревянный антропоморфный столб (*юпа*), который олицетворял собой покойного, «присутствовавшего» на поминках. После поминок *юпа* устанавливался на могиле. На поминках исполнялись *пумилкке юрри* — траурные песни, разжигались костры, совершались жертвоприношения ²².

Хотя за протекшие десятилетия социалистического развития общества в погребальной обрядности чувашей произошли заметные изменения, тем не менее следует отметить, что эти обряды отличаются консервативностью, особенно среди сельского населения. Несмотря на внедрение в быт гражданских похорон, все еще широко бытует погребальный обряд, сочетающий в себе черты язычества и христианства, содержащий в ряде случаев и элементы гражданского обряда. Многие архаические элементы традиционного обряда сохранились в почти неизменном виде или претерпели лишь некоторую трансформацию.

Уровень знания традиционного погребального обряда значительно выше, чем степень знания родинного и даже свадебного обрядов (см. табл. 8). Сельское население имеет более высокий уровень знания, чем жители города. Данные исследования свидетельствуют также об устойчивом бытовании среди чувашского населения в селах обряда, включающего сочетание элементов традиционных и гражданских похорон (60%), и старинного народного погребального обряда (11,4%). Для горожан характерно преобладание гражданских похорон (53,7%).

Сведения об отношении чувашей к различным формам погребального обряда позволяют говорить о высоком уровне предпочтения такой формы похорон, которая сочетает в себе элементы дохристианского и христианского обрядов и современные черты, что особенно характерно для сельского чувашского населения (см. табл. 10).

§ 5. Современные семейные обряды в системе этноса

Положение группы С-переменных на общей модели связей характеристик этноса показано на рис. 4, А и Б. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что переменные С-компо-

Таблица 10. Отношение чувашей к различным типам погребального обряда (%)

Тип похорон	Село	Город
Современный гражданский обряд	47,2	63,6
Современный гражданский обряд с соблюдением отдельных элементов старинного обряда и религиозных предписаний	42,3	26,2
Старинный чувашский похоронный обряд с полным соблюдением религиозных предписаний	10,1	4,7
Другие ответы	0,4	5,5

ненты (знание, соблюдение обрядов и отношение к ним) выглядят сходным образом на общих моделях связей в городском и сельском массивах информации и занимают в них своеобразное положение. На этих моделях С-переменные не составляют единой, сплоченной компоненты. На обеих моделях нашли отражение существенные корреляционные связи лишь переменной 82 («знание свадебного обряда»): в городском массиве — преимущественно со знанием похоронного (п. 89) и родинного (п. 87) обрядов, чувашской народной одежды (п. 70) и народных песен (п. 98); в сельской местности — со знанием похоронного обряда и народной одежды. Эти корреляции отражают взаимосвязь знания одного традиционного явления со знанием другого. Заметим, что взаимосвязь отношения к различным семейным обрядам зафиксирована в ряде этнографических исследований последних лет²³. Не исключено, что ослабление связей между переменными обрядовой компоненты произошли сравнительно недавно и в этом случае его объяснение надо искать в тех динамических преобразованиях, которые имели место в последние десятилетия в социально-экономической и культурной жизни чувашского народа. Этим же, быть может, можно объяснить и отсутствие на общих моделях сильных связей факторов С-компоненты с другими компонентами этноса. Известно, что изменения в обрядовой жизни этноса, в том числе и в его семейной обрядности, происходят с некоторым отставанием от социально-экономических преобразований. Следствием несоответствия в темпах изменений ДС-основания этноса и С-компоненты является отсутствие интенсивных связей между ними. Вместе с тем этот факт, по-видимому, отражает относительную самостоятельность и устойчивость обрядовых характеристик.

Кроме того, уже на данном этапе развития чувашского этноса факторы обрядовой жизни не имеют определяющего влияния на поведение этнофоров. В частности, обряды утратили свою функцию санкционирования основных событий в жизни семьи, как это было в дореволюционной чувашской деревне. Хотя, по

самооценкам этнофоров, национальные обычаи и обряды выступают как значимый признак, связывающий их с людьми своей национальности, в системе этноса как целостного организма, они в данном случае находятся на его периферии и не представляют собой группы факторов, определяющей его функционирование.

Отсутствие существенных связей между составляющими С-компоненты, очевидно, отражает тот факт, что соблюдение обряда и отношение к нему не всегда стоит в прямой зависимости от его знания. Это положение может быть проиллюстрировано фактами настоящего исследования. Так, в сельской местности Чувашии наиболее высокий уровень знания традиционного свадебного обряда выявлен у высококвалифицированных специалистов умственного труда. Среди них более половины ответивших имеют ясное представление об обряде или очень хорошо его знают. Однако большая часть реальных свадеб у них была отмечена современным гражданским обрядом (41,3% всех свадеб) и современным гражданским обрядом с традиционными элементами (более 1/4 свадеб). Свадеб с развернутым традиционным обрядом у этих сельских жителей было очень мало (они составили всего 8,7% всех свадеб). В проективной ситуации большая часть (59,2%) сельских высококвалифицированных специалистов умственного труда предпочли бы современный гражданский обряд. По всей видимости, знание обрядов, их соблюдение (реальное поведение) и отношение к ним (проективное поведение) имеют различные детерминанты: если знание семейных обрядов может быть соотнесено с категорией социальной памяти, то их соблюдение связано со стереотипами поведения, а отношение к тому или иному виду обрядов — с установками по их поводу.

Характеристики обрядовой жизни сопряжены с другими сторонами этноса менее прочными узами, чем те, что нашли отражение на общих моделях. Установить эти сопряжения дает возможность анализ состояния семейной обрядности в различных социально-демографических группах чувашского этноса. Так, судя по этим материалам, знание традиционных семейных обрядов неодинаково у этнофоров разных возрастов: доля очень хорошо знающих обряды и имеющих о них ясное представление увеличивается в старших возрастных группах. Связь между возрастом опрошенных и их знанием обрядов, таким образом, имеется, но выражена она относительно слабо. Такая же связь уровня знания и возраста информаторов прослеживается и в других семейных обрядах — по поводу рождения ребенка и по поводу похорон. Люди старшего возраста, хорошо знающие похоронные обряды, обычно выступают распорядителями на похоронах²⁴.

Соблюдение семейных обрядов, особенно свадебных, также обнаруживает относительно слабые (хотя и значимые) связи с DS-основанием этноса. Из этого, однако, не следует делать вывод, будто эти связи неважны. Конечно, каждая из них имеет небольшое влияние в системе, но все вместе они составляют весьма прочную «ткань», которую нелегко разорвать.

§ 6. Историческая динамика С-переменных

Как отмечалось выше, семейные обряды, в том числе свадебные, под влиянием социально-экономических и культурных преобразований претерпевают изменения; в обрядах имеет место взаимодействие и изменение соотношения нового и традиционного. Есть возможность проследить динамику соотношений нового и традиционного в чувашской свадьбе с начала 1910-х годов до наших дней. До 1920-х годов в чувашском селе абсолютно преобладали свадьбы по развернутому традиционному обряду с религиозным оформлением брака (так было отмечено 89% всех свадеб этого периода). Однако уже в следующем пятилетии (1921—1925 гг.) свадьбы по развернутому традиционному обряду составили лишь несколько больше половины всех свадеб (55%), причем часть из них (15%) не сопровождались венчанием. В этот период у чувашских сельских жителей в отдельных случаях отмечены свадьбы нового типа — по современному гражданскому обряду с традиционными элементами. Причины этих сдвигов коренятся в преобразованиях, вызванных в чувашской деревне Октябрьской революцией. В последующие годы доля свадеб по современному гражданскому обряду с традиционными элементами медленно, но постоянно росла, в то же время число свадеб по развернутому традиционному обряду оставалось на прежнем уровне, составляя около половины всех свадеб. Вместе с тем в 1920—1930-е годы произошло массовое вытеснение религиозного оформления брака из традиционной свадьбы.

Ситуация несколько изменилась в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.), когда сократилась доля свадеб, отмеченных развернутым традиционным обрядом, но увеличилась доля свадеб без обрядов, а 1/4 всех свадеб отмечалась современным гражданским обрядом с традиционными элементами. В первое послевоенное пятилетие некоторые сельские жители стали отмечать бракосочетание современным гражданским обрядом, а доля свадеб, проведенных совсем без обрядов, снизилась.

Новые сдвиги совершились в 1956—1960 гг., когда увеличилась доля свадеб, устроенных по современному гражданскому обряду (они составили 9% от всех свадеб) и по современному гражданскому обряду с традиционными элементами (1/3 всех свадеб), а число свадеб, сопровождавшихся развернутым традиционным обрядом, сократилось (по безрелигиозному обряду — до 22%, а с религиозным оформлением брака — до 8%).

Существенные изменения в соотношении разных типов свадеб знаменуют 1966—1970-е годы. В этот период свадьбы по современному гражданскому обряду с традиционными элементами возобладали (55,5%), возросло и число свадеб по современному гражданскому обряду (13,6%). В то же время резко сократилось число свадеб по развернутому традиционному обряду (10% — без религиозного оформления брака и 2% — с его религиозным оформлением).

Этот процесс увеличения доли свадеб, отмеченных современным гражданским обрядом с традиционными элементами и современным гражданским обрядом, а также сокращения числа свадеб по развернутому традиционному обряду и без обрядов продолжался в пятилетие 1971—1976 гг. и в последующие годы. Иначе говоря, на протяжении последних 70—80 лет развернутый традиционный обряд в чувашском селе был вытеснен современным гражданским обрядом с традиционными элементами.

Рассматривать соотношение различных типов свадеб у чувашей-горожан мы можем только с 1946—1950-х годов в связи с малочисленностью чувашского городского населения в предшествующие периоды (в выборку, естественно, попали лишь несколько десятков лиц, свадьбы которых удалось описать). Начиная с первого послевоенного пятилетия (1946—1950 гг.) число свадеб чувашей-горожан, о которых мы имеем сведения, начинает интенсивно расти. Это является отражением увеличения численности чувашского городского населения в республике. Свадьбы, проведенные по развернутому традиционному обряду в первое послевоенное пятилетие, составили: без венчания — около 18% всех свадеб, а с религиозным оформлением брака — лишь около 1%. Свыше половины свадеб у чувашей-горожан в это время проходило без обрядов. В 1951—1955 г. заметно увеличилось число свадеб по современному гражданскому обряду (16%) и по современному гражданскому обряду с традиционными элементами (26%), а доля свадеб по развернутому традиционному обряду снизилась до 10%. Как известно, в 1950—1960 гг. у народов СССР имело место усиление интереса к обрядовой жизни, связанное с ростом материального благосостояния, увеличением свободного времени и другими причинами. У чувашей-горожан это нашло отражение в постоянном росте числа свадеб, устроенных по современному гражданскому обряду (36% — в 1961—1965 гг., 50% — в 1976 г. и позже) и по современному гражданскому обряду с традиционными элементами (21% — в 1961—1965 гг., 36% — в 1976 г. и позже). Вместе с тем развернутый традиционный обряд соблюдается теперь уже очень редко (8% — в 1961—1965 гг., 3% — в 1976 г. и позже). В целом динамика соотношения различных типов свадеб на протяжении последних десятилетий у чувашей-горожан и сельских жителей совпадает. Однако у горожан процесс замены развернутого традиционного обряда современным гражданским обрядом с традиционными элементами идет более интенсивно. Есть основания думать, что эта тенденция сохранится и в обозримом будущем.

Чтобы попытаться выявить факторы, влияющие на изменения в обрядности чувашей города и села, следовало бы рассмотреть, например, полные развертки связей переменных, фиксирующих знание, бытование семейных обрядов и отношение к ним в городском и сельском массивах информации. При этом целесообразно проанализировать переменные, относящиеся к свадебной обряд-

ности, так как свадьба — устойчивый и перспективный бытовой ритуал²⁵.

В городском массиве, например (при критерии $R \geq 0,020$), выявился бы широкий набор признаков, с которыми проявляет связь п. 82 («уровень знания свадебного обряда»); этот набор шире, чем в сельском массиве при том же критерии. Наряду с теми переменными, которые присутствовали бы в развертке, относящейся к сельскому массиву, в эту связь включились бы показатели языкового поведения (выбор родного языка (п. 58), степень владения чувашским языком (п. 64), каким языком лучше владеют (п. 57), язык раннего детства (п. 56)), которые в сельской местности, очевидно в силу большей однородности национального состава и языковой среды, неактуальны. Развертка, относящаяся к городскому массиву, отразила бы более сложную структуру взаимосвязей уровня знания традиционной народной свадьбы. Здесь этническая характеристика личности чуваша включила бы более широкий набор признаков. Наряду с признаками, характеризующими его компетентность в сфере традиционной материальной и духовной культуры (знание родинных (п. 87) и похоронных (п. 89) обрядов, народных танцев (п. 101), чувашских народных песен (п. 98), умение готовить национальные блюда (п. 80), знание народной одежды (п. 70) и т. п.), в городе становятся значимыми и актуальными и такие ее показатели, как репертуар чтения прессы (п. 107), репертуар просмотренных театральных спектаклей (п. 110), сознание связи с этносом (п. 120) и др. Это отразило бы большую включенность городского этнофора в широкую сеть общественных и этнокультурных связей.

Роль и место свадебной обрядности в жизни этноса в наибольшей мере определяется характером и мерой соблюдения различных типов свадеб (см. рис. 28). Этот показатель (п. 83) у чувашей в селе и городе обладает примерно одинаковым набором связей. Наиболее сильные связи этой переменной — с признаками «возраст» (п. 8), «дата свадьбы» (п. 84), «отношение к свадебным обрядам» (п. 85), «образование к началу трудовой деятельности» (п. 10), «образование в настоящее время» (п. 9), «тип одежды на свадьбе» (п. 73).

Связи этой переменной (п. 83) с социально-классовой принадлежностью (п. 13), отношением к религии (п. 93), социально-профессиональной группировкой (п. 11) и другими менее сильные, но все вместе они имеют влияние на обрядовое поведение этнофоров.

Анализ тонких («слабых») связей, таким образом, показывает, что обрядовое поведение респондентов определяется обширным набором воздействующих на него факторов, при этом воздействие каждого из них является ограниченным и не может быть названо решающим. Из этого следует, что и управление процессами функционирования и развития обрядовой жизни едва ли удастся реализовать вне системы комплексного, много-

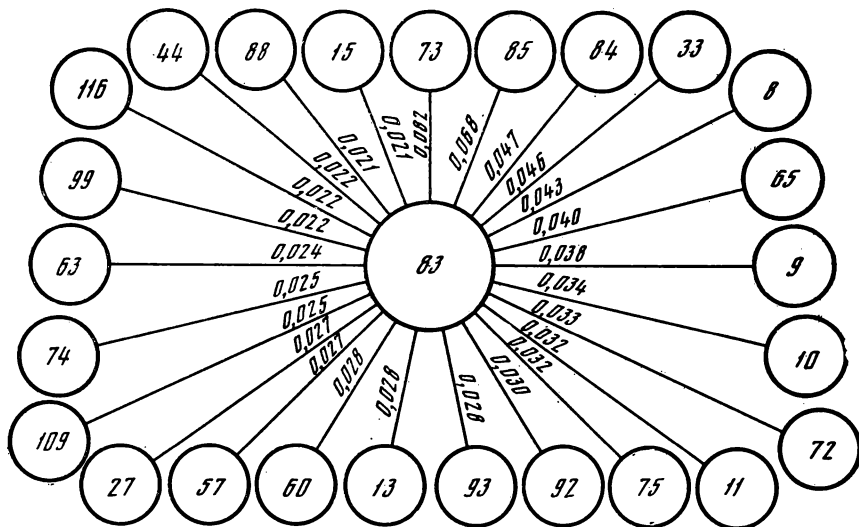

Рис. 28. Связи фактора 83 («тип реальной свадьбы») в системе этноса (чуваши; город; коэффициент Райского R):

8 — возраст; 9 — образование; 10 — образование (старт); 11 — СПС в момент обследования; 13 — социально-классовая принадлежность; 15 — возраст в начале трудовой деятельности; 27 — структура внепроизводственной деятельности; 33 — поколенно-ролевой состав; 44 — зарплата (индивидуальный доход); 57 — каким языком лучше владеют; 60 — язык в семье; 63 — язык публичных выступлений; 65 — степень знания русского языка; 72 — ношение традиционной одежды; 73 — одежда на свадьбе; 74 — одежда на проективной свадьбе; 75 — ремесленно-художественные навыки; 83 — тип реальной свадьбы; 84 — дата свадьбы; 85 — тип проективной свадьбы; 88 — отношение к родным обрядам; 92 — соблюдение религиозных обычаев в семье; 93 — отношение к религии; 99 — отношение к народным песням (этнические предпочтения); 109 — отношение к национальной музыке (выбор концерта); 116 — знание национальных героев

факторного и разнообразного влияния на эти процессы, включающего меры воспитательного, пропагандистского, культурно-просветительского и организационного характера.

* * *

Процесс бурных преобразований, происходящий в последние десятилетия в экономической, общественной и культурной жизни чувашей, нашел отражение и в семейных обрядах. При этом отдельные семейные обряды в разной мере сохранились в памяти и в жизни чувашского этноса. Традиционные родинные обряды в основном утратили свое значение и уходят из быта. Иначе обстоит дело с похоронными обрядами. Они сохранились более других. Несколько ниже уровень знания традиционных свадебных обрядов.

Степень знания и бытования всех традиционных семейных обрядов у жителей села выше, чем у горожан. Трансформация семейных обрядов происходила более медленными темпами, чем

преобразование в социально-экономических условиях жизни чувашского народа.

Семейные обряды, и в первую очередь свадебные, не утратили значения в жизни современного чувашского этноса. Они выступают как один из признаков, связывающих этнофоры с людьми своей национальности (особенно у сельских жителей). Посредством обрядовой жизни чувашский этнос включается и в общесоветские бытовые формы, так как в сложном взаимодействии нового и традиционного в них утверждается современный гражданский обряд, а также современный гражданский обряд с традиционными элементами²⁶.

Уровень знания традиционных свадебных обрядов и мера соблюдения различных типов свадеб — результат сложного взаимодействия целого комплекса факторов в сфере обрядовой жизни и в системе этноса в целом. Разработка и внедрение современной семейной обрядности требует неослабного внимания со стороны партийных, советских органов и широкой общественности. В Чувашской АССР накоплен некоторый опыт в этом отношении, однако есть еще много неиспользованных резервов. В частности, необходимо активизировать деятельность организаций, призванных заниматься разработкой и распространением современной гражданской обрядности. Большое значение имеет разработка сценариев проведения обрядов, рекомендаций по их проведению, методических пособий. Необходимо, чтобы они были живыми, содержательными, отражали идеалы советского общества и этническую специфику народа. К созданию этих материалов нужно шире привлекать специалистов-этнографов, представителей творческих союзов, членов комиссий по советским традициям, праздникам и обрядам, работников загсов.

Успех работы во многом зависит от кадров. Поэтому необходимо, чтобы лица, проводящие церемонии и внедряющие современные гражданские обряды, проходили бы специальную подготовку. В связи с этим желательно, чтобы работники загсов и другие лица, организующие проведение обрядов и праздников, заканчивали хотя бы кратковременные курсы обучения, а также чтобы в высших и средних учебных заведениях республики были созданы отделения по подготовке организаторов советских праздников и обрядов.

Немаловажное значение имеют и соответствующие материально-технические условия: развитие сферы услуг, связанных с проведением новых обрядов, оборудование специальных помещений, разработка обрядовой символики и формы одежды для лиц, проводящих церемонии. При этом важно использовать национальный орнамент в оформлении помещений, в костюмах ведущих церемонии, народные мелодии, музыкальные инструменты и т. п.

При проведении современных обрядов по поводу рождения ребенка нужно учитывать, что эти обряды издавна имели семейный характер. Поэтому неоправданно превращать церемонию

регистрации новорожденных в торжественное заседание или сопровождать ее концертом, как это иногда делается. Кроме того, целесообразно проводить регистрацию только одного новорожденного, а не нескольких детей сразу, сохраняя индивидуальный, семейный характер этого акта. Положительной народной традицией является выбор названных родителей, которые помогают родителям в воспитании ребенка.

Особое внимание следует уделить совершенствованию и распространению современной гражданской обрядности в сельской местности, где эти мероприятия способствовали бы рациональной организации досуга, обогащению быта, а следовательно, оптимизации условий жизни на селе.

¹ Об определении понятия «обряд» см.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 284; *Пименов В. В.* Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977. С. 112; Современные этнические процессы в Чувашской АССР: Методические указания и рекомендации по программированию, технике и организации статистико-этнографического исследования. Чебоксары, 1984. С. 42.

² *Лобачева Н. П.* О формировании новой обрядности у народов СССР: (Опыт этнографического обобщения)//СЭ. 1978. № 4; *Христолюбова Л. С.* Семейные обряды удмуртов: (Традиции и процессы обновления). Ижевск, 1984; *Федянович Т. П.* Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребенка (конец XIX — 70-е годы XX в.)//СЭ. 1979. № 2; Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981; *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981; *Дробижеева Л. М., Тульцева Л. А.* Свадебная обрядность в общественном мнении: (По материалам этносоциологических исследований у народов СССР)//СЭ. 1982. № 5; и др.

³ Ср.: *Дробижеева Л. М., Тульцева Л. А.* Свадебная обрядность... С. 38—39.

⁴ *Зорин Н. В.* Изменения традиционной русской свадьбы за годы Советской власти//Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1976. С. 43; *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Зорина Л. И.* Русская сельская семья Чувашской АССР. Казань, 1980. С. 172 и сл.; *Зорин Н. В.* Русская свадьба... С. 183 и сл.

⁵ Подробнее о свадебных обрядах чувашей см.: Чуваш: Этнографическое исследование. Чебоксары, 1970. Ч. II. С. 40—54, 85—90, 175—178; *Иванов Л. А.* Современный быт и культура сельского чувашского населения. Чебоксары, 1973. С. 120 и сл.; *Фокин П. П.* Брак в современной чувашской деревне//История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 191—219; *Иванов Л. А., Фокин П. П.* Сёне уявсемпе тёрлёрень йала-йёркесем: Методикалла сёнүсем. Шупашкар, 1975; *Бажайкин Н. С.* Новые обряды и праздники. Чебоксары, 1977; *Фокин П. П.* Новое и традиционное в праздниках и обрядах чувашского населения//Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары, 1980; *Иванов В. П.* К вопросу об устойчивости некоторых религиозных обрядов в семейном быту горожан//Новые исследования по археологии и этнографии. Чебоксары, 1983; и др.

⁶ Чуваш: Этнографическое исследование. Ч. II. С. 54.

⁷ *Бажайкин Н. С.* Новые обряды... С. 46—47.

⁸ *Никольский Н. В.* Народная медицина у чувашей. Чебоксары. 1929. С. 24—25.

⁹ *Магницкий В. К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. С. 195.

¹⁰ *Никольский Н. В.* Народная медицина... С. 26.

¹¹ *Сбоев В.* Чуваш в бытовом, историческом и религиозном отношениях. М., 1965. С. 75; *Магницкий В. К.* Материалы... С. 195.

- ¹² Каменский Н. Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чувашей. Казань, 1879. С. 24; Чуваши... Ч. II. С. 84.
- ¹³ Никольский Н. В. Народная медицина... С. 28—29.
- ¹⁴ Милькович К. Быт и верования чувашей Симбирской губернии//ИОАИЭ. 1906. Т. XXII. Вып. 1. С. 41—42.
- ¹⁵ Денисов П. В. Религиозные верования чувашей. Чебоксары, 1959. С. 46; Чуваши... Ч. II. С. 85.
- ¹⁶ Никольский Н. В. Краткий конспект по этнографии чувашей. Казань, 1919. С. 83; Комиссаров Г. Чуваши Казанского Заволжья//ИОАИЭ. 1911. Т. XXVII. Вып. 5. С. 364.
- ¹⁷ Бажайкин Н. С. Новые обряды... С. 13.
- ¹⁸ Сбоев В. Чуваши... С. 131.
- ¹⁹ Прокопьев К. П. Похороны и поминки у чувашей. Казань, 1903. С. 11—12.
- ²⁰ Милькович К. Быт... С. 46; Сбоев В. Чуваши... С. 232.
- ²¹ Руденко С. И. Чувашские надгробные памятники//Материалы по этнографии России. СПб., 1910. Т. 1. С. 86—88.
- ²² Прокопьев К. П. Похороны... С. 28; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1935. Т. IX. С. 289.
- ²³ Дробижева Л. М., Тульцева Л. А. Свадебная обрядность... С. 35.
- ²⁴ Каховский Б. В. Черты традиционного и нового в похоронной обрядности сельских чувашей//Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984. С. 111.
- ²⁵ Такие развертки построены, но не публикуются в данной работе.
- ²⁶ Ср.: Лобачева Н. П. Общесоветское и национально-специфическое в новой обрядности//Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981. С. 39—56; Федянович Т. П. Свадебные обряды сельских жителей республик Поволжья (Мордовская, Удмуртская, Чувашская АССР)//Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984. С. 100—108.

Фольклор у чувашей

§ 1. Фольклор и проблемы его изучения

Фольклористика, как известно, базируется прежде всего на исследовании вербальных, т. е. словесных, текстов. Традиционная фольклористика пользуется историко-филологическими методами. Этими же методами изучается, в частности, и чувашский фольклор¹. Правомерность и плодотворность такого изучения фольклора несомненны, однако этот путь не единственно возможный. В ряде случаев — в интересах целостного описания и анализа этноса — целесообразно обратить внимание на изучение фольклора как стороны, аспекта этнической общности, на выяснение степени распространения национального фольклора среди его носителей (в различных половозрастных, социальных, социально-экологических и иных группах), на его функциональные роли в системе этноса, на проблему поиска факторов, детерминирующих связь с другими элементами системы.

Национальная художественная культура обычно имеет в своем составе два слоя — фольклорный («нижний») и профессиональный («верхний»). Исторически фольклорный слой культуры является более ранним в составе духовной культуры этноса, в известной мере основой, на которой строится здание профессиональной культуры. В настоящее время фольклор функционирует в двух основных формах — традиционной и трансформированной. Трансформированные, т. е. рекультивируемые (иначе — вторичные), фольклорные формы приобретают все большее значение в культурах народов. Они имеют ряд особенностей, отличающих их от традиционного фольклора². Но эти явления не могут считаться и произведениями профессиональной культуры. Следовательно, данный слой, расположенный между «нижним» и «верхним» слоями, существует относительно автономно. Быть может, к числу рекультивируемых явлений следует относить и исполнение фольклорных номеров на сцене коллективами художественной самодеятельности.

При составлении инструментария исследования предполагалось, что об уровне бытования тех или иных элементов народного творчества можно будет судить по тому, в какой мере респонденты их знают и могут воспроизвести (т. е. рассказать, спеть и т. п.). При этом знание фольклора сводилось к практическому умению, а следовательно, в некоторой степени и к бытованию изучаемых элементов народного творчества. Это предположение в ходе исследования в целом подтвердилось, но под-

твердилось и другое: «знание» фольклора значительно шире его реального бытования (отчасти и потому, что в наши дни знание фольклора обеспечивается уже не столько традиционной формой его передачи, сколько путем чтения литературы, прессы и т. п.). Например, только рекультурацией можно объяснить преобладающую долю лиц, знающих чувашские сказки и предания, среди национальной творческой интеллигенции. Следовательно, информация о знании отражает как традиционный, так и рекультивируемый слои фольклора.

Набор количественно выраженных показателей, обеспечивающих достаточную представительность разных аспектов, сторон и элементов непрофессиональной духовной культуры в рамках общего описания этноса, должен, очевидно, содержать сведения, отражающие жанрово-видовой состав (в широком значении этого понятия) национального фольклора. Наряду с этим следует помнить, что характер исследования не позволяет слишком детализировать вопросы-переменные и включать в инструментарий слишком большой их набор (см. Приложение, раздел VII). Тем не менее в число показателей, несомненно, требовалось, во всяком случае, ввести переменные, фиксирующие знание народной прозы (сказок и преданий) и народной поэзии (обрядовых и внеобрядовых песен), а также народных танцев. Этнографический характер исследования обуславливает постановку вопроса о выявлении этнических предпочтений по поводу народного искусства, что побудило включить в инструментарий соответствующие вопросы (вопросы 99, 100 и 102).

На грани фольклора и профессиональной культуры находится художественная самодеятельность, развитая в Чувашии довольно сильно. В этой связи было целесообразно получить информацию как об участии этнофоров в этом роде художественной деятельности, так и об этнической стороне репертуара самодеятельных артистов (вопросы 113 и 114). Описанный набор показателей (отнюдь, конечно, не исчерпывающий) можно считать достаточным для получения общего представления о непрофессиональной духовной культуре изучаемых групп населения.

Одна из существенных проблем при изучении фольклора с указанных выше позиций вырисовывается как вопрос о мере и характере распространения фольклора в народе. Среди специалистов существует представление о том, что народ — это недифференцированный носитель фольклора, что представители народа в общем и целом (исключения составляют только отдельные знатоки-сказители) более или менее одинаково полно знают фольклор и реализуют его функционирование в повседневной жизни и праздничных ситуациях. Утверждения типа «чувашки поют такие-то песни» без дифференциации по этнотерриториальным, возрастным, социальным и другим группам встречаются сплошь и рядом. Казалось бы, нет нужды опровергать ненаучные взгляды, обыденные представления, однако это неверно; такие представления нуждаются в опровержении, тем более что они

проникают в популярную литературу, публицистику и даже в научные труды. Вместе с тем серьезное опровержение обыденных представлений нуждается в обосновании с помощью массовых статистических данных и едва ли может быть корректно осуществлено в ходе направленного отбора наиболее компетентных информаторов, с которыми, как правило, работают фольклористы.

Из сказанного естественно возникает гипотеза: характер бытования непрофессиональной духовной культуры (фольклора) неодинаков в различных социальных, социально-экологических, возрастных и иных группах; интенсивное знание фольклора сосредоточено в относительно узком слое информаторов-этнофоров.

Среди задач, связанных с изучением группы F-показателей, одна из важных состоит в том, чтобы определить роль непрофессионального слоя духовной культуры в системе этноса. Эта роль (значение, вес) может быть выявлена в двух аспектах — на уровне оценки, субъективно приписываемой фольклору этнофорами-респондентами, а также путем установления положения группы F-переменных в системе как в плане связности между самими F-признаками, так и в плане их отношений в системе в целом. При этом можно сделать допущение, что роль этой группы переменных будет тем существеннее, чем сильнее проявится ее системность («компонентность», автономность). Исходя из этих соображений, а также принимая во внимание наблюдения фольклористов и этнографов, следующая гипотеза может принять такой вид: а) современная роль фольклора в культуре этноса преувеличивается обыденным сознанием; б) его истинное значение исторически меняется, и в настоящее время фольклор по своей роли существенно уступает профессиональной духовной культуре.

Сложные процессы функционирования (бытования) фольклора в современных условиях определяют существенные изменения в характере тех отношений и связей, которые устанавливаются между группой F-переменных и другими аспектами (сторонами, компонентами) системы этноса. Теоретически ясно, что бытование фольклора в прошлом (и отчасти в наше время) связано с функционированием ряда обрядовых комплексов (так, бытование свадебной песни тесно сопряжено со свадебным ритуалом). Наряду с этим также известно, что современная чувашская литература в существенной мере выросла на основе использования фольклорных богатств этого народа и продолжает пользоваться данным источником. В этой связи возникает еще одна возможность исследования взаимодействий между фольклором и профессиональной культурой. Есть основания думать, что насыщение профессиональной культуры фольклором может способствовать не только и не столько вытеснению фольклора из бытования, сколько своеобразному сотрудничеству, симбиозу этих двух художественных систем. Все это позволяет выдвинуть сле-

дующую гипотезу: по крайней мере некоторые из F-признаков обнаруживают связи с факторами C-компоненты; то же относится и к связям с группой индикаторов профессиональной культуры (K_p).

В кругу проблем изучения этноса в связи с освещением его «фольклорного потенциала» существенное значение имеют внутренние установки самих носителей фольклора, их готовность хранить свое устное творчество, короче говоря, их отношение к фольклорному наследию. Отношение к фольклору, о котором идет речь, можно выявить, спросив у информаторов, какие песни (танцы) им больше нравятся в ряду аналогичных проявлений фольклора его этнических партнеров (русских, татар и других). Это отношение, очевидно, не будет одинаковым в различных социальных, половозрастных и других группах, составляющих народ-этнос. Опыт экспедиционных наблюдений, а также ряд общих соображений побуждает предложить следующую гипотезу: а) отношение этнофоров к фольклорному слою культуры противоречиво: в общем и целом степень положительного отношения к фольклору находится в обратной зависимости к повышению СПГ и уровню образования респондентов; однако важное исключение составляют группы гуманитарной и творческой интеллигенции (писатели, артисты и др.); б) главная тенденция изменения отношения к фольклорным явлениям культуры состоит в ослаблении интереса к ним; вместе с тем в наиболее молодых группах возможно и повышение интереса к фольклору.

§ 2. Чувашский фольклор и фольклористика

В данном исследовании представляют интерес сведения о двух больших группах чувашского устного народного творчества — народной прозе и народной поэзии. К народной прозе относятся легенды, сказки и предания, а также различные мифы³. В данном случае не было нужды отделять легенды и предания от сказок, как это сделано, например, в предыдущих исследованиях подобного типа⁴. Эти жанры, как показывает опыт исследования на удмуртском материале, типологически сходном с чувашским, не играют в массовом сознании роли этнического символа, подобно героическому эпосу других народов.

В составе чувашского традиционного фольклора имеется слой исторических преданий о древней жизни предков чувашей, булгарской эпохе, об иге монголо-татарских феодалов и казанских ханов, о вхождении чувашей в состав России и т. п.⁵. Как показывают ответы респондентов, среди прочих жанров народной прозы в настоящее время наиболее устойчивы топонимические предания.

Причины отсутствия у чувашей героического эпоса классического типа волновали и волнуют не одно поколение чувашской интеллигенции. Некоторые ее представители под влиянием теории, согласно которой более богатую историю имеют те народы,

у которых есть героический эпос, мечтали создать эпическое произведение, подобное «Калевале» Э. Леннрота. В 1920-е годы народный поэт Чувашии С. В. Эльгер предпринял попытку составления на фольклорном материале национального эпоса о богатыре-испоине Улыпe. Этот факт, возможно, отражает определенный этап этнической консолидации чувашей и связанный с ним рост национального самосознания.

Основу чувашского фольклора составляют песни. Склонность чувашей к пению ученые отметили еще в XIX в. Исследователь музыкального творчества народов Поволжья В. А. Мошков замечал, что он не встречал еще ни одного чуваша, который не знал бы своих песен. По сообщению исследователя, у чувашей-информаторов уровень знания народных песен достигал в среднем 25 песен⁶.

Действительно, в тот период, когда чувашский традиционный фольклор был единственной формой творческого самовыражения, песни сопровождали чуваша от колыбели до могилы. У различных половозрастных групп были свои песни. Молодежью исполнялись песни во время *улах* (посиделок) и *уяв* (весенних хороводов), *сёрё яни* (новогодних гаданий на кольцах) и *саварни чупни* (масленичных катаний). Взрослые крестьяне пели главным образом во время обряда *кёр сари*, или *чйклемe* (осенние жертвоприношения новым хлебом и пивом). Чуваша пели застольные, гостевые и другие песни лирического характера. В репертуар взрослого населения также входили обрядовые песни: свадебные и поминальные.

Следует особо отметить, что исполнение обрядовых песен вне обряда категорически запрещалось обычаем. Кроме того, молодежь не должна была петь песни из репертуара взрослого населения и, наоборот, семейному человеку запрещалось петь молодежные песни. Таким образом, каждый жанр чувашского традиционного фольклора имел своих исполнителей и слушателей, которые различались между собой по социально-возрастному признаку.

В XIX в. чувашский фольклор начали собирать и изучать как русские (А. А. Фукс, В. А. Сбоев, Н. И. Золотницкий, В. К. Магницкий), так и зарубежные (А. Регули, Й. Буденц) и чувашские (С. М. Михайлов, И. Я. Яковлев, Н. М. Охотников, И. Н. Юркин, А. В. Рекеев и др.) исследователи⁷. Существенный вклад в развитие чувашской фольклористики внес Н. И. Ашмарин⁸. Чувашские фольклористы 1930—1940-х годов (Н. В. Никольский, И. С. Тукташ и др.) и 1950—1960-х годов (М. Я. Сироткин, Н. Р. Романов, И. И. Одюков) проводили исследования на основе тех методических принципов, которые были разработаны в советской фольклористике в 30-е годы нашего столетия⁹.

В настоящее время чувашские фольклористы стали больше интересоваться этническими аспектами фольклора. Между тем интересные замечания по этому поводу содержатся уже в трудах Н. И. Ашмарина. В частности, он подчеркивал, что изучение

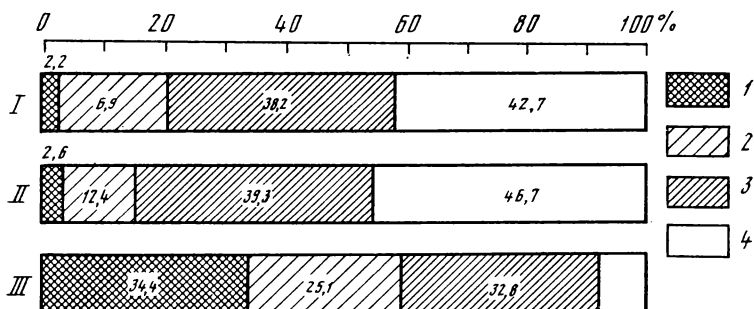

Рис. 29. Знание чувашских сказок и преданий (чуваши; %):

I — село; II — город; III — творческая интеллигенция; 1 — знают и могут рассказать ряд сказок; 2 — знают и могут коротко передать их содержание; 3 — знают, но рассказывать затрудняются; 4 — не знают

фольклора немислимо без исследования народного быта, ибо фольклор, по его убеждению, является неотъемлемой характеристикой народа¹⁰.

§ 3. Функционирование фольклора

Народная проза. Существенный интерес имеют характер и мера распространения среди чувашского народа устных прозаических жанров фольклора — преданий (*халансем*) и сказок (*юмахсем*). Полученные данные свидетельствуют о том, что уровни знания сказок и преданий в городе и деревне одинаковы (рис. 29). Этот факт скорее всего объясняется широкой миграцией сельского населения в города, но не только этим. Важно при-
нять во внимание и воздействие процессов рекультурации.

Интересно отметить, что в среде сельских жителей и горожан народная проза имеет менее широкое распространение, чем в жизни творческой интеллигенции. Повышенный интерес последней к народной прозе, возможно, связан с тем, что творческая интеллигенция гораздо чаще причисляет фольклор (в том числе и народную прозу) к этноинтегрирующим факторам. Это подтверждается и ответами на вопрос об ощущении этнофорами своей связи с этносом (п. 120). Так, в числе признаков, сближающих этнофоров с людьми своей национальности, народное творчество названо у 26% сельских жителей, 29% горожан и 52% творческой интеллигенции.

В ходе исследования выявилось, что знание народной прозы (п. 97) имеет не слишком сильные, но значимые связи с рядом переменных, характеризующих знание различных аспектов традиционной и современной материальной и духовной культуры: в сельском массиве обращают на себя внимание сопряжения со знанием народных песен (п. 98), профессиональной чувашской музыки (п. 108) и имен чувашских писателей (п. 103); в город-

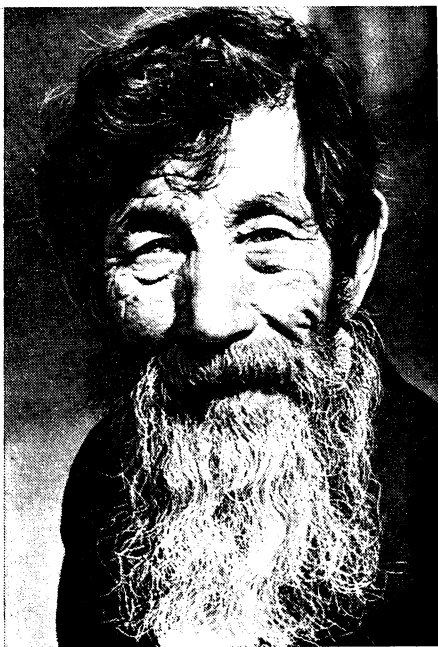

Рис. 30. А. М. Казаков — ветеран войны и труда, знаток фольклора

ском массиве таких связей значительно больше: помимо трех уже названных, можно указать на знание свадебных (п. 82), погребальных (п. 89) обрядов, народных танцев (п. 101) и др. Тем не менее в данном случае полезно обратить внимание на связь переменной 97 со знанием имен чувашских писателей (п. 103). Существенно отметить, что эта связь имеет прямой характер. Так, анализ данных по сельскому массиву информации показывает, что среди жителей села возрастание уровня знания имен писателей влечет за собой повышение уровня знания фольклорной прозы и наоборот. Если рассмотреть соответствующие показатели, то результат выглядит следующим образом: из тех опрошенных сельских

жителей, которые не знают чувашских сказок и преданий, лишь 41% могут назвать имена четырех и более чувашских писателей; в то же время среди тех, кто может коротко или подробно рассказать прозаические фольклорные сюжеты, 71% хорошо знают имена писателей. Таким образом, среди знающих народную прозу лишь меньшинство не знает имен чувашских писателей. Сходные тенденции прослеживаются и в городском массиве информации. Все это как будто говорит в пользу того, что в духовной жизни современного чувашского сельского жителя совместно уживаются как народная традиционная проза, так и художественная литература.

Имеющиеся факты, таким образом, не дают никаких оснований для нигилистического отношения к фольклору (в том числе и к народной прозе). Выявленные тенденции свидетельствуют о существенной роли фольклорной прозаической традиции, полезная функция которой в современном быту не подлежит сомнению.

Тем не менее воздействие смены поколений на бытование народной прозы весьма сильно. Оно необратимо. Старшее поколение, которое помнит традиционный крестьянский быт и традиционную культуру, восприняло народную прозу через ее типично фольклорные формы трансмиссии. Молодежь, естественно, более образована и приобщена прежде всего к профессиональной куль-

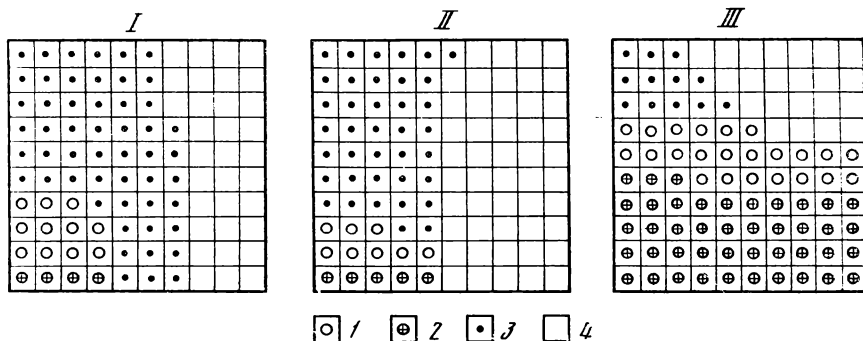

Рис. 31. Знание чувашских народных песен (чуваш, %):

I — село; II — город; III — творческая интеллигенция; 1 — хорошо знают мелодии и слова более 15 песен; 2 — знают мелодии и слова 7—15 песен; 3 — знают мелодии и слова менее 7 песен; 4 — не знают

туре, а фольклор (народную прозу) чаще воспринимает в рекультивируемых формах. В 1950—1960-х годах из быта крестьян уже полностью исчезли многие традиционные обычаи, в том числе и обычай устраивать *улах* (посиделки), где обычно рассказывались сказки. Социально-культурные изменения в чувашском селе изменили формы трансмиссии фольклора и тем самым способствовали снижению уровня бытования народной прозы. В то же время резко усилился закономерный интерес людей к профессиональной культуре. Но наряду с этим у более образованной части этноса возрос интерес к фольклорной прозе, что способствовало ее рекультурации.

Народные песни и танцы. Подобно сказкам и преданиям, народные песни (*юрӑсем*) также подвержены рекультурации. Конечно, песню труднее выучить по книге (естественно, при отсутствии специальной музыкальной подготовки), зато распространение рекультивируемых песенных образцов по телевидению, по радио или с помощью фонозаписей совершается без потери своей традиционной формы — устности. При этом, правда, теряется бытовая ситуация исполнения песни, но она может восстановиться в дальнейшем при первой же возможности.

Из рис. 31 видно, что знание народных песен среди чувашей отличается довольно высоким уровнем. Интересно также отметить, что хотя мера распространения фольклорной песни в селах и городах неодинакова, но эти различия не принципиальны. Ясно, что не только сельское, но и городское чувашское население выступает как носитель и хранитель этнических культурных (фольклорных) традиций. Наиболее полно знание песен выражено в группе городской творческой интеллигенции, что, несомненно, связано с профессиональными интересами этой группы.

Уровень знания сказок и преданий, с одной стороны, и уровень знания народных песен — с другой, не совсем совпадают

друг с другом. По всей видимости, хотя разница в знании этих двух разновидностей фольклора и невелика, на нее следует обратить внимание. В самом деле, 22% опрошенных сельских жителей, зная народные песни, не могут рассказать ни одного прозаического фольклорного сюжета. В то же время число не знающих народные песни, но знающих народную прозу в 2 раза меньше.

Объяснение этому расхождению следует искать в характере связей и отношений обсуждаемых переменных в городских и сельских условиях. Если в сельском массиве информации показатель «знание чувашских народных песен» (п. 98) больше тяготеет к тем переменным, которые характеризуют знание традиционных элементов в обрядовой жизни и материальной культуре, то в городе набор этих связей значительно шире и включает, кроме того, отношения с языковыми и некоторыми другими переменными. Что касается знания народной прозы, то в этом случае можно напомнить о связях этого признака с переменными, выражающими общий культурный уровень этнофоров (с п. 103 и 108).

В настоящее время показатели знания устного народного творчества соединены друг с другом не слишком сильными, но все же значимыми связями. Вместе с тем и различия в положении переменных, отображающих знание устной прозы и песенной традиции, заслуживают внимания. Допустимо предположить, что народная поэзия теснее сопряжена с народным бытом и обрядами (в частности, с С-признаками); что же касается фольклорной прозы, то она в известной степени тяготеет к системе народной педагогики, этики и т. п., выполняя познавательную и воспитательную функции.

Представляют интерес данные об отношении информаторов к песням разных народов. Анализ показывает, что более половины опрошенных в селе предпочитают только чувашские народные песни, к чувашским и русским песням привержены около 40%. У основной части горожан не наблюдается какого-либо значительного преобладания в их предпочтениях. Части опрошенных горожан (33%) нравятся песни других народов СССР (кроме чувашских и русских). В современном городе, что весьма примечательно, растет количество лиц, равнодушных к песням других народов нашей страны. При этом любовь к народным песням других народов растет не в ущерб своим национальным: 3/4 чувашей-горожан относятся к национальным народным песням положительно. Это подтверждается и тем, что 76% опрошенных горожан имеют в личном или семейном обиходе магнитофонные или граммофонные записи чувашских народных песен.

Итак, можно утверждать, что в духовной жизни чувашского этноса традиционное песенное творчество занимает важное место. Кроме того, песенный репертуар чувашей постоянно обогащается лучшими песнями и других народов.

Разумеется, отношение к народным песням различно в зависимости от возраста, уровня образования, других демографических

ных и иных факторов. Более подробное рассмотрение этих зависимостей позволяет выявить интересные тенденции. Естественно, у пожилой части сельского населения ориентации по поводу песенного репертуара более традиционны. Молодые жители села чаще интересуются и своими народными песнями, и песнями других народов. У некоторой части молодежи обнаруживается тенденция предпочтения нечувашских народных песен (у 16—19-летних этот показатель достигает почти 20%). Впрочем, среди большинства чувашской сельской молодежи интерес к чувашской песне сохраняет устойчивость (около 80% включают чувашские песни в число предпочитаемых). С ростом образования песенный репертуар сельского населения обогащается за счет инонациональных народных песен. Замечается и другое: среди более образованных жителей села наряду с любовью к чувашским песням усиливается интерес и к песням других народов; данная тенденция особенно ярко выражена в той части населения, которая имеет высшее или незаконченное высшее образование, что, очевидно, сопряжено с ростом ее интернационалистских установок (среди них около 70% любят как чувашские песни, так и песни других народов),

Связь между уровнем образования и отношением к народной песне возникает под воздействием многих факторов: типа двуязычия, языка на работе и языка публичных выступлений, национальности друзей, национальности брачного партнера и т. д. Например, среди говорящих на работе в основном по-чувашски более половины любят только чувашские песни; в группе говорящих на работе как по-чувашски, так и по-русски тот же показатель составляет 23%. Позитивное отношение к народным песням в целом выше уровня знания самих песен, т. е. часть информаторов, даже не зная народных песен, выявляют к ним положительное отношение. Очевидно, эту разницу в какой-то степени можно объяснить тем, что обыденное сознание преувеличивает роль песен в культуре этноса. Но это, кажется, еще не все. Часть информаторов, которым нравятся национальные народные песни (хотя они сами по различным причинам их исполнять не могут — нет слуха, нет голоса и т. п.), в наше время легко удовлетворяют свой интерес к песням, прибегая к магнитофонным записям или грампластинкам. Например, из имеющих звуковоспроизводящую аппаратуру информаторов в селе более 90% слушают чувашские народные песни. Данный показатель характерен и для творческой интеллигенции.

Чувашские народные танцы до настоящего времени изучены недостаточно. Поэтому при классификации танцев выделены лишь некоторые их признаки, в частности число исполнителей. Народ не проводит особых различий между танцами различных ритуалов и обрядов. Поэтому для чуваша термин *чăваш ташиши* (чувашский танец) имеет в первую очередь этнодифференцирующее значение, потому что он отличает данный танец от танцев других народов: татар, русских и т. д.

Таблица 11. Знание чувашских народных танцев и отношение к ним опрошенных (%)

Массив информации	Не знают	Знают в различной степени	Нравятся нечувашские танцы	Нравятся только чувашские танцы	Нравятся всякие танцы, в том числе чувашские
Село	33,6	66,4	12,1	46,4	41,5
Город	46,3	53,7	25,8	16,7	57,5
Чувашская творческая интеллигенция	24,2	75,8	13,1	6,2	80,7

Данные табл. 11 подтверждают те соображения, которые были высказаны в ходе рассмотрения сведений об остальных элементах «фольклорного блока». Это, во-первых, заметная роль народной хореографии в современной культуре народа; во-вторых, сходство тенденций, при наличии некоторых различий, в условиях села и города; в-третьих, существование разницы между знанием танцевального фольклора и отношением к нему опрошенных.

Художественная самодеятельность. Чтобы чувствовать себя в своей среде, человек желает быть сопричастным к ее созданию и функционированию. В аспекте духовной культуры это означает, что он должен не только потреблять те или иные ее формы, но также участвовать, хотя бы в некоторой мере, в ее создании, воспроизведении, словом, как-то реализовать свои творческие возможности. Одним из существенных способов такой реализации служит народная художественная самодеятельность.

Художественно-творческий потенциал чувашского населения немалый. Имеющиеся данные показывают, что в художественной самодеятельности участвуют около 1/5 опрошенных чувашей. Большая часть участников поют или участвуют в нескольких видах самодеятельности. Если рассмотреть распределение по характеру участия в самодеятельности среди самих участников, то соотношение видов художественного творчества среди чувашей (соответственно в городах и селах) выглядит следующим образом: играют на музыкальных инструментах — 13 и 6%; поют — 42 и 38%; танцуют — 7 и 6%; декламируют стихи и прозу — 3 и 0,5%; участвуют в постановках самодеятельных спектаклей — 2 и 3%; участвуют в нескольких видах художественного творчества — 33 и 46% (рис. 32).

Особый интерес представляет выбор этнофорами репертуара художественной самодеятельности, в особенности со стороны этнической окрашенности этого репертуара. Важно отметить, что 62,4% самодеятельных артистов в городах и 70,5% в селах для своих выступлений выбирают произведения (песни, танцы, музыку, стихотворения, пьесы) и чувашские, и русские, заимствуют их как из чувашского и русского фольклора, так и из чувашской и русской профессиональной культуры. Конечно, среди самодея-

Рис. 32. Фольклорный ансамбль Чувашского республиканского управления профтехобразования, 1984 г.

тельных артистов есть любители и преимущественно чувашского искусства (таких больше в сельской местности — до 21,6%), и главным образом русского (они преобладают в городах, составляя 30% участников самодеятельности).

Из этих данных видно, что ориентация художественной самодеятельности среди чувашей имеет в известной степени фольклорную направленность. Из сказанного также можно заключить, что во многих сельских и городских поселениях «фольклорная среда» (т. е. носители и любители устного народного творчества, народного танца и участники художественной самодеятельности) представлена достаточно широким и разнообразным по составу кругом лиц, интересы которых могут и должны быть приняты во внимание при планировании дальнейшего развития народной культуры. В Чувашии могут действовать и процветать разнообразные формы народного творчества, либо прямо основанные на местных художественных традициях, либо имеющие в истоке эти традиции. К ним могут относиться народные хоры, песенные и танцевальные группы и ансамбли, музыкальные кружки и оркестры народных инструментов, театральная самодеятельность и т. п. Задача состоит в том, чтобы всеми возможными и доступными средствами (конкурсы, смотры, праздники песни, пропаганда в печати и по другим каналам массовой информации) стимулировать развитие всех форм народного художественного творчества и самодеятельности народа.

§ 4. F-переменные в системе этноса и их динамические тенденции

Сказанное выше определяет место, значение и роль отдельных жанров чувашского фольклора в функционировании чувашского этноса. Суммируя полученные сведения, их можно отнести и к самой F-компоненте в целом. Анализ показал, что:

а) фольклорный слой духовной культуры обладает сложным строением и до сих пор играет существенную роль в культурном творчестве и культурном потреблении чувашей;

б) интенсивное знание фольклора сосредоточено в относительно узком слое информаторов;

в) в настоящее время уровень фактического знания фольклора ниже, чем уровень положительного отношения к нему;

г) этнические предпочтения в сфере фольклора в разных социальных, возрастных и иных группах выражены неодинаково;

д) тенденции изменений в функционировании фольклора противоречивы: имеют место и вытеснение фольклора профессиональной культурой, и рекультурация, и живое воспроизводство фольклорного потенциала; кроме того, эти процессы происходят в различных жанрах неравномерно.

Из общей модели этноса (рис. 2, А, Б) видно, что на ней F-признаки не находятся в тесной связи как между собой, так и с основанием этноса.

Выше уже были частично проанализированы отношения и связи некоторых из них с другими характеристиками чувашского этноса. Обращение к матрице коэффициентов R и рассмотрение вопроса при более либеральном критерии ($R \geq 0,020$) позволяют уточнить меру включенности в общую систему и других элементов фольклорной культуры. В этом случае обращает на себя внимание тот факт, что, хотя в сельском массиве F -признаки остаются разобщенными, в массиве данных о городе имеет место образование хорошо выраженного контура связей между составляющими фольклорной культуры: здесь проступили связи между показателями знания фольклорных жанров и видов и характеристиками отношения к ним.

Кроме того, интересен и тот факт, что в городском массиве информации прослеживаются также связи с некоторыми переменными K_p -компоненты. Среди них преобладают связи, во-первых, между знанием различных видов и жанров фольклора и знанием профессиональной культуры, а во-вторых, между признаками, характеризующими этнические предпочтения в F -и K_p -компонентах.

Полученная картина, следовательно, позволяет констатировать не только существенную разбросанность F -переменных по всему полю отношений в рамках этноса (в селе), но и определенную меру их сопряженности (в городе). Интерпретация этой картины не является, конечно, простой и бесспорной. С одной стороны, общий уровень знания и бытования фольклора среди чувашей относительно высок, и это, казалось бы, должно было вообще предопределить известную сплоченность F -переменных, чего на самом деле на уровне сильных связей проследить не удастся. С другой стороны, относительная разбросанность F -переменных по контуру общей модели едва ли может быть истолкована в духе отрицания значения фольклора в современной культуре чувашей. Скорее всего, имеющиеся сведения говорят о существенной мере автономности фольклорной культуры от ярко выраженных на модели структурных образований (DS -основания и других). Из сказанного можно сделать вывод, что и управленческое воздействие на функционирование и развитие фольклорной культуры представляет собой весьма трудную задачу, решение которой возможно лишь при многоплановом, комплексном подходе к ней.

Рассмотрение матриц (моделей) облегчает выявление динамических тенденций. Можно предположить, что при сохранении современных социально-экономических, культурных и других условий в городах и селах республики, условий, которые в существенной мере определяют структуру чувашского этноса, в ближайшем будущем в строении F -компоненты и в ее связях с общей системой этноса значительных изменений не ожидается. Можно сказать о сохранении воздействия на F -переменные факторов языкового блока. В частности, если в условиях города несколько возрастет роль чувашского языка, то в таком случае можно ожидать усиления функционального значения не только профессио-

нальной культуры, но и рекультивируемой народной прозы и традиционных народных песен. Очевидно, в результате роста уровня образования этнофоров будет продолжаться процесс рекультурации традиционного фольклора, а также интернационализации песенного репертуара. Эти изменения, скорее всего, произойдут в обоих массивах — сельском и городском.

* * *

Научно-технический, хозяйственный и культурный прогресс неизбежно сопровождается некоторыми утратами, в том числе части фольклорного богатства из живого бытования. Современный советский человек, конечно, не может удовлетворить все свои культурные запросы одними лишь средствами фольклора. Вместе с тем фольклор занимает существенные позиции в системе культурных интересов чувашского народа не только в сельской местности, но и в городах. Фольклорный потенциал в Чувашии очень значителен, и было бы ошибкой игнорировать возможности его использования в плане создания благоприятных условий для оптимизации социального самочувствия трудящихся.

Исходя из сказанного, необходимо всеми доступными средствами способствовать сохранению живого бытования различных фольклорных жанров (сказок, песен, народной музыки, танцев) путем проведения конкурсов, праздников песни, съездов сказителей и сказочников и т. п. Следует также существенно активизировать процесс рекультурации фольклора посредством издания фольклорных сборников, грампластинок и магнитофонных кассет с записями фольклорных произведений.

¹ См.: *Изоркин А. В., Горшков А. Е.* Центр гуманитарных наук Чувашии. Чебоксары, 1980. С. 115 и сл.; Библиографический указатель трудов ЧНИИ ЯЛИЭ. Чебоксары, 1980. С. 154—156.

² См.: *Чистов К. В.* Традиционные и «вторичные» формы культуры//*Расы и народы.* М.: Наука, 1975. Вып. 5. С. 32 и сл.; ср.: *Зультор П.* Живой голос фольклора//*Курьер ЮНЕСКО.* 1985. Сент. С. 5.

³ Ср.: *Родионов В. Г.* Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора//*Чувашский фольклор: Специфика жанров.* Чебоксары, 1982.

⁴ Ср.: *Пименов В. В.* Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977. С. 169—171.

⁵ *Димитриев В. Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1983. Ч. 1: О жизни и борьбе народа с древних времен до середины XVI в.

⁶ *Мошков В. А.* Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. Казань, 1984. Ч. 1: Мелодии чувашских песен.

⁷ См.: *Одюков И. И.* Чувашская лирика. Чебоксары, 1983. С. 6—22. На чуваш. яз.; *Сидорова Е. С.* Записи и публикации чувашских сказок в XIX — начале XX в.: Чувашский язык, литература и фольклор. Чебоксары, 1973. С. 246—270.

⁸ *Ашмарин Н. И.* Очерк народной поэзии у чуваш//*Этнографическое обозрение.* 1922. № 2/3; *Он же.* Введение в курс чувашской народной словесности//*Чувашский фольклор: Специфика жанров.* Чебоксары, 1982; и др.

⁹ *Емельянов Л. И.* Методологические вопросы фольклористики. Л., 1978.

¹⁰ *Ашмарин Н. И.* Введение... С. 4—5.

Профессиональная духовная культура

§ 1. Профессиональная духовная культура как аспект этноса

В современную эпоху этническая специфика советских народов все более перемещается из области материальной культуры в сферу культуры духовной, «в сферу духовной жизни»¹. Для этнографов исследование этнических аспектов функционирования профессиональной духовной культуры социалистических этносов представляет интерес и потому, что до Октябрьской революции у многих современных наций и народностей она вообще отсутствовала, у некоторых имелись лишь ее зачатки, и только в советское время эта культура получила широкое и успешное развитие. Как известно, чуваши за исторически короткий срок создали практически все современные профессиональные формы культуры — систему народного образования, научные учреждения, театр, средства массовой информации, книгопечатание, и т. п.²

Профессиональная духовная культура современной социалистической нации — это сложное сочетание: а) собственно феноменов культуры (т. е. самих произведений творчества); б) институтов, способствующих ее созданию и распространению; в) восприятия, пользования культурой (ее потребления)³. В составе собственно феноменов профессиональной культуры — литературные произведения, изобразительное искусство, театральные спектакли и т. п.; в числе институтов культуры — учебные заведения и клубы, театры и творческие союзы и проч. Духовная культура социалистической нации служит важным фактором формирования и воспроизводства личности этнофора.

В настоящей главе предпринимается попытка краткого синтетического описания и анализа духовной культуры чувашского народа с учетом двух последних сторон культурного процесса — развития институтов культуры и меры ее освоенности, включенности в повседневное бытование. С этой точки зрения представляется полезным использование данных о наличии и функционировании также средств массовой информации (газет, радио, телевидения и др.).

В проведенном исследовании профессиональная культура чувашского этноса рассматривается как одна из его компонент. В описании и анализе этой компоненты главное внимание уделяется установлению меры ее включения в систему чувашского этноса, ее соотносительного веса, определению характера и тесноты ее взаимодействия с другими компонентами этноса, в особенности с F-, L- и DS-компонентами.

Для достижения этих целей программой исследования были предусмотрены: 1) информационное представительство основных элементов современной чувашской профессиональной культуры; 2) получение данных о ее распространенности и этнических аспектах ее восприятия (потребления) народом; 3) выявление меры присутствия, роли и значения в совместном бытовании элементов национальной и интернациональной (в частности, русской) профессиональной культуры.

Как известно, K_p -компонента имеет многомерное строение. По этой причине в анализ были включены художественная литература, музыкальное и театральное искусство, сведения о знании и потреблении профессиональных форм национальной, русской и общесоветской профессиональной культуры. В этой связи становятся весьма важными сведения и о средствах передачи культурных ценностей — прессе, телевидении и радио. Значительный интерес представляет параллельное сравнительное рассмотрение меры включенности в процесс потребления культурных ценностей самих творцов-создателей ценностей национальной профессиональной культуры, т. е. представителей чувашской творческой интеллигенции, особенностей их этнических предпочтений в этой области.

Профессиональная духовная культура чувашского народа с этнографической точки зрения до сих пор еще не изучалась. Вместе с тем имеется ряд серьезных исследований, посвященных истории культурного строительства в Чувашской АССР⁴. В некоторых из них нашла отражение история зарождения, становления и формирования профессиональных форм национальной культуры⁵.

Чувашская профессиональная культура окончательно сформировалась и получила подлинное развитие только в советское время. В дореволюционном прошлом профессиональными деятелями культуры из чувашей становились считанные единицы народных талантов, которым удавалось вырваться из среды темной и забитой крестьянской массы, как правило, благодаря счастливому случаю и поддержке демократически настроенных представителей русской интеллигенции. К узкому кругу первых чувашских деятелей культуры принадлежали известный петербургский архитектор П. Е. Егоров (1728—1789), ученый-востоковед Н. Я. Бичурин (1777—1853), первый чувашский историк, этнограф, географ и писатель С. М. Михайлов (1821—1861) и др.

Начало развития национальной профессиональной культуры тесно связано с именем выдающегося чувашского педагога-просветителя И. Я. Яковлева, который, по выражению В. И. Ленина, 50 лет работал «над национальным подъемом чуваш»⁶. Созданная И. Я. Яковлевым при деятельной поддержке И. Н. Ульянова Симбирская чувашская учительская школа, справедливо названная А. В. Луначарским «источником возрождения всей чувашской культуры»⁷, сыграла существенную роль: из стен этой школы вышли яркие представители чувашской интеллигенции. Мно-

гие из них своим творчеством положили начало развитию национальной профессиональной литературы и искусства, народного образования, добились успехов в науке (поэт К. В. Иванов, этнограф Н. М. Охотников, математик П. М. Миронов, художник А. А. Кокель, композитор Ф. П. Павлов, ученый-химик И. И. Корнилов, языковед В. Г. Егоров и др.).

После Октябрьской революции и образования Чувашской автономии постепенно складывались профессиональные формы художественной культуры, создавались кадры ее деятелей. Ныне в Чувашской АССР действуют Союзы писателей, журналистов, художников, композиторов, Чувашское отделение Союза театральных деятелей, объединяющие около 800 творческих работников. Только в Союзе писателей Чувашии состоят около 100 литераторов. Мастерство представителей национальной культуры демонстрировалось во время Дней чувашской литературы и искусства в Москве в 1974 и 1980 гг., в Башкирской АССР в 1983 г. и в других республиках.

На ранних этапах становления профессиональные формы чувашской культуры были органически связаны с традиционным народным творчеством, фольклором. Первые опыты создания литературных, музыкальных сценических и других произведений чувашских профессиональных деятелей культуры представляли обработку и переработку (в той или иной степени) фольклорного материала. Вместе с тем современная профессиональная культура не является простым продолжением прогрессивной и демократической части культуры прошлого, а представляет собой качественно новую ступень развития культуры. Она формируется и функционирует на основе профессионального творчества деятелей культуры — писателей, художников, композиторов и др.

Современные деятели культуры живут и творят в обществе, учитывая его социально-экономические, идеологические, этнические и другие стороны, что накладывает отпечаток и на создаваемые ими художественные произведения. Более того, при определенных условиях произведения профессиональных деятелей национальной культуры «сами в той или иной степени превращаются в неотъемлемые компоненты этноса, становясь достоянием основной массы его членов, проникая в их повседневный быт, в обыденное сознание. Такое проникновение и обеспечивает реальное выполнение произведениями профессионального искусства этнических функций»⁸. В современной чувашской культуре показательную в этом смысле смысловую этническую нагрузку несет поэма «Нарспи» К. В. Иванова, нашедшая художественное воплощение во многих формах профессионального творчества — в кино, театральном, музыкальном и изобразительном искусстве.

Одна из ведущих гипотез данного исследования предполагает, что современная чувашская профессиональная культура, выполняющая важную функцию рекультурации фольклорной художественной культуры, не отрицает ее полностью, а перерабатывает и воспроизводит в новой, профессиональной форме⁹.

В современную эпоху НТР, в условиях интенсивных и многосторонних социальных межэтнических взаимодействий профессиональная культура чувашского этноса получает импульсы движения не только из собственных — национальных — источников. Она черпает их также из духовного богатства братских народов и со своей стороны оказывает на них определенное влияние, обогащает их. Самые близкие связи чувашская культура имеет с духовной культурой русского народа. Чувашская профессиональная культура, как и культура других автономных республик¹⁰, отличается развитием двуязычных — чувашско-русских — форм. Этнографический интерес к данному объекту возникает здесь, помимо всего прочего, еще и потому, что результаты межэтнических воздействий и взаимовлияний в сфере профессиональной культуры находят отражение в темпе и характере этнокультурных процессов.

Уже не раз отмечалось, что в этнографических исследованиях слабо изучены распространение (потребление) произведений национальных профессиональных деятелей культуры широкими массами, то, «насколько глубоко и широко проникают эти произведения в повседневный быт, обыденное сознание людей, составляющих данный этнос»¹¹. Уровень, меру потребления ценностей национального профессионального творчества следует рассматривать как показатель не только этнических процессов в сфере художественной культуры, но и как показатель того, насколько они (ценности), да в целом и вся профессиональная культура содержат и выражают этническую специфику и выполняют этнические функции в системе этноса. Важное значение приобретает и прикладной аспект анализа особенностей восприятия и потребления произведений национальной профессиональной культуры теми или иными социально-демографическими, профессиональными и этническими группами и слоями населения, что существенно для научного планирования и управления этими процессами.

Увеличение свободного времени наряду с расширением сети учреждений культуры и повышением уровня образования и материального благосостояния Чувашской АССР создает благоприятные предпосылки для постоянного и активного общения людей с искусством и включения их в культурную деятельность (см. табл. 12).

Как видно, общение с художественной культурой занимает весомую долю свободного времени городского и сельского, чувашского и русского населения. Вместе с тем следует особо отметить несравнимо повышенный (нередко, видимо, и специальный, так сказать, «рабочий») интерес к искусству со стороны представителей творческой интеллигенции. Одним из наиболее распространенных занятий у всех групп является просмотр телевизионных передач и чтение книг. Причем в сельской местности среди чувашей читающих несколько больше, чем среди русских.

Таблица 12. Структура внепроизводственной деятельности чувашей и русских (%) *

Вид занятий в свободное время	Село		Город		Чувашская творческая интеллигенция
	чуваш	русские	чуваш	русские	
Занимаются общественной деятельностью, рационализаторством	3,4	3,0	6,5	7,9	15,4
Повышают свое образование, квалификацию	5,4	3,0	14,0	10,0	56,0
Читают художественную и другую литературу	33,4	25,8	48,0	51,4	72,8
Ходят в театр	2,4	2,8	9,8	8,3	24,6
Занимаются спортом, рыбной ловлей, охотой	9,0	6,7	17,0	18,0	13,8
Посещают кино, клуб, парк культуры и отдыха	20,4	15,3	36,8	33,5	21,5
Смотрят телевизор, слушают радио	64,6	55,8	66,2	70,3	50,8
Ходят в гости, принимают гостей, встречаются с друзьями	34,3	33,0	26,4	23,5	19,5
Посещают ресторан, кафе	0,5	0,6	2,4	2,6	1,5
Просто отдыхают	48,0	48,3	31,0	33,5	10,3
Занимаются домашней работой	87,0	83,4	66,2	72,7	56,9

* По каждому отдельному виду деятельности доли исчислены относительно всей выборочной совокупности. Каждый респондент обычно посвящает свое свободное время нескольким видам занятий.

Следующее по значению культурное времяпрепровождение — посещение клубов, кинотеатров, парков культуры и отдыха, театров, что в большей мере характерно для городских жителей, чем для сельских.

В целом в сходных социально-культурных условиях в структуре внерабочих занятий чувашей и русских практически наблюдаются малосущественные различия. Иначе говоря, разница в показателях культурной активности более всего заметна при сравнении не этнических, а различных социально-профессиональных групп, и особенно сельского населения с городским.

§ 2. О функционировании художественной литературы

История зарождения чувашской оригинальной литературы восходит ко второй половине XVIII в., однако процесс ее формирования начался только во второй половине XIX в. и связан с творчеством видного чувашского историка, этнографа и писателя С. М. Михайлова. Существенную роль в развитии нацио-

Рис. 33. Памятник чувашскому поэту К. В. Иванову в г. Чебоксары

нальной профессиональной литературы сыграла Симбирская чувашская учительская школа, основатель которой И. Я. Яковлев сам занимался литературным творчеством. Не случайно, что его ученики — К. Иванов, М. Федоров, М. Акимов, Т. Семенов (Таэр Тимкки), Н. Шубоссинни и другие — тоже приобщились к художественному творчеству. В дореволюционной чувашской литературе особое место занимает творчество выдающегося поэта-демократа К. В. Иванова — автора лирико-эпической поэмы «Нарспи», изданной в советское время более чем на двадцати языках (рис. 33).

Самые широкие возможности для свободного творческого развития национальная литература получила в советское время. Так как чувашская литература не имела развитой жанрово-стилевой системы, национальные писатели всегда опирались на богатый опыт русской литературы. Это способствовало обновлению тематики, идейного содержания и художественных образов чувашской литературы.

В годы гражданской войны и в период социалистического строительства в чувашской литературе выдвинулись такие мастера художественного слова, как М. Сеспель, Г. Зайцев (Тал-Мрза).

И. Ахах, И. Тхти, Ф. Павлов и др. Литература этого времени была наполнена пафосом революционного пробуждения к новой жизни. Суровость классовой борьбы, героика гражданской войны и строительства нового мира в 1930-е годы нашли отражение в стихах и поэмах С. Эльгера и Н. Шелеби, прозе С. Фомина, В. Краснова-Асли, А. Талвира, М. Данилова-Чалдуна, пьесах П. Осипова и И. Максимова-Кошкинского, сатире Ивана Мучи. Гражданская лирика звучала в поэтических произведениях С. Эльгера, П. Хузангая, В. Митты, Я. Ухсая, А. Петтоки, С. Шавлы и др. В 1934 г. на своем I съезде чувашские писатели объединились в Союз писателей Чувашской АССР.

В годы Отечественной войны чувашская литература вышла за национальные рамки, теснее сблизилась с братскими литературами. Ратные и трудовые подвиги советских людей воспели П. Хузангай (поэма «Таня»), А. Эсхель (поэма «Орел»), М. Уйп (поэма «Мать солдата») и др. О подвиге воинов-патриотов писали прозаики Л. Агаков, В. Алагер, Н. Ильбек.

В послевоенные десятилетия в чувашской литературе видное место занимают эпические жанры. Это произведения «Род Аптрамана» П. Хузангая, «Он бессмертен» С. Эльгера, «Перевал» и «Дед Кельбук» Я. Ухсая, «Тенета» Ф. Уяра, «Черный хлеб» Н. Ильбека, «В огне» В. Краснова-Асли и др. В послевоенные годы чувашская писательская организация пополнилась новыми именами. Это В. Давыдов-Анатри, М. Кибек, А. Артемьев, В. Садай, В. Алендей, Н. Терентьев, В. Харлампьев, Г. Орлов, Ю. Скворцов, А. Емельянов, М. Юхма.

Развитие всех современных жанров национальной литературы приходится на последнее двадцатилетие. Появились многотомные романы. Чувашская драматургия обогатилась пьесами Н. Терентьева, А. Калгана, Л. Родионова и др. В лучших произведениях таких чувашских писателей, как В. Алендей («До земли склоняются ивы», 1969 г.), Ю. Скворцова («Красный мак», 1976 г.), А. Емельянова («Разлив Цивилия», 1960 г.; «Не ради славы», 1976 г.) и других, поставлены серьезные вопросы гражданственности и народности, национального и интернационального, более глубокого исследования человеческих характеров.

Следует отметить, что в истории чувашской литературы главной темой была и остается тема сельской жизни. В то же время для ряда чувашских писателей характерно также стремление художественно воссоздать страницы исторического прошлого родного края и народа. Эта тема весьма развита в чувашской литературе — в таких произведениях, как «Свияга впадает в Волгу» К. Турхана (1960—1967), «Дорога на Москву» М. Юхмы (1966), «Тенета» Ф. Уяра (1964), «Мост» В. Паймена (1960), «Жизнь прожить — не поле перейти» Н. Мраньки (1960), «Семья Эльгевых» П. Осипова (1973).

В некоторых художественно-исторических произведениях (например, Ф. Уяра, М. Юхмы) сделаны попытки выявить некоторые черты психического склада и национального характера чувашей.

Однако нередко национальная специфика бывает сведена только к внешним формам проявления (например, к неверно понятому этнографизму, к неоправданно подробному описанию особенностей быта и т. п.). Наблюдаются и попытки мифотворчества (например, в романе «Цветы Эльби» М. Юхмы созданы вымышленные образы, не соответствующие исторической действительности), проскальзывает иногда и некритическое восхваление патриархальной старины.

Художественное исследование городской жизни, проблем и достижений рабочего класса, научно-технического прогресса в чувашской литературе еще не нашло полного отражения. Теме рабочего класса посвящены лишь отдельные произведения, в частности романы А. Талвира («Фундамент», 1969 г.), Г. Краснова («Молодость не повторяется», 1974 г.).

В настоящее время в республике в тесном содружестве с писателями работают в литературе также более 300 журналистов. Произведения чувашских писателей издаются на страницах республиканских журналов «Ялав» («Знамя»), «Тăван Атăл» («Родная Волга»), «Хатёр пул» («Будь готов!»). В республике из года в год увеличивается выпуск книг. Так в советский период Чувашским книжным издательством выпущено 12 тыс. названий книг общим тиражом более 80 млн экземпляров, из них 56 млн на чувашском языке ¹². В настоящее время за год издается в среднем 180—200 наименований книг и брошюр тиражом 2 млн экземпляров. На чувашском языке в республике издано около 140 трудов В. И. Ленина.

Чувашская литература участвует в интенсивном процессе взаимообогащения советских национальных литератур. В частности, на языках народов СССР за последнее десятилетие изданы десятки книг чувашских писателей. В свою очередь, в Чувашии опубликованы и публикуются произведения русских, украинских, татарских, североосетинских, марийских и других авторов. С 1977 г. ежегодно издается объединенный альманах «Между Волгой и Уралом», публикующий произведения писателей шести автономных республик Урало-Поволжского региона, в том числе и чувашских.

Интерес к книге у чувашских читателей очень велик. Услуги библиотек пользуется большая часть населения республики. При этом в расчете на душу населения здесь приходится меньше книг, чем в среднем по РСФСР, но библиотеки республики выходят из положения за счет быстрой оборачиваемости книжного фонда ¹³. На вопрос о книгах, прочитанных за последние полгода, около половины сельских чувашей и 1/6 часть горожан ответили, что читали преимущественно чувашские книги (см. табл. 13).

Естественно, современный читатель, особенно горожанин, имеющий относительно высокий уровень образования и хорошо владеющий русским языком, в своих читательских вкусах и интересах двуязычен и полиэтничен. Вперемешку с чувашскими он

Таблица 13. Читательские интересы чувашей (%)

Литература	Читали за полгода, предшествовавшие обследованию			Любимые художественные произведения		
	село	город	творческая интеллигенция	село	город	творческая интеллигенция
Зарубежная, народов СССР	13,7	42,8	22,3	13,3	45,0	27,1
Зарубежная, народов СССР, русская и чувашская	7,4	19,0	57,0	9,0	18,5	53,1
Русская и чувашская	32,1	22,0	16,5	33,2	20,8	16,7
Преимущественно чувашская	46,8	16,2	5,2	44,5	15,7	3,1

читает много книг и нечувашских авторов и, понятно, среди своих любимых произведений уверенно называет также их книги.

Авторы исследования априори предполагали, что, поскольку в сельской местности национальную литературу читают больше и чаще, чем в городе, постольку среди сельских жителей должно наблюдаться относительно лучшее знание имен чувашских писателей. Однако полученные данные свидетельствуют об обратном. Как выяснилось, национальных писателей лучше знают горожане. Если в селах 53% опрошенных выявили удовлетворительное знание имен национальных писателей, то в городах его показали около 70% респондентов. Естественно, национальная творческая интеллигенция, значительную часть которой составляют сами мастера художественного слова, отличается еще более высокой степенью компетентности в сфере профессиональной литературы. Чаще всего респонденты называют все же имена и произведения классиков национальной литературы — К. Иванова, М. Сеспеля, П. Хузангая, Я. Ухсая, С. Эльгера, т. е. те имена, которые в определенном смысле стали национальными символами.

Анализ имеющихся данных показывает, что при сравнении соответствующих социально-профессиональных групп сельского и городского населения между селом и городом не обнаруживается сколько-нибудь существенных расхождений. Это подтверждает наличие в различных социально-экологических средах — в селе и городе — в целом одинакового уровня художественно-литературной информированности людей. Интересно и другое: показатели «круг реальных читательских интересов» и «любимых (предпочитаемых) произведений» у чувашей обнаруживают и в разных массивах информации значимые, хотя и несильные, связи с факторами образования. В то же время признаки 104

(чтение книг национальных писателей) и 105 (отношение к национальной литературе — любимые произведения) в существенно большей мере связаны с некоторыми K_p -переменными и группой языковых факторов. В сущности, подтвердилась мысль о том, что «наиболее квалифицированные и образованные группы городского и частично сельского населения... не вполне «удовлетворены» национальными формами профессиональной культуры и предпочитают ее общесоветские источники»¹⁴. И действительно, чем выше у респондентов уровень образования, тем чаще они ориентированы на литературу полиэтническую. Книги только чувашских авторов являются любимыми художественными произведениями в большой мере колхозников и рабочих совхозов (51%) и городских рабочих (26%), чем служащих — и сельских (27%) и городских (8%).

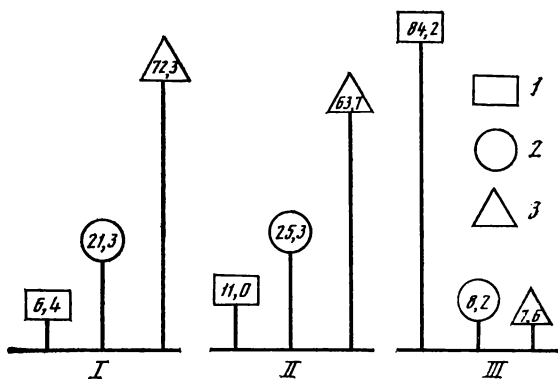
Рассмотрение имеющихся материалов показывает, что для значительной части чувашей-горожан существенным фактором, сдерживающим широкое приобщение к национальной литературе, является недостаточное знание чувашского языка, отсутствие навыков читать и писать на нем. Чувашская молодежь, выросшая в городской среде, особенно в Чебоксарах и Новочебоксарске, обычно знает лишь обиходный чувашский язык. По мнению 41,4% опрошенных городских чувашей в возрасте до 29 лет, они владеют чувашским языком хуже, чем русским, и 31,3% — так же, как и русским. Понятно, что чуваша, владеющие чувашским языком хуже, чем русским, читают книги национальных писателей почти в 3 раза реже, чем те респонденты, которые чувашским языком владеют лучше, чем русским.

Что читают современные чуваша? Сельские жители предпочитают произведения В. Алендея, А. Артемьева, А. Емельянова. Герои их книг — простые сельские труженики. Названные писатели раскрывают проблемы современного чувашского села, происходящие в нем процессы, описывают быт, трудности и радости людей труда. Сельских жителей, особенно женщин, привлекают произведения, созданные в мелодраматическом ключе. Надо отметить, что многие из этих книг, несмотря на тривиальность сюжета, являют собой примеры художественно полноценных произведений, как, например, повесть «Саламби» А. Артемьева.

Большой популярностью среди массового чувашского читателя пользуются произведения с историческим содержанием. Особенно часто респонденты выделяют романы «Тенета» Ф. Уяра, «Жизнь прожить — не поле перейти» Н. Мраньки, «Дорога на Москву» М. Юхмы, «Герои без вести не пропадают» Д. Кибека и др. Исторические произведения отличает подчеркнуто выраженный этнический колорит, так как их авторы весьма широко привлекают этнографический и фольклорный материал. Среди молодежи широко известны, в частности, книги А. Агакова «Золотая цепочка» и «Это было в Дубовке», в которых в остроприключенческой, детективной манере повествуется о героизме советских партизан в годы минувшей войны, о рабо-

Рис. 34. Состав книг в личных библиотеках (этнокультурная ориентация) (чуваши; %):

I — село; II — город; III — творческая интеллигенция; 1 — есть разнообразная — художественная, историческая, краеведческая и т. п. литература (устойчивая этнокультурная ориентация); 2 — есть в основном художественная литература (слабая этнокультурная ориентация); 3 — нет таких книг (неопределенная этнокультурная ориентация)

те органов милиции по выявлению и разоблачению преступной шайки в наши дни.

Значительный интерес чувашских читателей вызывают научные и научно-популярные издания, посвященные истории и культуре родного народа. Показательно, что временами на книги по истории и культуре народа спрос заметно выше, чем на художественные произведения национальных авторов, издающиеся в том числе и на русском языке. Например, выпущенные в 1982 г. «Воспоминания И. Я. Яковлева» разошлись очень быстро и по просьбе читателей пришлось повторить издание. Так же быстро исчезла с прилавков книга В. Димитриева «Чувашские исторические предания» (1983). Можно думать, что определенная часть чувашских читателей, покупая книги такого рода, стремятся удовлетворить потребность в получении новой этнозначимой информации о своем народе. В сознании большинства опрошенных чувашей издания указанного характера приобретают в этническом плане символическое значение. Так, на вопрос о том, что подарили бы приехавшему из другой республики гостю, значительное число респондентов ответило: книгу чувашского автора, альбом о Чувашии, о чувашском народном искусстве.

В приобщении к художественной литературе все большее значение приобретают личные домашние библиотеки. Заметное место в них стали занимать не только художественные произведения, но и книги и издания научно-краеведческого характера (см. рис. 34). Наличие интереса к истории и культуре родного народа в известной мере может послужить основанием для суждений о степени развитости, цельности этнического самосознания этнофоров.

Обращает на себя внимание и тот факт, что литературу о Чувашии и чувашском народе имеет у себя на книжных полках значительная часть и русского населения, что свидетельствует о наличии в сознании проживающих в республике русских интереса к истории и культуре местного края и его коренного населения (рис. 35). Исключительно устойчивый интерес ко всему

Рис. 35. Чувашская поэтесса Ранса Сарби на книжном базаре, Чебоксары, 1985 г.

тому, что имеет отношение к истории и культуре народа-этноса, характерен для представителей национальной творческой интеллигенции.

§ 3. О музыкальном искусстве

В зарождении чувашского профессионального музыкального искусства большую роль также сыграла Симбирская чувашская учительская школа И. Я. Яковлева. Здесь при значительной поддержке русских музыкантов хорошо было организовано музыкальное обучение и воспитание учащихся, что позволило создавать при школе симфонический и духовой оркестры, струнные ансамбли, хоры и т. п. Однако лишь в советское время в Чувашии возникла развитая музыкальная культура, выросли кадры национальных композиторов, музыкантов. Были созданы Государственный ансамбль песни и танца (1924 г.), музыкальное училище (1929 г.), симфонический оркестр (1932 г.), филармония и Дом народного творчества (1936 г.), хор чувашского радио (1943 г.), музыкальный театр (1959 г.), хоровое общество Чувашской АССР (1963 г.), музыкально-педагогический факультет в Чувашском государственном педагогическом институте им. И. Я. Яковлева (1964 г.). Ныне в республике более 40 детских музыкальных школ.

В 1940 г. организуется Союз композиторов Чувашии. Первые национальные композиторы — Ф. Павлов, С. Максимов, Г. Лис-

ков, В. Воробьев, А. Тогаев — большое внимание уделяли творческой обработке музыкального фольклора (гостевых, свадебных, лирических, посиделочных, хороводных и игровых песен), преобразая его в духе требований новой эпохи. В 1928 г. Ф. Павловым была создана фантазия «Сърнай и Палнай» — первое произведение чувашской симфонической музыки. В 1930-е годы первые сочинения крупных форм на чувашском материале были созданы приехавшими из Москвы русскими композиторами В. Кривоносовым (музыкальная комедия «Радость»), И. Люблиным (симфоническая картина «Свадьба») и др.

В военные годы выдвинулись такие молодые чувашские композиторы, как Ф. Лукин, Г. Хирбю, Г. Лебедев и др. Ими написан ряд массовых героико-патриотических и лирических песен, многие из которых исполнялись коллективом Чувашского ансамбля песни и танца во время его гастролей на фронтах Великой Отечественной войны.

В послевоенный период национальное музыкальное искусство насыщается новой тематикой, получают развитие новые жанры и формы музыки: кантаты, оратории, симфонии, оперы, балеты. Создание национальных произведений музыкально-сценических форм связано с творчеством Ф. Васильева (оперы «Шывармань» («Водяная мельница») и «Хамъръял» («Земляки»), балет «Арзюри»), Г. Хирбю (опера «Нарспи»), А. Асламаса (оперы «Священная дубрава», «Сеспель», «Саламби» и др.), А. Орлова-Шузьма (опера «Звездный путь»), А. Васильева (опера «Чакка»), М. Алексеева (балет «Улине»), А. Токарева (балет «Зора»), В. Ходяшева (балет «Чудесная вышивальщица») и др. В последние годы написан также ряд чувашских музыкальных комедий и оперетт.

Основой национальной профессиональной музыки всегда был и остается музыкальный фольклор. Фольклорное направление особенно характерно для современных хоровых произведений (например, «Слакбашские песни» Ф. Васильева). Народная песня служит материалом и для создания сложных музыкальных произведений. В последние два десятилетия особенно большое развитие получила хоровая и массовая песня с современной тематикой. Интересно отметить, что многие из этих песен по музыкально-интонационной форме еще весьма тесно связаны с фольклорной традицией.

Как показало массовое обследование, примерный уровень компетентности чувашского населения в сфере современной национальной музыки нельзя считать полностью удовлетворительным. При опросе половина сельских и треть городских жителей не смогли назвать ни одного чувашского композитора, ни одной национальной оперы, ни одного балета или других современных национальных музыкальных произведений (см. рис. 36). Ясно, что мера распространения в народе профессионального музыкального искусства может и должна быть шире и полнее.

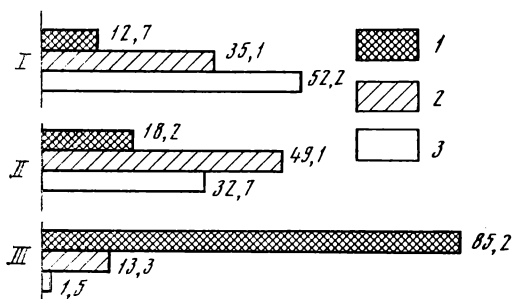

Рис. 36. Знание чувашского профессионального музыкального искусства (чуваши; %):
I — село; II — город; III — творческая интеллигенция: 1 — хорошо знают; 2 — слабо знают; 3 — не знают

Анализ наличных данных свидетельствует о том, что, когда речь идет о K_p -компоненте, прежде всего следует отметить в качестве наиболее важных и основных элементов этой компоненты художественную литературу (п. 103) и музыкальное искусство (п. 108). Они обнаруживают друг с другом достаточно значимую связь. Вместе с тем оба эти признака испытывают ощутимое воздействие факторов образования (п. 9 и 10). Так, в данном случае эта связь прямая: чем выше у этнофоров уровень образования (и соответственно социально-профессиональный статус), тем шире их интересы и кругозор в сфере музыкального искусства, полнее их компетентность в этой области. Например, если среди лиц с высшим образованием хорошо знают национальное музыкальное искусство 49% сельских жителей (в городе 34%), а среди имеющих среднее образование — соответственно 16 и 14%, то среди лиц с образованием не выше 9 классов — только 6 и 9% опрошенных.

Среди композиторов респонденты выделили Ф. Лукина, Г. Хирбю, А. Орлова-Шузьма, А. Асламаса, Г. Лебедева, т. е. в основном авторов-песенников, которые и задают тон в песенном творчестве. Между тем для значительной доли обследованной чувашской молодежи остаются неизвестными серьезные и сложные музыкальные произведения национальных композиторов (симфоническая музыка, опера, балет). Вероятно, здесь сказываются и недостатки в практическом решении проблем музыкального воспитания и пропаганды национальной музыки в общеобразовательных школах республики.

С целью определения этнических предпочтений в области музыкального искусства респондентам было предложено условно составить для Чувашского радио и телевидения программу концерта по заявкам. Как и ожидалось, чем выше образование и моложе возраст опрошенных, тем более разнообразными и сложными выглядят эти заявки. Сельская и городская молодежь проявляет большой, нередко исключительный интерес к легкой эстрадной музыке, популярным советским и зарубежным исполнителям и гораздо меньший — к чувашской народной и профессиональной музыке. Вместе с тем нельзя забывать, что, как от-

мечается в специальных исследованиях, с возрастом у людей сокращается интерес к эстрадной музыке, уступая место страсти к типам музыки, с одной стороны, традиционным, в том числе народным, а с другой — к «серьезным»¹⁵. Даже среди тех, кто прежде предпочитал эстраду, в конце 1970-х годов возрос интерес к фольклорной музыке.

Закономерно, что большинство чувашского сельского населения включают в свои заявки чувашскую музыку, в то время как горожане ориентируются на наборы произведений, имеющие полиэтнический характер. В перспективе, особенно если иметь в виду постоянный и относительно быстрый рост образованности не только городских, но и сельских чувашей, а также расширяющиеся масштабы миграционных и урбанизационных процессов в республике, структура этнических предпочтений чувашского населения в сфере потребления культурных ценностей будет, по-видимому, претерпевать изменения в направлении все большей ее многовариантности, интернационализации.

§ 4. О театральном искусстве

Музыка органически связана с театральнo-сценическим искусством, которое, по справедливому мнению специалистов, обычно особенно насыщено этнической спецификой¹⁶. В республике плодотворно работают несколько профессиональных театральных коллективов: Чувашский и Русский драматические театры, Чувашский музыкальный театр, Театр юного зрителя и Республиканский театр кукол. Особенно любим чувашским зрителем Академический драматический театр им. К. В. Иванова¹⁷.

Национальный профессиональный театр вырос из драмкружка, организованного в 1918 г. в Казани И. С. Максимовым-Кошкинским. В 1921 г. театр после переезда в Чебоксары стал государственным профессиональным учреждением. В 1920—1930-е годы на сцене театра наряду с произведениями классической драматургии широко ставились пьесы чувашских авторов: «Нарспи» по поэме К. В. Иванова, «Айдар» и «Проклятый род» П. Осипова, «Волжские мотивы» и «Земля вздымается» И. С. Максимова-Кошкинского, «Деревня в ветлах» Н. Айзмана и др. Ряд спектаклей этого времени были посвящены показу борьбы за переустройство жизни и быта чувашского народа. В репертуар театра широко включались переводы произведений М. Горького, Н. Погодина, А. Корнейчука и других советских писателей.

Периодом роста художественного мастерства работников чувашского театра стало последнее десятилетие. В 1960—1980-е годы осуществлена постановка ряда высокоидейных и художественно полноценных спектаклей: «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Варвары» М. Горького, «Власть тьмы» Л. Толстого, «Вей ветерок» Я. Райниса, «Тополек мой в красной косынке» Ч. Айтматова, «Трибунал» А. Макаенка, «Человек с ружьем» Н. Пого-

Рис. 37. Народная артистка РСФСР
и Чувашской АССР Нина Григорьева
в роли Нарспи

дина, «Кужар» П. Осипова, «Выйди, выйди за Ивана» Н. Айзмана, «Девушка и земля», «Кукушка все кукует», «Волны бьют о берег», «После молнии — гром» Н. Терентьева, «Хмель» Г. Краснова, «На перепутье» И. Петровой и т. п.

В ордене Трудового Красного Знамени Чувашском драматическом театре выросли талантливые мастера национальной сцены: народные артисты СССР Б. А. Алексеев, А. К. Ургалкин, В. К. Кузьмина, заслуженные артисты РСФСР О. И. Ырзем, Е. Н. Никитин, В. И. Родионов, Н. Г. Григорьева и др. (рис. 37).

В 1959 г. в республике был создан музыкальный театр. В 1960 г. на его сцене осуществлена постановка первой чувашской оперы «Шывармань» («Водяная мельница») В. Васильева.

В последующие годы поставлено немало волнующих оперных спектаклей — «Нарспи» Г. Я. Хирбю, «Чапай» Б. А. Мокроусова, «Хамъръял» («Земляки») Ф. Васильева, «Священная дубрава» А. В. Асламаса, «Чакка» А. Г. Васильева и пр.

Первый балетный спектакль на сцене музыкального театра состоялся в 1967 г. С тех пор в репертуар театра наряду с классикой прочно вошли и национальные балетные спектакли — «Сарпиге», «Арзюри» Ф. С. Васильева, «Чудесная вышивальщица» В. А. Ходяшева. В музыкальном театре выросли и получили известность в народе многие талантливые мастера песенного, оперного и балетного искусства — М. И. Денисов, Т. И. Чумакова, П. Д. Заломнов и др.

Театры и концертные организации республики поддерживают широкие и крепкие связи с производственными коллективами, оказывают шефскую помощь 18 народным театрам и сотням самодеятельных художественных коллективов. В 1981—1983 гг. профессиональными театральными и концертными коллективами республики дано более 13 тыс. представлений, обслужено около 4 млн. зрителей, из них половина — в сельской местности. Ежегодно театральные учреждения республики дают более 5 тыс. спектаклей и обслуживают до 1,2 млн. человек. Профес-

сиональные театры имеют свои филиалы в 5 сельских районах республики.

Все профессиональные театры работают в столице. Жителям других городов и сел остается довольствоваться знакомством с театрами и другими художественными коллективами главным образом при поездках в Чебоксары или в ходе гастрольных поездок театральных трупп. Посещение театра и слушание музыки на концертах — это контакты с искусством во внедомашних условиях, и в этом смысле они имеют целенаправленный и сознательный характер. На вопрос: «Удалось ли Вам побывать за последний год на театральных постановках (спектаклях)?» — положительно ответили среди чувашей 39% сельских и 44% городских жителей (среди русских 12 и 36%) и 88% представителей творческой интеллигенции. При этом у чувашей-горожан (особенно у творческой интеллигенции) ориентация в системе культурных ценностей по понятным причинам носит четко выраженный двуязычный, интернациональный характер. Для сельского жителя не существует проблем выбора театрального спектакля. Это происходит по той причине, что сельский житель смотрит то, что ему столь редко предлагают гастролирующие коллективы. А предлагают постановки только чувашские, которые стремятся посмотреть все — независимо от возраста, пола, образования и социального положения.

Данные об особенностях этнических предпочтений у различных групп городской театральной аудитории приведены в табл. 14.

По мере роста образованности чувашей явно повышается интерес к театру. Аудитория театральных спектаклей все же в основной своей массе состоит из лиц с неполным средним и средним образованием. Впрочем, надо отметить, что образование является одним из факторов, влияющих на приобщение людей к театру. Показательно также, что коренные горожане чувашские спектакли посещают реже, чем недавние выходцы из села. Последних же, мало подготовленных к восприятию серьезной и сложной сценической культуры и менее притязательных, больше привлекают народно-бытовые представления, тем более что чувашские театры включают в свой репертуар чаще всего именно пьесы с народно-эпической, бытовой и фольклорной тематикой.

Несомненно, активность зрителей чувашских театров обуславливается, помимо всего прочего, также и уровнем владения ими чувашским языком (см. табл. 14). Данные настоящего исследования подтверждают, что свободное владение языком обеспечивает широкий доступ к национальному театральному искусству, позволяет понять его глубинные народные пласты.

Сегодняшнего чувашского зрителя национальный театр привлекает не только по этническим («экзотическим») соображениям, как это было еще недавно, т. е. не только тем, что там идет чувашский спектакль. Нынешний зритель стал более требова-

Таблица 14. Посещение театров разными группами чувашского городского населения за 1980 г. (%)

Группа опрошенных	Посетили театр	Из них посетили спектакли		
		только русские	в равной мере русские и чувашские	преимущественно или только чувашские
По образованию				
до 9 классов	30,3	11,1	21,7	67,2
среднее общее	41,9	26,4	21,1	52,5
среднее специальное (техникум)	55,1	32,7	35,5	31,8
высшее, незаконченное высшее	59,9	45,3	27,6	27,1
По продолжительности проживания в городе				
уроженцы города	43,2	69,3	12,1	18,6
приехавшие 10 и более лет назад	40,3	21,6	31,0	47,4
приехавшие менее 10 лет назад	51,4	23,5	26,1	50,4
По уровню владения чувашским языком				
свободно говорят, читают, пишут	43,9	15,7	28,2	56,1
свободно говорят, но не читают и не пишут	40,0	51,1	25,5	23,4
говорят с затруднениями	54,7	70,3	20,3	19,4
понимают, но не говорят	47,7	73,8	22,9	3,3
не владеют	45,7	88,4	11,6	—

тельным, и его уже не удовлетворяет одна лишь национальная форма спектакля. Он ожидает увидеть на театральной сцене подлинное профессиональное искусство, которое поднимало бы волнующие его и близкие ему темы и идеи. Однако и при этом чувашский зритель принимает спектакль не только как явление искусства, но и как определенное достижение национальной профессиональной культуры. С этой точки зрения роль национального театра в художественно-культурной жизни этноса остается весьма существенной.

§ 5. Потребление профессиональной культуры с помощью прессы, телевидения и радиовещания

В таком сложном социальном явлении, как этнические процессы, исключительно важную роль в современную эпоху приобрели средства массовой информации — пресса, телевидение и радиовещание. Новые способы существования и массового распространения информации, в том числе и этнически значимой, оказывают влияние практически на все грани процессов, происходящих как внутри этносов и в сознании этнофоров, так и во взаимоотношениях различных этносов. Средства массовой

Таблица 15. Тиражи республиканских периодических изданий (тыс. экз.)

Издание	1980 г.	1984 г.
Газеты		
«Советская Чувашия» (на рус. яз.)	102	100
«Коммунизм ялаве» («Знамя коммунизма»)	68	60
«Молодой коммунист» (на рус. яз.)	30	37
«Пионер сасси» («Клич пионера»)	40	28,5
Журналы		
«Ялав» («Знамя»)	50	47
«Капкан» («Капкан»)	80	66
«Хатер пул!» («Будь готов!»)	37	24
«Таван Атал» («Родная Волга»)	60	49
«Блокнот агитатора» (на рус. и чуваш. яз.)	12 и 4	16 и 4

информации оказывают непосредственное формирующее воздействие на этническое самосознание.

Одним из важнейших каналов пропаганды нового образа жизни и достижений народной и профессиональной духовной культуры этноса стала пресса. Первая газета на чувашском языке — «Хыпар» («Весть») — стала выходить с 8 января 1906 г. После Октябрьской революции вместо нее в Казани выпускалась газета «Канаш» («Совет»). С 1918 г. стали издаваться вторая чувашская газета «Чухансен сасси» («Голос бедноты») и несколько других чувашских газет и журналов в Казани, Симбирске и Чебоксарах.

С образованием Чувашской автономии были созданы необходимые условия для организации выпуска периодических изданий на чувашском языке. В 1920—1930-е годы выходили газеты «Канаш» («Совет»), «Чăваш коммуни» («Чувашская коммуна»), «Пирĕн ял» («Наша деревня»), «Çамрăк хресчен» («Молодой крестьянин»), «Çамрăк большевик» («Молодой большевик»), множество районных, рабочих, колхозных газет, а также адресованные разным социальным группам и слоям чувашского населения журналы «Ленин сүлĕпе» («По ленинскому пути»), «Чăваш ялĕ» («Чувашская деревня»), «Есхĕрарăмĕ» («Работница»), «Трактор», «Илемлĕ литература» («Художественная литература»).

В настоящее время в республике издается 62 наименования газет и журналов с общим разовым тиражом около 700 тыс. экземпляров (в 1920 г. — 5 тыс., в 1940 г. — 73 тыс.)¹⁸, в том числе печатаются на русском и чувашском языках 4 республиканские газеты, 3 журнала, альманах «Тăван Атăл» («Родная Волга») и «Блокнот агитатора» (см. табл. 15). Ныне в каждой семье выпивают газеты и журналы.

Как видно из табл. 15, одна из наиболее популярных газет — «Советская Чувашия», издаваемая на русском языке. Особенно

много выписывают ее в городах. Да и содержащаяся на ее страницах информация в большей мере рассчитана на городского жителя, так как в газете заметный упор делается именно на рассмотрение проблем развития промышленности, строительства, городского хозяйства, вопросов жилищно-бытового и культурного обслуживания городского населения.

Издаваемая на чувашском языке газета «Коммунизм ялаве» широко распространяется в сельской местности, и не только потому, что сельские чувашки охотнее читают прессу на чувашском языке, но и по той причине, что публикуемые в этой газете материалы в большей мере ориентированы именно на сельского читателя.

В целом если в сельской местности прессу читают в основном (более 60%) как по-чувашски, так и по-русски, то чувашки-горожане предпочитают читать газеты и журналы главным образом на русском языке (около 87%). Следует также учесть, что чувашские сельские районные газеты выписывают практически в каждой сельской семье. Что касается представителей творческой интеллигенции, то они не ограничивают круг чтения только чувашскоязычной прессой, но наряду с достаточно широким ее потреблением активно читают периодику на русском языке.

Анализ показывает, что если в сельской местности ведущими факторами, оказывающими воздействие на характер этноязыковых предпочтений в сфере прессы (п. 107), являются, во-первых, факторы образования (п. 9, 10), а во-вторых, уровень владения русским языком (п. 65), то в городе наиболее сильное влияние остается за фактором 57 («Каким языком — чувашским или русским — лучше владеют»). Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как возраст. На чувашском языке чаще читают люди старших возрастов, в то время как среди молодежи такая ориентация выражена слабее. Эта тенденция в первую очередь выявляется среди жителей села, где среди лиц до 29 лет прессу читают преимущественно на чувашском языке 23% опрошенных, среди 30—49-летних — 47%, среди лиц старше 50 лет — около 60%; в городских условиях она слабо заметна.

Существенна роль журнальной периодики на чувашском языке. Уже сам факт издания журналов на национальном языке объективно свидетельствует о полномасштабном функционировании и развитии профессиональной духовной культуры этноса. Благодаря газетной и журнальной периодике произведения национальной литературы и достижения в других сферах профессиональной культуры становятся достоянием широких кругов народа и, воздействуя на этническое самосознание отдельных людей, создают определенный массовый этнокультурный настрой.

Мощными средствами политического и культурно-эстетического воспитания, источниками массовой информации стали радио и телевидение. Чувашское радио ведет свои передачи с 1932 г. В 1968 г. была завершена полная радиофикация республики. Ныне здесь насчитывается около 350 тыс. радиоприемных

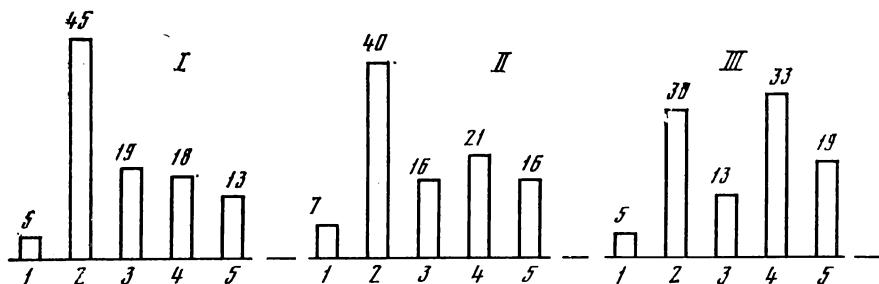

Рис. 38. Отношение чувашей к объему теле- и радиопередач на чувашском языке (%): I — село; II — город; III — творческая интеллигенция; 1 — считают, что передач вполне достаточно, может быть, даже слишком много; 2 — пожалуй, достаточно; 3 — трудно сказать; 4 — пожалуй, маловато; 5 — явно недостаточно, следует увеличить количество передач

точек, ведутся работы по расширению трехпрограммного вещания. Чувашское радио передает свои программы 2,5 часа в сутки. Более половины времени отводится передачам на чувашском языке. Фонотека Дома чувашского радио располагает весьма богатым фондом записей чувашской музыки, фольклора, литературных и других оригинальных материалов.

Чебоксарский телецентр сдан в эксплуатацию в 1961 г. В 1967 г. вступило в строй новое здание аппаратно-студийного комплекса с двумя студиями, что позволило показывать спектакли и концерты больших профессиональных коллективов. С января 1977 г. объем телепрограмм, передаваемых по двум каналам Чебоксарской телестудии, составляет 23 часа в сутки, из них около 2 часов отводится для местной программы¹⁹. Телепрограммы можно принимать на территории, где проживают 90% населения республики.

По данным настоящего исследования, телевизоры имеются теперь в семьях у 76% чувашских и 79% русских респондентов в селах; в городах — соответственно у 88 и 93% респондентов. Массовое распространение телевизоров произвело, особенно в сельской местности, существенные перемены в развитии культурного обслуживания и вообще способствовало подъему общего уровня культуры сельских тружеников республики. Бесспорно, в этом смысле роль телевидения будет возрастать. Вместе с тем имеющиеся в сфере массовой информации возможности не всегда еще реализуются в необходимой мере и с учетом пожеланий массовой аудитории. На вопрос, достаточно ли передач на чувашском языке ведут Чувашские радиостанция и телестудия, положительно ответили не больше половины опрошенных (рис. 38).

Телевидение и радио вносят существенный вклад в увеличение времени пассивного потребления культуры среди всех социально-профессиональных и этнических групп населения. Показатели общего уровня потребления театральной теленформации у чу-

вашей и русских в городах очень сходны; то же самое можно сказать и о представителях этих национальностей в сельской местности. Так, в течение двух-трех месяцев, предшествовавших «моменту» исследования, театральные спектакли смотрели по телевизору и слушали по радио в селе около 62% чувашей и 55% русских, в городе — соответственно 86 и 87%. (Среди представителей чувашской творческой интеллигенции этот показатель равен 93%.) Массовая теле- и радиоаудитория чувашских театральных спектаклей характеризуется тем, что она хорошо знает чувашский язык и отличается относительно невысоким уровнем образования. Напротив, по мере повышения у театральной теле- и радиоаудитории уровня чувашско-русского двуязычия и образования предпочтения приобретают отчетливо выраженный интернациональный характер.

Благодаря радиовещанию и другим радиотехническим средствам сегодня существенно возрастает роль и значение слушания как одной из ведущих форм удовлетворения потребности самых широких слоев населения в разнообразной информации, в том числе и этнически окрашенной. Особенно это касается музыкальных, литературных, театральных передач. В наши дни имеют радиоприемники в своем обиходе 78% респондентов в сельских и 74% в городских чувашских семьях (соответственно 70 и 77% в русских), а проигрывателями и магнитофонами располагают соответственно 24 и 50% респондентов в чувашских и 22 и 53% в русских семьях.

Распространению и пропаганде лучших произведений национальной народной и профессиональной музыки, да и не только музыки, служит также грампластинка. Как было установлено, 40% сельских и 43% городских чувашей имеют в личном пользовании или в фонотеках своих семей грампластинки и магнитофонные записи чувашских народных и современных песен. Они имеются и в некоторых русских семьях. Грампластинки с записями чувашских песен раскупаются очень быстро. И дело здесь не только в том, что в последнее время существенно улучшилось техническое качество записей, но значительно возросло и мастерство исполнителей. В то же время нельзя не отметить, что, по мнению многих опрошенных чувашей, особенно сельских жителей, спрос на грампластинки с чувашскими песнями еще далеко не удовлетворен.

§ 6. К_р-компонента в системе чувашского этноса

По самооценкам информаторов, К_р-компонента в ранжированном ряду компонент в сельском массиве делит с фольклором четвертое и пятое места (25,8%); в городском она занимает второе место после языка (31,2%); в массиве творческой интеллигенции — также второе и тоже после языка (69,1%). По оценкам экспертов-интервьюеров К_р-компонента в сельском массиве занимает шестое место (16,5%), в городском — второе (20,7%), в

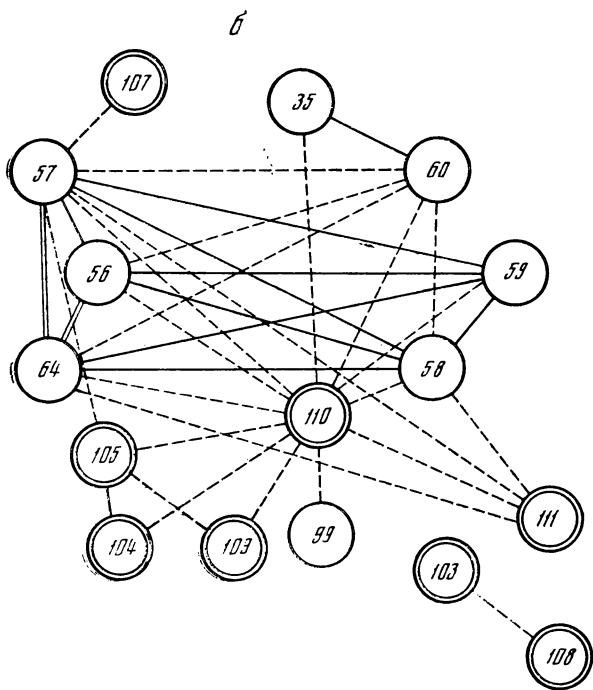
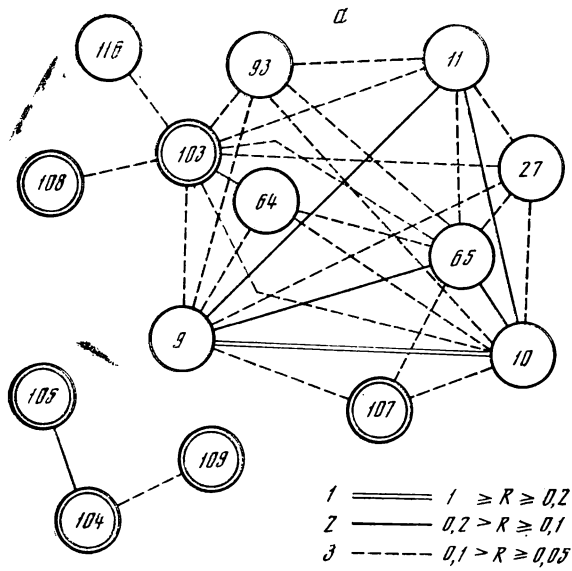
массиве творческой интеллигенции — также второе (60,0%). Таким образом, в порядке размещения K_p -компоненты в ранжированных рядах, исчисленных по самооценкам информаторов и оценкам экспертов-интервьюеров, в сущности, нет расхождений. Вместе с тем имеют место различия в соотношении K_p -компоненты с другими компонентами этноса в рамках разных массивов информации. Если в сельском массиве налицо относительная слабость K_p -компоненты, то в городском массиве и особенно в массиве творческой интеллигенции ее «вес» существен и она совместно с L -компонентой выступает в качестве ведущей.

Определить место и соотносительный «вес» K_p -компоненты в системе этноса можно по реальным значениям информационных мер зависимости, выраженным с помощью построения соответствующих графов (рис. 39; ср. рис. 4).

На графе, построенном на основе сельского массива информации, представлены не все переменные K_p -компоненты, а лишь п. 103 (знание чувашских писателей), п. 107 (репертуар чтения прессы), п. 108 (знание современной национальной профессиональной музыки), п. 109 (отношение к национальной музыке), п. 104 (выбор книги для чтения) и п. 105 (любимые художественные произведения). Характерно, что на этом графе одна из ведущих составляющих K_p -компоненты — п. 103 — имеет тесные и многосторонние связи с демосоциальными факторами — п. 9 (образование в момент обследования), п. 10 (образование в начале трудовой деятельности), п. 11 (СПГ в момент обследования), п. 13 (социально-классовая принадлежность). Иначе говоря, в сельском массиве информации воздействие DS -основания на переменные K_p -компоненты обнаруживает себя в значительной мере и в непосредственной форме.

На городском варианте модели (рис. 39; ср. рис. 4) связи между K_p -компонентой и основанием этноса также существуют, но их значения меньше, и они не нашли отражение на графе. Кроме того, ряд переменных K_p -компоненты обнаруживают существенные связи с сильными языковыми факторами. Ведущее значение языковых факторов для функционирования и развития национальной профессиональной культуры особенно наглядно обнаруживается в графе творческой интеллигенции.

Рассмотрим подробнее частные графы K_p -компоненты чувашского этноса. В его *сельском варианте* (рис. 39а) привлекает внимание сильно сплоченная группа детерминирующих социальных факторов — п. 9 и п. 10, а также сцепленные с ними переменные L -компоненты — п. 64 (степень знания чувашского языка) и п. 65 (степень знания русского языка). Признак 103 находится под воздействием п. 9, 10, 64, 65; он взаимосвязан с п. 27 (структура внепроизводственной деятельности), п. 116 (выбор национального героя) и п. 108. Специфика связей признака 103 заключается в том, что, чем выше уровень образования (п. 9 и 10) у сельских чувашей, тем больше знают они национальных писателей

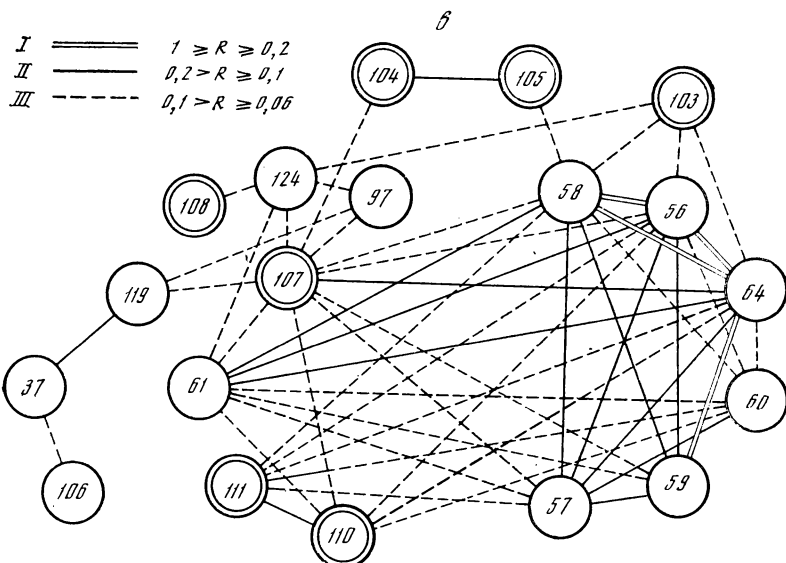

Рис. 39. Профессиональная духовная культура. Модель. Чуваши:

а — село; *б* — город; *в* — творческая интеллигенция; 9 — образование в момент обследования; 10 — образование (старт); 11 — СПС в момент обследования; 27 — структура внепроизводственной деятельности; 35 — национальность супруга (-и); 37 — знание субэтнических групп; 56 — язык детства; 57 — каким языком лучше владеют; 58 — родной язык; 59 — язык обучения в школе; 60 — язык в семье; 61 — язык на работе; 64 — степень знания чувашского языка; 65 — степень знания русского языка; 93 — отношение к религии; 97 — знание сказок; 99 — отношение к народным песням (этнические предпочтения); 103 — знание национальных писателей; 104 — репертуар чтения художественной литературы; 105 — предпочитаемые художественные произведения; 106 — интерес к истории и культуре Чувашии; 107 — репертуар чтения прессы; 108 — знание профессиональной национальной музыки; 109 — отношение к национальной музыке (выбор концерта); 110 — репертуар просмотренных театральных спектаклей; 111 — репертуар радио и ТВ-спектаклей; 116 — знание национальных героев; 119 — знание субэтнических различий; 124 — сфера деятельности (дополнительный выводной фактор в массиве творческой интеллигенции: работа в сфере науки, театре, литературе и т. п.)

(да и литературу в целом); чем лучше владеют они русским языком (п. 65), тем интенсивнее у них выражен бикультурализм.

Логично, что п. 103 коррелирует с п. 116 (знание национальных героев). Национальная литература, заключающая в себе этнозначимую информацию, воздействуя на этническое самосознание, активизирует в людях интерес (если угодно, любопытство) ко всему тому, что имеет отношение к народу-этносу.

В отдельной «связке» располагаются на графе признаки 104, 105 и 109 (отношение к национальной музыке: выбор концерта). Не имея с другими факторами и переменными сильных связей, все эти три признака тем не менее сопряжены друг с другом, что объясняется их однопорядковостью, так как они являются специфическими индикаторами этнической избирательности информаторов в сфере литературы и музыки. Конечно, было бы совершенно неправильно отрицать их связи с другими компонентами

этнoса (особенно с DS- и L-компонентами), они существуют, но их численные значения не слишком высоки.

Городской вариант графа K_p -компоненты имеет некоторые особенности. Его конфигурация и направления нитей связей позволяют отметить, что K_p -переменные здесь расположены более компактно, и в функционировании и развитии национальной профессиональной культуры чувашского этноса в городском массиве первостепенное значение приобретают языковые факторы, в том числе знание чувашского языка (п. 64). В частности, налицо зависимость театральных предпочтений горожан от этноязыкового поведения в семье (п. 60) и ее национального состава (п. 35).

От того, каким языком чуваш-горожанин лучше владеет (п. 57) — чувашским или русским, существенно зависит репертуар чтения газет и журналов на чувашском языке (п. 107).

Наличие четкой согласованности обнаруживается во взаимосвязи признаков 110 и 111, что естественно, так как информаторы, посещающие чувашский театр, относительно чаще интересуются также чувашскими радио- и телепостановками и наоборот. Видимо, признак 110 находится в состоянии взаимовлияния и с фольклорными переменными, во всяком случае с п. 99 (отношение к чувашским народным песням).

Признаки 104, 105, 109, 110 и 111 образуют на городском графе относительно тесно взаимосвязанную группу K_p -переменных. Вместе с тем признак 103 связан только с п. 108. Относительная автономность этой связи (как, впрочем, и п. 104, 105, 109, тесно не связанных с другими компонентами этноса) указывает на то, что современные чуваш-горожане могут и не владея родным языком знать больше национальных писателей и композиторов, чем сельские жители. Кроме того, чуваш-горожане, даже свободно владеющие чувашским языком, могут предпочесть литературу нечувашскую (п. 104 и 105) или же, имея относительно низкое образование, могут выбрать при составлении программы проективного концерта (п. 109) музыку только современную, зарубежную, эстрадную или только чувашскую народную. Легко заметить, что здесь налицо достаточно противоречий, и на них еще придется остановиться.

Рассмотрение связей K_p -переменных между собой при более либеральном критерии их отбора ($R \geq 0,20$) позволяет выявить как в сельском, так и в городском массиве информации наличие определенно выраженных комплексов связей, которые более или менее сходны. В обоих массивах выделяют две группы взаимосвязанных переменных, из которых первая включает п. 103, 108 и 106, а вторая — п. 104, 105, 109, 111, а в городском варианте — также 110. Что касается п. 107 (репертуар чтения прессы), то в городской модели он входит в состав второй группы переменных, а в сельском проявляет значимые связи с переменными обеих групп.

Граф K_p -компоненты *творческой интеллигенции* несколько своеобразен, хотя в целом напоминает городской. Связи здесь отличаются высокими значениями коэффициента. Практически на все обозначенные на графе K_p -переменные оказывает массивное воздействие исключительно сплоченная группа языковых факторов. При этом весьма характерные связи с L -компонентой имеют в отличие от городского графа п. 103, 105 и в особенности 107, 110 и 111.

Таким образом, на всех трех графах «вес» и мера включенности K_p -компоненты в систему чувашского этноса имеют различия. На сельском графе ее сопряженность с другими компонентами представляется еще относительно меньшей, чем в городе. К тому же K_p -компонента в сельских условиях имеет менее развитые и разнообразные формы.

На городском графе, который в известном смысле можно рассматривать как выражение тенденции на перспективу, национальная профессиональная культура производит впечатление интенсивно функционирующей и развивающейся компоненты, отличающейся разветвленной сетью взаимосвязей переменных.

Анализ показал, что гипотеза о наличии достаточно тесных связей между K_p и F -компонентами подтверждается только отчасти (см. главу седьмую, § 1). Специфика, своеобразие современной K_p -компоненты чувашского этноса как раз и заключается в том, что она лишь частично сопряжена рекультурационными связями с F -компонентой, от которой профессиональная культура на ранних стадиях своего развития, по-видимому, находилась в более тесной зависимости. И если на ранних стадиях одним из объективно необходимых условий развития K_p -компоненты было ее органическое единство с национально-традиционной формой (выражаемой, например, тем же языком или же костюмом и т. д.), то в современную эпоху целые сферы профессиональной культуры уже способны развиваться и функционировать не только на основе этнически окрашенных традиций, сюжетов, композиций и т. п. Сегодня в профессиональной духовной культуре чувашского этноса создаются новые национальные традиции, эстетические идеалы и вкусы, рождаются новые формы и символы. И они необязательно связаны только с национальным миром чувашей — они гораздо шире, полнее и богаче, так как являются закономерным следствием нарастающего обмена ценностями во всех областях культуры, межнационального этнокультурного взаимопроникновения.

Именно такая не замыкающаяся в национальных рамках, шагающая в ногу со временем национальная профессиональная культура ближе и понятнее современному чувашу. Это подтверждается и тем, что массового городского читателя-чуваша художественное произведение интересует не столько тем, что оно написано на чувашском языке и о чувашах, а прежде всего тем, что оно написано на актуальную и близкую ему тему. Именно поэтому на графах не всегда можно уловить существенную связь

некоторых K_p -переменных (п. 103, 104 и 105) с языковыми факторами. Плотность связей с последними бывает высокой лишь тогда, когда язык радикально выступает как фактор, способствующий или препятствующий распространению, восприятию (потреблению) ценностей культуры (например, театрального спектакля, радиопередачи).

Подтвердилась гипотеза о наличии интенсивных связей между K_p -и L-компонентами. Оказалась правомерной также постановка гипотезы о роли DS-основания в детерминировании процессов в сфере национальной профессиональной культуры. Нельзя при этом забывать, что влияние DS-компоненты осуществляется не только прямо, но и через опосредствующие факторы.

Одно определенно ясно: воздействие демосоциальных факторов имеет весьма противоречивый характер и это служит еще одним свидетельством чрезвычайной сложности процесса эволюции и функционирования этноса в современных условиях. С одной стороны, более высокое образование, обуславливающее соответственно более свободное владение русским языком, предполагает и более широкую информированность в сфере национальной культуры; с другой же — по мере повышения образования интересы и предпочтения этнофоров приобретают все более полиэтнический, интернациональный характер.

Что же касается собственно динамических тенденций в сфере K_p -компоненты чувашского этноса, то следует отметить, что ее функционирование и развитие на массовом уровне зависит и будет зависеть от DS- и L-факторов. В то же время K_p -компонента сохраняет способность оказывать со своей стороны определенное влияние на процесс формирования массового этнического сознания, благодаря тому, во-первых, что она располагает материально-технической базой для обращения к широким слоям населения, а во-вторых, имеет место возрастающий уровень образованности населения, расширение его интересов и потребностей, кругозора, возможностей межэтнического культурного обмена.

Вместе с тем важно отметить, что мера распространения и потребления ценностей национальной профессиональной культуры будет еще значительное время оставаться неодинаковой в разных этносоциоэкологических средах. В селе произведения национальной художественной культуры пользуются и будут пользоваться относительно широкой популярностью, а в то же время культурные запросы городских чувашей во все большей мере будут иметь полиэтнический, двуязычный (чувашско-русский) характер. Интернационализация художественных вкусов — явление закономерное: «Именно в профессиональных формах культуры межнациональные взаимопроникновения происходят в целом наиболее активно...»²⁰.

Кроме того, ясно, что в перспективе по мере повышения уровня образования сельских жителей мера потребления ценностей национальной культуры (особенно литературы) будет несколько снижаться, в том числе и в сельской местности. Роль фактора

образования и его влияние на К_р-компоненту этноса весьма противоречивы. Например, полученные данные о степени интереса чувашей к истории и культуре своего народа определенно свидетельствуют о том, что как в сельской местности, так и в городе устойчивая ориентация на этнические ценности характерна в большей степени для лиц с высоким уровнем образования, чем с низким. Ясно, что роль образования в этнических процессах нельзя рассматривать (а это иной раз бывает) слишком односторонне, в качестве только фактора, ослабляющего этническое самосознание, этнически окрашенные установки, потребности и интересы людей. Благодаря наличию более высокого образования, помогающего человеку легко и свободно ориентироваться в потоке информации, современный чуваш, в том числе и горожанин, может в крайнем случае и не знать чувашского языка, не читать чувашских книг, не смотреть чувашских передач по телевидению, но быть в состоянии и иметь возможность удовлетворять свою потребность в этнозначимой информации о своем народе за счет знакомства с русскоязычными источниками — литературными, научными, кинофильмами, теле- и радиопередачами и т. д. Помимо того, известно, что для восприятия некоторых видов искусства, например музыки, совсем необязательно знание языка.

* * *

Имеющиеся данные позволяют прийти к следующим заключениям. Задача оптимизации социально-культурных условий для тружеников Чувашии требует для своего разрешения существенного улучшения функционирования социальных институтов культуры. Прежде всего желательно обеспечить оптимальное функционирование национальной литературы, которое может гармонически сочетаться с русско-чувашским бикультурализмом в этой области. Для этого чувашские писатели должны принять во внимание, что в составе чувашского населения ЧАССР более 2/5 уже составляют городские жители, жизнь которых не менее заслуживает художественного исследования и описания, чем жизнь колхозников и рабочих совхозов. Новый этап НТР, переживаемый страной в настоящее время, будет обеспечиваться в самой существенной мере трудом научных работников, инженеров, квалифицированных промышленных рабочих. И они должны стать героями художественных произведений, если задача расширения круга читателей ставится всерьез.

Социальная структура населения Чувашии за последние десятилетия радикально изменилась. Поэтому изменился и «этнографизм» — этнические характеристики отдельных слоев общества. Избыточные псевдоэтнографические описания, сюжеты и формы, наполняющие чувашскую профессиональную художественную культуру, должны уступить место взвешенному анализу современной жизни и современной культуры трудящегося народа. Такого же рода рекомендации могут быть адресованы деятелям

театра, телевидения и радио, создателям музыкальных произведений. Большая часть прессы, в особенности на чувашском языке, неоправданно ориентирована преимущественно на сельского читателя. Регулярная публикация материалов о науке, промышленном развитии, проблемах техники, а также о жизни городов будет способствовать расширению влияния газет и журналов на читательские круги в городе и, кроме того, лучше ознакомит сельских жителей с ходом осуществления научно-технического прогресса.

Радио и телевидение могли бы полнее использовать местные программы для выпуска в эфир большего числа передач с культурным и научным содержанием (театр у микрофона, телеспектакли, результаты социологических, экономических, этнографических исследований, фольклор и т. п.). Слушатели и зрители республики ожидают современной информации, анализа их собственных проблем и поддержки их надежд.

¹ См.: Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 85.

² См.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 368.

³ См.: Современные этнические процессы в Чувашской АССР: Методические указания и рекомендации по программированию, методике и технике организации статистико-этнографического исследования. Чебоксары, 1984. С. 54—55.

⁴ См.: Культурное строительство в Чувашии: Научно-вспомогательный указатель литературы. Чебоксары, 1976.

⁵ См., напр.: Михайлов П. М. Культурная революция в Чувашии. Чебоксары, 1957; Маркелов И. А. Культура возрожденного народа. Чебоксары, 1969; Сергеев Т. С. Социалистическая культура Чувашии. Чебоксары, 1983.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 61.

⁷ Известия, 1928. 16 окт.

⁸ Бромлей Ю. В. Современные проблемы... С. 339.

⁹ См.: Современные этнические процессы в Чувашской АССР. С. 59.

¹⁰ См.: Современные этнические процессы в СССР. С. 384.

¹¹ Бромлей Ю. В. Современные процессы... С. 339.

¹² Чувашской АССР — 60 лет. Чебоксары. С. 287.

¹³ См.: Сергеев Т. С. Социалистическая культура... С. 85.

¹⁴ См.: Современные этнические процессы в Чувашской АССР. С. 58.

¹⁵ См.: Человек в мире искусств. М., 1982. С. 133.

¹⁶ См.: Современные этнические процессы в СССР. С. 408.

¹⁷ Романова Ф. А. Традиции и поиски в актерском искусстве Чувашского академического театра драмы им. К. В. Иванова//Вопросы мастерства в современном чувашском искусстве. Чебоксары, 1981. С. 29.

¹⁸ См.: Сергеев Т. С. Социалистическая культура... С. 85.

¹⁹ См.: Чувашской АССР — 60 лет. С. 290.

²⁰ Бромлей Ю. В. Современные процессы... С. 341.

Русские в Чувашии

(об основном этническом партнере чувашей)

§ 1. Проблемы, уровень изученности, социально-этническая ситуация

Предпринятое в данной книге разностороннее рассмотрение различных аспектов бытия чувашского этноса представляется необходимым дополнить кратким статистико-этнографическим описанием русского населения Чувашии — основного этнического партнера чувашей. Русских, составляющих 26,0% населения ЧАССР¹, следует рассмотреть для того, чтобы яснее представить себе происходящие в республике этносоциальные и этнокультурные процессы и сложившуюся в настоящий момент социально-этническую ситуацию. Кроме того, изучение данной группы населения имеет и самостоятельное значение. Дело в том, что со времени начала этнографических исследований народов Урало-Поволжья, проводимых на основе системно-статистического подхода, впервые подвергается изучению не один из коренных этносов данного региона в пределах своей автономии, а этнотерриториальная группа представителей иного этноса, причем крупнейшего по численности среди народов Советского Союза.

Русское население, проживающее на территории Чувашской АССР, составляет неотъемлемую часть всего русского народа. В то же время оно имеет и свои специфические, локальные особенности по сравнению с русским населением других районов нашей страны. Одним из условий складывания таких особенностей стало проживание в соседстве с чувашами — народом, испытывавшем в прошлом и испытывающем в настоящее время огромное влияние со стороны русских. Диалектический подход тем не менее требует рассмотрения взаимодействия: необходимо наряду с изучением воздействия русских на чувашей исследовать также вопрос о непрерывно воспроизводящемся воздействии (как непосредственном, так и опосредствованном) чувашского народа на различные стороны жизни русских, оказывающем влияние на русский этнос как систему.

Отдельные сведения о материальной и духовной культуре русских на территории современной Чувашской АССР, об их общественном и семейном быте встречаются в некоторых трудах дореволюционных этнографов и краеведов², в рукописях, хранящихся в архиве РГО³ и в архиве В. Н. Тенишева, в казанских и симбирских периодических изданиях. Более подробно в дореволюционной историографии разрабатывались вопросы, связанные с историей края, в частности с его заселением русскими в XVI—XVII вв.⁴

В 1920—1930-е годы нашего столетия материалы по русскому населению привлекались лишь изредка и в основном с целью сравнения⁵. С конца 1940-х годов систематическим изучением русского сельского населения Среднего Поволжья (в том числе и ЧАССР) занимаются этнографы Казанского университета под руководством Е. П. Бусыгина. В опубликованных ими монографиях и многочисленных статьях⁶ освещены история заселения и особенности размещения русских в Чувашии, различные стороны их материальной культуры, вопросы общественного и семейного быта: местные особенности сельской общины, сельская семья, межнациональная брачность, свадебная обрядность. Затрагивались также вопросы взаимовлияния и заимствований русскими отдельных элементов материальной культуры и быта соседних народов, в том числе чувашей.

Для понимания этносоциальных и этнокультурных процессов, происходящих среди рассматриваемой группы населения, важное значение имеют работы по истории Чувашии и различным аспектам ее современного развития⁷.

В целом степень этнографической изученности русского населения Чувашии традиционными методами вполне позволяет подойти к рассмотрению его с точки зрения системного строения этноса.

* * *

Источник XVIII в.⁸ отмечает на территории Среднего Поволжья наличие так называемых русских ясачных селений, основанных, возможно, еще до присоединения края к России. Их население, как отмечают этнографы, в гораздо большей степени, чем основная масса русских, подверглось влиянию со стороны коренных народов края в области материальной культуры, обрядов, языка и др.⁹ Два таких селения находятся на территории нынешней Чувашской АССР (Русская Сорма Аликовского р-на и Можарки Янтиковского р-на). По-видимому, их можно считать старейшими русскими селами в республике. После добровольного вхождения Чувашии в состав Русского государства (середина XVI в.) здесь начинают строиться города¹⁰, идет процесс помещичьей и монастырской колонизации¹¹. Во второй половине XVI—XVII в. возникает большая часть русских сельских поселений, существующих на территории края в наше время.

В настоящий момент около половины всего русского сельского населения республики проживают на юго-западе Чувашской АССР — в Алатырском (за исключением его крайней восточной части) и в Поречском районах. Чувашей в этой зоне живет мало, а второе место по численности занимает мордва. В других районах республики значительная часть русских сельских поселений сосредоточена вблизи городов Чебоксары, Цивильск, Ядрин, Мариинский Посад, Козловка и на юге Шумерлинского р-на, а остальные расположены в различных районах в окружении чуваш-

ских поселений. Кроме того, некоторая часть русских живут в деревнях и селах, где преобладает чувашское население.

Доля русских в общей численности сельского населения ЧАССР постепенно сокращается. Так, согласно данным Всесоюзных переписей населения, эта доля составляла в 1926 г. 16,5%, в 1959 г. — 13,7, в 1979 г. — 9,5%¹². Основная причина этого явления — большая миграционная активность русских по сравнению с чувашами.

В городах, основанных в конце XVI в., на протяжении последующих столетий жило почти исключительно русское население. Появление в числе городских жителей представителей чувашской национальности отмечено лишь во второй половине XIX в.¹³ Значительный рост городов в республике начался в годы первых пятилеток, еще большего размаха этот процесс достиг в послевоенный период. К 1982 г. по сравнению с 1926 г. городское население республики выросло более чем в 14 раз¹⁴, причем приток горожан русской национальности отставал от притока чувашей. В результате в 1970-х годах численность чувашей превысила численность русских среди городского населения республики. Городов с преобладанием русского населения в настоящее время в республике немного. Это Алатырь и Шумерля — два промышленных центра на юго-западе Чувашии, Новочебоксарск, где преобладание русских над чувашами незначительно, а также поселок городского типа Киря в Алатырском р-не. В остальных шести городах, включая Чебоксары, и шести поселках городского типа русские занимают по численности второе место. Значительную часть в общем числе горожан русской национальности составляют мигранты, приехавшие из-за пределов Чувашии (по данным настоящего исследования, 47,9% от числа лиц в возрасте от 16 лет и старше).

Другим источником, пополняющим численность рассматриваемой этнотерриториальной группы, является естественная ассимиляция части чувашского населения. В настоящее время основным каналом этого процесса служат национально-смешанные браки. Как уже отмечалось в литературе, дети от чувашско-русских браков в большинстве случаев выбирают русскую национальность¹⁵. Среди опрошенных в ходе обследования представителей русского населения лица, родившиеся от национально-смешанных браков, составили в городах 9,8%, в селах — более 4%. В большинстве случаев это русско-чувашские браки. (Среди чувашей соответствующие доли составили 4,1% в городах и менее 1% в селах.)

Таким образом, формирование русского населения Чувашской АССР шло на протяжении веков, продолжается в наше время, будет идти и в дальнейшем. Эта группа населения неоднородна по своему происхождению, ее представители живут в различной социально-экологической среде, обладают разными демографическими, социальными, культурными и другими характеристиками.

§ 2. DS-основание и территориальные (Т) характеристики

Прежде чем перейти к анализу результатов исследования по тем массивам информации, которые представляют русское население республики, следует напомнить, что выборка по русским включала 800 горожан и столько же жителей села в возрасте от 16 лет и старше. Необходимо также сделать оговорку, что настоящий анализ не претендует на полноту и исчерпывающее изложение всех вопросов: он касается лишь некоторых моментов, представляющихся наиболее существенными, и включает следующие задачи: 1) рассмотреть наиболее важные особенности внутреннего строения DS-основания, определить его главные составляющие и характер их взаимосвязанности, выяснить роль, которую играют в структуре DS-основания параметры социально-экологической среды; 2) определить место, которое в системе этноса занимают комплексы, представляющие в настоящем исследовании народную материальную культуру, обрядовую жизнь и фольклор русского населения; 3) выяснить степень и характер влияния чувашского языка и различных аспектов чувашской культуры на русских, проанализировать соотношение национального и интернационального в предпочтениях и в сфере потребления профессиональной духовной культуры¹⁶.

Конфигурация графических моделей¹⁷ (рис. 40) определяется степенью сопряженности (теснотой связи) тех характеристик русского сельского и городского населения, которые были выбраны в настоящем исследовании в качестве эмпирических индикаторов. В данном случае эта конфигурация имеет как сходные черты, так и заметные отличия от конфигурации графов, представляющих чувашский этнос.

Характер взаимосвязей между различными эмпирическими индикаторами позволяет выделить в структуре графов несколько относительно сплоченных групп переменных, причем для каждой переменной наибольшая связь реализуется в пределах той же группы. По-видимому, есть основание считать, что этим относительно автономным подсистемам в графической модели соответствуют относительно автономные подсистемы в реальной системе этноса¹⁸.

В отдельных случаях несколько переменных, входящих в какую-либо подсистему, могут оказаться наиболее тесным образом взаимосвязанными и образовать на графической модели своего рода центр подсистем, тогда как остальные переменные в ее конфигурации займут периферийное положение. Такую группу тесно сплоченных переменных можно назвать узлом относительно автономной подсистемы, а сами переменные, входящие в узел,— узловыми переменными (узловыми признаками).

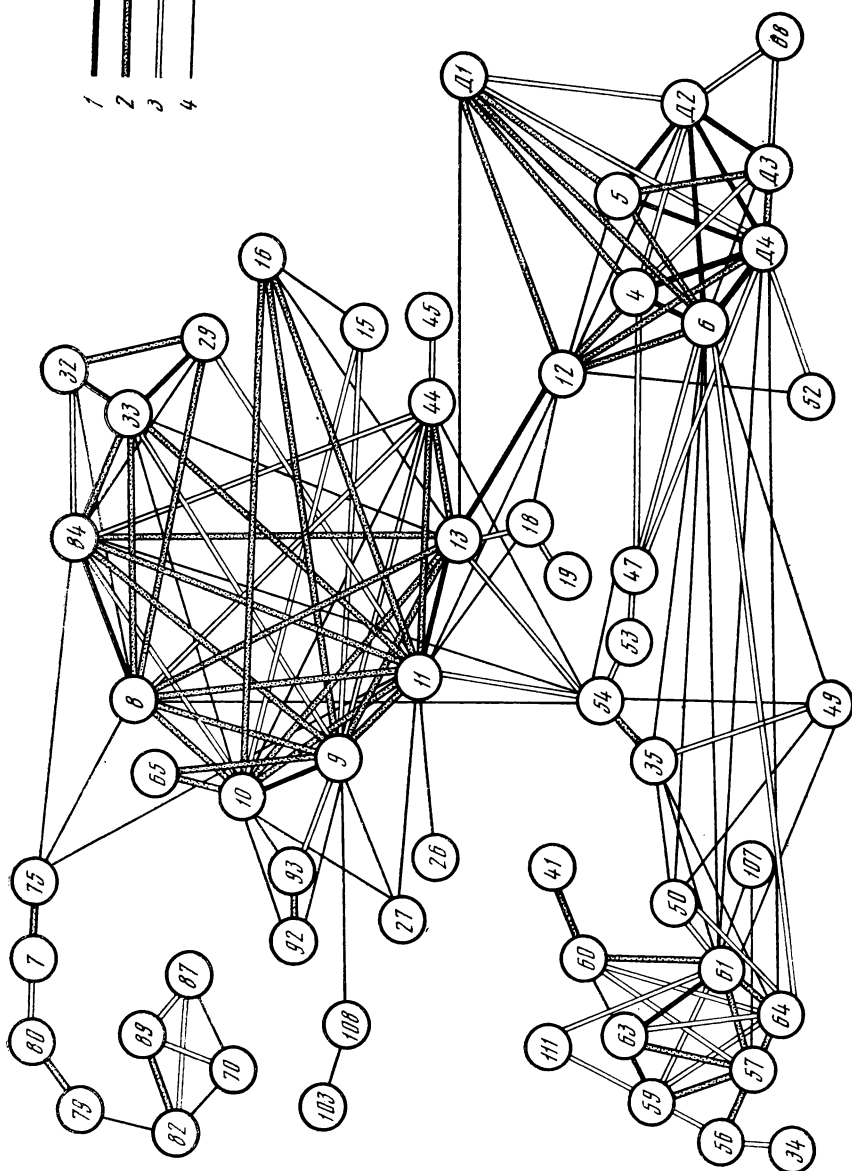
Центральное положение на графах, представляющих русское население, занимает (как и на графах, представляющих чувашский этнос) относительно автономная подсистема, узел которой

включает ряд демографических и социальных переменных, теснейшим образом связанных между собой (DS-основание). Единственное различие в составе узловых переменных в том, что в обеих городских моделях в отличие от обеих сельских присутствует признак 54 (сферы межнациональных контактов) и отсутствует признак 65 (степень знания русского языка; для русских респондентов его, в сущности, следует понимать как грамотность). Центральное положение этого узла в четырех графических моделях отражает тот факт, что функционирование изучаемой части русского этноса как социальной системы в решающей степени детерминирована факторами, относящимися к области материальных условий его существования.

Это означает, во-первых, неразрывную связь между данными переменными. Любое изменение, например, в возрастной структуре рассматриваемой группы населения неизбежно повлекло бы за собой изменения в ее семейной, социально-профессиональной и других структурах. Во-вторых, это означает, что именно данная группа факторов детерминирует «поведение» большого числа социальных и культурных переменных, занимающих периферийное положение относительно данной автономной подсистемы (DS-основания) на графических моделях.

В то же время совпадение узловых переменных вовсе не означает полного совпадения представленных моделями групп населения по классовому, социально-профессиональному или возрастному составу. Русские городской и сельский массивы информации и соответствующие им группы населения существенно отличаются от чувашских, в частности по такому важному показателю, как возрастной состав. Русские — в среднем более «пожилая» группа населения. Так, если среди респондентов-чувашей доля лиц от 50 лет и старше составила в городе 19,6%, а в селе — 40,3%, то среди русских эти показатели доходят соответственно до 27,7 и 58,0%. Доля молодых групп респондентов (от 16 до 29 лет) составляет среди чувашей в городе 38,3%, в селе — 25,4%, среди русских в городе — 30,4%, в селе — 16,2%.

Для того чтобы понять причины этого, необходимо обратить внимание в первую очередь на особенности тех миграционных процессов, в которые было втянуто русское население республики на протяжении ряда десятилетий. Миграция русских — сельских жителей в города стала массовым явлением раньше, чем миграция чувашей. Поэтому в русских селах «потеря» среднего поколения в результате механического движения населения заметнее, чем в чувашских, что, в свою очередь, повлияло на численность молодого поколения. Поэтому отток сельских жителей (как правило, молодого и лишь отчасти среднего возраста) больше сказывается на соотношении возрастных групп в русском селе, чем в чувашском. И в настоящее время русское сельское население в республике убывает быстрее, чем сельское чувашское, причем, помимо миграции, это связано с более низким уровнем смертности у чувашей (вследствие меньшей доли лиц пожилого

- 1 $i \geq R \geq 0.2$
- 2 $0.2 > R \geq 0.1$
- 3 $0.1 > R \geq 0.075$
- 4 $0.075 > R \geq 0.06$

возраста) и более низким, по мнению некоторых демографов¹⁹, уровнем рождаемости у русских.

Значительная часть молодых жителей села русской национальности, мигрировавших в города, переселялась за пределы республики. В то же время в города самой Чувашии, где на новых промышленных предприятиях требовались квалифицированные кадры, прибывали из-за пределов республики мигранты, многие из которых уже имели достаточный опыт и квалификацию и соответственно принадлежали к другой, относительно старшей возрастной группе.

Миграция русского населения в города Чувашии заметно сокращается. Например, согласно результатам проведенного обследования, число прибывших в 1977—1981 гг. меньше числа приехавших в 1972—1976 гг. в 2,4 раза. (Для чувашей соответствующий показатель сократился всего в 1,1 раза.) Кроме того, данные исследования позволяют предположить, что в младших возрастных группах мог начаться отток русского городского населения из республики.

Различия в возрастном составе, как уже говорилось, влекут за собой различия в распределении по другим социально-демографическим параметрам. Например, доля респондентов, занятых в общественном производстве, составляет 70,8% среди живущих в сельской местности чувашей и только 60,1% — среди русского сельского населения. Среди горожан как той, так и другой национальности эта доля одинакова — 81,3%, что объясняется более высоким процентом пенсионеров среди русских и большей долей учащихся среди чувашей. Последнее обстоятельство имеет место благодаря двум причинам. Во-первых, о чем уже сказано,

Рис. 40. Общая структурная модель этноса (русские; село; коэффициент Райского R):
4 — этнографическая зона; 5 — тип населенного пункта; 6 — национальный состав населения; 7 — пол; 8 — возраст; 9 — образование в момент обследования; 10 — образование (старт); 11 — СПС в момент обследования; 12 — сфера приложения труда; 13 — социально-классовая принадлежность; 15 — возраст в начале трудовой деятельности; 16 — СПС (старт); 18 — изменение социально-классовой принадлежности; 19 — изменение социально-профессионального статуса; 26 — общественная деятельность; 27 — структура внепроизводственной деятельности; 29 — семейное положение; 32 — состав семьи; 33 — поколенно-ролевой состав; 34 — национальность родителей; 35 — национальность супруга (-и); 41 — проективный тип школы; 44 — зарплата (индивидуальный доход); 45 — среднедушевой доход в семье; 47 — национальный состав коллектива; 49 — национальность соседей; 50 — национальность друзей; 52 — частота посещения города; 53 — частота межнациональных контактов; 54 — сферы межнациональных контактов; 56 — язык детства; 57 — каким языком лучше владеют; 59 — язык обучения в школе; 60 — язык в семье; 61 — язык на работе; 63 — язык публичных выступлений; 64 — степень знания чувашского языка; 65 — степень знания русского языка; 68 — тип жилища; 70 — знание традиционной одежды; 75 — ремесленно-художественные навыки; 79 — знание традиционных кушаний; 80 — умение готовить традиционные блюда; 82 — знание традиционной свадьбы; 84 — дата свадьбы; 87 — знание родинных обрядов; 89 — знание погребального обряда; 92 — соблюдение религиозных обычаев в семье; 93 — отношение к религии; 103 — знание национальных писателей; 107 — репертуар чтения прессы; 108 — знание профессиональной национальной музыки; 111 — репертуар радио- и ТВ-спектаклей; Д1 — совхоз или колхоз; Д2 — численность населения в поселении; Д3 — динамика численности населения; Д4 — тип отраслевой структуры населения

доля младших возрастных групп у русских ниже. Во-вторых, доля учащихся среди лиц таких возрастных групп также выше у чувашей. Возможно, русские, заканчивающие средние школы в городах республики, чаще, чем чуваша, бывают ориентированы на продолжение образования за ее пределами.

Если в настоящее время горожане — чуваша и русские — занимают примерно равные позиции по уровню образования, то при сохранении нынешней тенденции представители чувашской национальности в ближайшие годы несколько опередят русских по этому показателю, в связи с чем можно ожидать выравнивания позиций двух национальностей по доле работников физического и умственного труда. (По данным опроса, в городе преимущественно физическим трудом занимались 54,4% работающих русских и 60,8% чувашей).

Еще одной особенностью социально-профессионального состава русского сельского населения республики является бóльшая, чем среди проживающих в селах чувашей, доля высококвалифицированных и прочих квалифицированных работников физического труда и меньшая доля неквалифицированных работников физического труда (с чем, по всей видимости, связан и несколько более высокий уровень заработной платы в селе у русских по сравнению с чувашами). При этом распределение живущих в сельской местности представителей двух национальностей по уровню образования в возрастных группах до 40 лет примерно одинаково, а чуваша более пожилого возраста даже опережают русских по этому показателю.

Таким образом, наличие устойчивой, повторяющейся на различных моделях тесной связи между одной и той же парой переменных не означает, что данная взаимосвязь проявляется во всех рассматриваемых моделях тождественным образом.

Распределение опрашиваемых по основным социально-демографическим переменным и характер взаимосвязи между этими переменными различаются в зависимости от социально-экологической среды (город или село), где живут респонденты, в гораздо большей степени, чем в зависимости от их национальности (чуваша или русские). Это справедливо практически для всех узловых переменных относительно автономной подсистемы DS-основания, в частности для возраста (п. 8), уровня образования (п. 9), социальной группы, выделяемой по характеру труда (п. 11), размера среднемесячного заработка (п. 44) и др. Подобное обстоятельство заставляет обратить внимание на важную роль социально-экологической среды как условия протекания этнодемографических, этносоциальных и этнокультурных процессов и рассмотреть данный фактор более подробно.

Как видно на графических моделях, все переменные, характеризующие социально-экологическую (поселенческую) среду²⁰, обнаруживают тесную взаимосвязь. На графе, представляющем русское сельское население, они образуют тесно сплоченную группу переменных, которую, по-видимому, можно рассматривать

как узел относительно автономной подсистемы — территориальной (Т) компоненты. Главным опосредствующим звеном, связывающим узлы относительно автономных подсистем DS и Т, является переменная 12 (сфера приложения труда). При этом втянутость характеристик поселенческой среды в общую конфигурацию модели, представляющей русское сельское население, выражена гораздо сильнее, чем на сельском чувашском графе. На графах, представляющих городское население, поселенческие характеристики занимают изолированное положение, что позволяет сделать вывод о большей дифференцированности социального и демографического состава населения различных сельских поселений по сравнению с городскими.

Удается выяснить, какие именно социально-демографические характеристики русского сельского населения связаны с такими параметрами поселенческой среды, как, например, национальный состав населения (п. 6) и динамика людности (п. Д.-3). Первый из этих признаков проявляет значимую связь со сферой приложения труда (п. 12) ($R=0,117$) и уровнем образования (п. 9) ($R=0,021$). Так, русские, живущие в селах с преобладанием чувашей, имеют в среднем более высокое образование (19% — высшее или незаконченное высшее, 24% — среднее специальное; в селах с преобладающим русским населением — соответственно 1,5 и 6,3%). Половину среди русских, живущих в чувашских селах и занятых в общественном производстве, составляют работники просвещения, культуры, медицины и т. п. (в русских селах они составляют одну восьмую работающих).

С динамикой людности обнаруживают значимые связи такие социально-демографические переменные, как сфера приложения труда (п. 12) ($R=0,047$), социально-классовая принадлежность респондентов (п. 13) ($R=0,025$), среднедушевой доход на одного члена семьи (п. 45) ($R=0,025$) и среднемесячный заработок (п. 44) ($R=0,020$). По данным обследования, в тех поселениях, где численность жителей убывает, в сельском хозяйстве работают 71,8% занятых в общественном производстве, тогда как в растущих поселениях сельским хозяйством занимаются всего 38,7% жителей. Большая часть растущих поселений относится к одной из двух категорий. В первую входят крупные села, которые являются районными центрами либо выполняют функцию местных центров обслуживания²¹. В таких селах большинство занятых населения работают в непроизводственной сфере (в сферах управления, обслуживания, медицины, просвещения, культуры и др.). Ко второй категории относятся сельские поселения, расположенные поблизости от промышленных центров. Жители этих поселений работают в основном в промышленности, в строительстве, на транспорте и на предприятиях связи. Доля лиц, занятых именно в этих сферах народного хозяйства, возрастает в более молодых группах сельского населения (и русских, и чувашей). При этом как среди сельских жителей, так и среди горожан русские чаще, чем чуваша, бывают заняты в ведущих отраслях про-

мышленности (машиностроение, приборостроение, химия, полиграфия) и реже, чем чувашки, работают в других (неведущих) отраслях промышленности, в строительстве и др.

Обращает на себя внимание более высокий уровень заработной платы в селах с растущим населением. Это свидетельствует о том, что уровень материального благосостояния продолжает оставаться важным фактором, влияющим на характер и размеры миграции сельского населения. По данным обследования, поиски лучших условий работы стоят на втором месте (после семейных обстоятельств) в качестве главной причины переезда респондентов русской национальности, мигрировавших в города республики. (Для чувашек эта причина стоит на первом месте.) Поэтому намеченные Продовольственной программой осуществление мер, обеспечивающих «сближение уровня оплаты труда работников сельского хозяйства и промышленности»²², важно не только само по себе, но и как средство, способствующее более стабильному воспроизводству сельского населения и, следовательно, закладывающее основы для надежного решения проблемы сельскохозяйственных трудовых ресурсов в будущем.

Таким образом, распределения русских жителей отдельных сельских поселений по различным социально-демографическим переменным — социально-классовой принадлежности (п. 13), социальной группе, выделяемой по характеру труда (п. 11), уровню образования (п. 9), среднемесячному заработку (п. 44) и др. — варьируют в зависимости от характеристик поселения в большей степени, чем аналогичные распределения чувашек. Это связано с рядом причин. Довольно большая часть русских поселений в отличие от чувашских расположена вблизи городов. Заметно выделяются по своим социальным характеристикам русские, живущие в селах с преобладанием чувашского населения. Наконец, русские села расположены более дисперсно. Они не образуют, как чувашские, сплошного массива на большей части территории республики. Поэтому при проведении каких-либо социальных мероприятий необходимо иметь в виду, что дифференцированный подход к разным типам поселений на практике неизбежно приведет к тому, что интересы групп и категорий русского населения, выделенных по тем или иным социально-демографическим показателям, будут также затронуты в различной степени.

Как видно из графических моделей, в число узловых переменных относительно автономной подсистемы DS-основания не входит один из основных демосоциальных факторов — группировка по полу (п. 7). Однако его изолированное положение относительно. В действительности он связан с другими социально-демографическими переменными на значимых уровнях, хотя и не настолько высоких, чтобы эти связи были отражены на графах. Так, в разных сферах приложения труда и в различных социальных группах, выделяемых по характеру труда, процентное соотношение мужчин и женщин зачастую существенно раз-

личается. Но в целом обособленное от других DS-переменных положение признака 7 в графических моделях, по-видимому, отражает его второстепенную роль в качестве одного из факторов, определяющих DS-структуру как чувашского этноса, так и русского населения республики.

Таким образом, в системе DS-переменных на графических моделях можно выделить два «субоснования»: основные демо-социальные переменные (первый узел относительно автономной подсистемы, т. е. DS-основание), поселенческие характеристики (второй узел относительно автономной подсистемы — группа Т-компоненты).

В «сферу влияния» факторов, образующих эти «субоснования», входят также социальные переменные, занимающие в системе DS-основания периферийное положение. Так, например, участие в общественной работе (п. 26) зависит, как оказалось, в первую очередь от СПГ опрашиваемого, выделяемой по характеру труда (п. 11), а структура его внепроизводственной деятельности (п. 27) — от уровня образования (п. 9).

Целесообразно рассмотреть с этой точки зрения, какое место в системе DS-основания занимают переменная 52, характеризующая уровень маятниковой миграции — вопросы инструментария: «Как часто Вы бываете в городе?» (для жителей села) и «Как часто Вы бываете в селе?» (для горожан) и переменная 43 (планы респондента в отношении приусадебного подсобного хозяйства, дачи, сада-огорода). Иначе говоря, можно попытаться выяснить, в «сферу влияния» каких факторов попадают эти две переменные.

Частота поездок сельских жителей в города в наибольшей степени связана с поселенческой характеристикой Д-4 (тип отраслевой структуры населения) ($R=0,076$). Наиболее часто города посещают жители тех населенных пунктов, где большинство населения занято в промышленности, в строительстве, на транспорте и на предприятиях связи. Ежедневно в городах бывают 68% жителей этих сел и только 3,5% жителей сельских поселений других типов. Однако работа в одной из перечисленных сфер труда вовсе не обязательно связана с частыми поездками в город. Лишь респонденты, занятые в ведущих отраслях промышленности, в 89% случаев бывают в городе каждый день. Но среди тех, кто работает в остальных сферах (другие отрасли промышленности, строительство, транспорт, связь), таких насчитывается лишь 46%. Среди прочих жителей села эта доля значительно ниже. Анализ таблицы сопряженности признаков 52 (частота посещения города) и 8 (возраст) ($R=0,039$) показывает, что даже лица в возрасте от 20 до 39 лет в 37% случаев посещают города реже, чем один раз в месяц, а респонденты других возрастных групп предпринимают такие поездки еще реже.

Следовательно, налицо, с одной стороны, миграция из сел в города и, как следствие, затруднение с трудовыми ресурсами

в сезон, когда выполняются основные сельскохозяйственные работы, а с другой — наличие в селе значительных контингентов рабочей силы в зимний период, когда потребность в ней существенно меньше. Это противоречие, возможно, удалось бы разрешить, если бы сельскохозяйственные и промышленные предприятия имели возможность, как уже предлагалось в печати²³, строить отношения на устойчивой договорной основе, предусматривающей взаимопомощь трудовыми ресурсами (город помогает селу во время проведения основных сельскохозяйственных кампаний, село городу — в зимний период), что должно также согласовываться с более гибким планированием работы промышленного предприятия в течение года. Помимо решения экономических задач, такая взаимопомощь способствовала бы повышению квалификации жителей села (чья трудовая деятельность в городе начиналась бы с обучения рабочей профессии) и их общего культурного уровня, а также, если принять во внимание полиэтничность населения республики, привела бы к усилению межэтнических связей и отношений на личностном уровне.

Городские жители русской национальности также, как правило, бывают в селах сравнительно редко, во всяком случае реже, чем чуваши. Лишь 19,7% русских горожан посещают села раз в месяц и чаще (среди горожан-чувашей этот показатель равен 40,2%). Наибольшую связь в русском городском массиве этот показатель имеет с ролевой функцией респондента в семье (п. 33): чаще всего села посещают молодые одиночки и члены брачных пар с несовершеннолетними детьми. Очевидно, в большинстве случаев это поездки к живущим в сельской местности родителям или другим родственникам.

С ролевой функцией респондента в семье (п. 33) оказались в существенной степени связанными и планы опрашиваемых в отношении подсобного хозяйства (п. 43). Наибольшую активность в этом отношении в селе проявили члены брачных пар с несовершеннолетними детьми и члены молодых брачных пар, еще не имеющие детей. Представители этих категорий чаще, чем остальные респонденты, высказывали желание расширить свое личное подсобное хозяйство, а те из них, у кого нет такого хозяйства, в большинстве случаев хотели бы его иметь (среди других категорий опрошенных таких оказалось гораздо меньше).

В городе желание расширить подсобное хозяйство нередко высказывали также и пожилые респонденты. Однако если говорить о тех горожанах, которые не имеют своего подсобного хозяйства, а таких в городах насчитывается 63% (в селе всего 7%), то среди них желание иметь личное хозяйство, как и в селе, чаще всего проявляли члены брачных пар с несовершеннолетними детьми, значительно опережающие в этом отношении остальные категории опрошенных. Стремление именно этой группы населения к развитию индивидуального подсобного хо-

зяйства свидетельствует о наличии существенных резервов в этом вопросе. Соответствующие общественные и государственные организации должны идти навстречу пожеланиям трудящихся, выделяя им участки для ведения подсобного хозяйства.

§ 3. Культура и быт: связи и детерминация

Существенно выяснить, какое место в жизни русского населения Чувашии занимают культура и быт исторически «нижнего» слоя (их традиционные аспекты), какие их стороны испытывают наиболее сильное детерминирующее воздействие со стороны DS-основания, а какие проявляют известную самостоятельность в рамках системы — особой региональной части русского этноса.

Как уже известно читателю, традиционные (народные) культура и быт представлены в данном исследовании рядом комплексов, относящихся к сферам материальной культуры, обрядовой жизни и фольклора, причем материалы обследования, относящиеся к этим комплексам, отражают три аспекта: компетентность респондентов по поводу данного комплекса (знание), меру его распространенности (бытование) и отношение к этому комплексу со стороны опрошенных.

Сложившаяся в настоящее время среди русского сельского населения ситуация имеет как сходные черты, так и некоторые отличия от той картины, которая наблюдается среди чувашей. Анализ простых (одномерных) распределений по большинству переменных, характеризующих обрядовую жизнь, а также такие сферы материальной культуры, как жилище и утварь, показывают, что эти переменные «ведут себя» в различных социально-экологических средах (город или село) совершенно поразному. Для представителей двух национальностей, живущих в одной социально-экологической среде, отличия менее существенны, хотя русские, как правило, несколько менее полно, чем чуваша, бывают осведомлены о традиционных формах культуры, несколько реже на них ориентируются и т. п.

Обращает на себя внимание, что около четверти респондентов (как в селе, так и в городе) считают, что современный гражданский обряд бракосочетания следует дополнять элементами традиционной русской свадьбы, а примерно половина городских респондентов высказываются за современную гражданскую родинную обрядность, развитие которой фактически еще только начинается.

В некоторых сферах материальной культуры среди русских в отличие от представителей чувашской национальности не наблюдается значительного расхождения в распределении ответов между сельскими и городскими респондентами. Так, если у чувашей-горожан национальные блюда на столе бывают в среднем реже, чем у сельских жителей, а доля лиц, умеющих готовить такие блюда, ниже, чем в селе, то среди русских, живу-

щих в различных социально-экологических средах, ситуация приблизительно одинакова. Это происходит, видимо, потому, что многие русские национальные кушания превратились, по существу, в блюда современной общесоветской кухни. Кроме того, ряд блюд, заимствованных из рациона питания других народов, воспринимаются сейчас представителями русского этноса как свои национальные кушания. Поэтому даже некоторая перемена в рационе питания при переезде из сельской местности в город не осознается русскими этнофорами как отказ от национальной кухни.

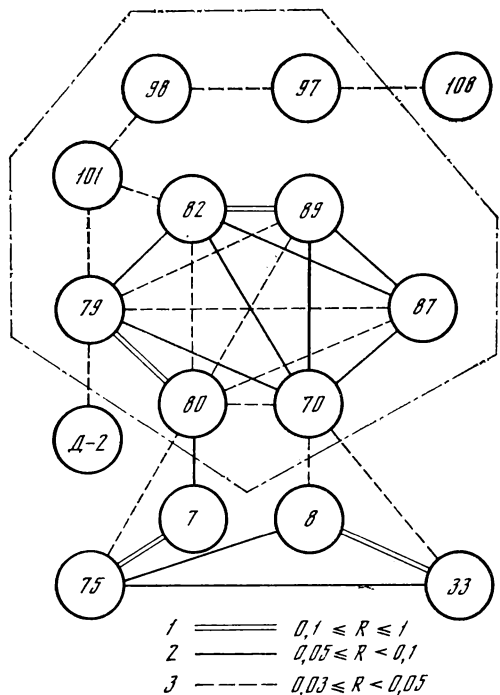
Вызывает интерес распределение ответов на вопрос инструментария об умении ткать, вышивать или плести кружева, вырезать по дереву и т. п. Городское русское население по сравнению с сельским характеризуется более высокой долей лиц, умеющих вышивать или плести кружева, и более низким процентом этнофоров, которые могли бы ткать и шить традиционную народную одежду. При этом доля русских респондентов, владеющих по крайней мере одним из этих видов народного прикладного искусства, оказалась почти одинаковой в селе и в городе (соответственно 54,9 и 53,2%; среди чувашей эти показатели достигают 71,2 и 58,5%). По-видимому, существуют определенные резервы, которые можно было бы использовать для развития народных промыслов.

Что касается такой сферы материальной культуры, как одежда, то хотя у русских в отличие от чувашей народный костюм практически повсеместно вышел из употребления, однако представление о нем еще сохранилось среди определенной части населения, в особенности сельского.

Ситуация в сфере фольклора существенным образом отличается от той, которая сложилась в области материальной культуры и обрядовой жизни: наряду с угасанием традиции в этой сфере идет интенсивный процесс рекультурации (удержания фольклорных форм средствами профессиональной культуры). Если среди чувашей сельские жители проявляют несколько более высокую компетентность в вопросах фольклора по сравнению с городскими, то русские горожане, как правило, знают народные песни и танцы и в особенности сказки и предания лучше, чем жители села той же национальности. К тому же даже те из русских жителей села, кто показал наиболее хорошее знание народных сказок, называли, как правило, те сказки, которые чаще всего публикуются массовым тиражом, передаются по радио и т. п. Лишь в двух случаях интервьюеры имели возможность записать оригинальный фольклорный текст²⁴. Песенный и танцевальный фольклор, по-видимому, продолжает оставаться для сельских жителей более актуальным, чем сказочный. Во всяком случае, в заполненных вопросниках неоднократно встречаются названия или тексты песен, не принадлежащих к числу наиболее передаваемых средствами массовой информации.

Рис. 41. Относительно автономная подсистема: знание традиционной культуры и быта (русские; село; коэффициент Райского R):

7 — пол; 8 — возраст; 33 — поколенно-ролевой состав; 70 — знание традиционной одежды; 75 — ремесленно-художественные навыки; 79 — знание традиционных кушаний; 80 — умение готовить традиционные блюда; 82 — знание традиционной свадьбы; 87 — знание родинных обрядов; 89 — знание погребального обряда; 97 — знание сказок и преданий; 98 — знание народных песен; 101 — знание народных танцев; 108 — знание профессиональной национальной музыки; Д2 — численность населения в поселении

Несмотря на то что в составе городского населения русские знают свой фольклор в среднем лучше, чем чуваши, в таком виде народного творчества, как художественная самодеятельность, городские чуваши участвуют несколько активнее русских. Это означает, что для развития художественной самодеятельности среди русского населения городов существуют определенные резервы.

Результаты исследования показывают, что признаки, характеризующие традиционную народную культуру с точки зрения трех информационных аспектов (знания, бытования и отношения), ведут себя неодинаково. Так, переменные, выражающие знание народной материальной культуры и обрядов (см. рис. 41), тесно коррелируют между собой и обычно в гораздо меньшей степени связаны либо вовсе на значимых уровнях не связаны с другими факторами. В эту группу входят такие признаки, как знание народной одежды (п. 70), национальных кушаний (п. 79) и умение их готовить (п. 80), знание свадебных (п. 82), родинных (п. 87) и похоронных обрядов (п. 89). Это означает, что информаторы, показавшие хорошее знание какого-либо одного из перечисленных комплексов, скажем народной одежды, чаще оказываются знатоками и других вопросов, например, свадебного ритуала.

В русских массивах информации (городском и сельском) в ряде случаев можно отметить значимую связь переменных этой группы с отдельными социально-демографическими показателями, в первую очередь с возрастом (п. 8) и с ролевой функцией респондента в семье (п. 33). Однако теснота связи признаков, входящих в рассматриваемую группу, между собой практически во всех случаях значительно выше уровня их связи с социально-демографическими переменными, что позволяет считать данную тесно сплоченную группу признаков относительно автономной субсистемой в системе этноса.

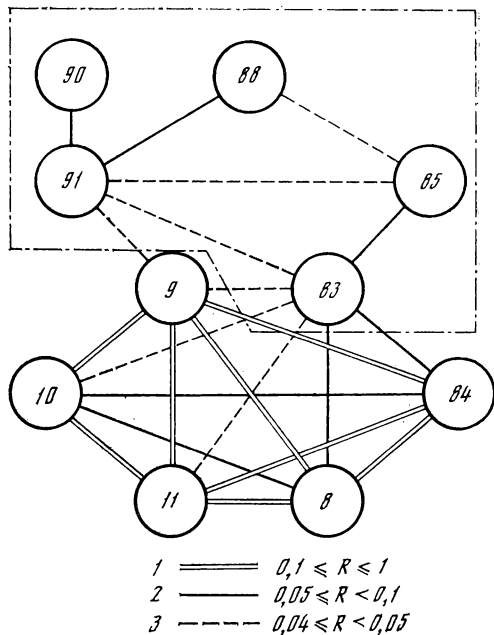
Несколько своеобразное положение по отношению к этой субсистеме занимают переменные, характеризующие знание респондентами фольклора. Связь знания народных песен (п. 98) и знания народных танцев (п. 101) с другими переменными этой субсистемы выражена менее интенсивно. Эти два признака занимают в ней периферийное положение, особенно заметное в русском городском массиве. Знание народных сказок и преданий (п. 97) связано с признаком 98, а в городском массиве и со 101-м, однако наиболее интенсивно переменная 97 в обоих массивах коррелирует с одной из переменных, находящейся в сильной зависимости от социально-демографических параметров, — знанием современной русской профессиональной музыки (п. 108). В русском сельском массиве наблюдается значимая связь знания народных сказок и преданий и с такими характеристиками, как образование (п. 9) и социальная группа, выделяемая по характеру труда (п. 11), причем среди русских — жителей села не знают народных сказок 67% лиц, имеющих начальное образование, 40% имеющих среднее образование и только 6% лиц с высшим и незаконченным высшим образованием. Это говорит о том, что рекультивируемые элементы зачастую в наибольшей степени осваиваются группами, более продвинутыми в социальном отношении.

Переменные, характеризующие степень распространенности культурно-бытовых комплексов и отношение к ним со стороны этнофоров (рис. 42), ведут себя иначе, чем показатели компетентности. Эти переменные обычно объединены в несколько сплоченных групп, однако такие группы не образуют относительно автономной субсистемы, часто оказываются связанными с социально-демографическими характеристиками, а иногда обнаруживают наиболее сильную связь с переменными, отражающими знание традиционной культуры, и, по существу, входят в относительно автономную субсистему, о которой шла речь выше.

Возраст (п. 8), группировка по полу (п. 7), образование (п. 9), ролевая функция респондента в семье (п. 33), социальная группа, выделяемая по характеру труда — СПГ (п. 11), и другие демосоциальные показатели обычно обнаруживают связь с распространенностью таких явлений материальной культуры и обрядовой жизни, в которых в значительной степени проявляется индивидуальное поведение этнофора. Им соответ-

Рис. 42. Бытование семейных обрядов и отношение к ним (русские; село; коэффициент Райского R):

8 — возраст; 9 — образование в момент обследования; 10 — образование (старт); 11 — СПС в момент обследования; 83 — тип реальной свадьбы; 84 — дата свадьбы; 85 — тип проективной свадьбы; 88 — отношение к родинным обрядам; 90 — соблюдение погребальных обрядов; 91 — отношение к погребальным обрядам

ствуют, например, следующие вопросы инструментария: «Как Вы были одеты на Вашей свадьбе?» (п. 73), «Какая у Вас была свадьба?» (п. 83). В то же время, как правило, не отмечается значимых связей социально-демографических характеристик с распространенностью тех явлений культуры, где индивидуальное поведение опрашиваемого проявляется в гораздо меньшей степени (например, наличие предметов народной одежды (п. 71) или тип похоронного обряда, в котором принимал участие респондент (п. 90). (Практически во всех случаях наблюдается значимая связь демосоциальных переменных с показателями, характеризующими отношение респондентов к традиционной народной культуре: проективный тип одежды на свадьбе (п. 74), тип проективной свадьбы (п. 85), отношение к родинным (п. 88) и похоронным обрядам (п. 91).)

Таким образом, признаки, характеризующие компетентность этнофоров по поводу различных сторон народной материальной культуры и обрядовой жизни, выделяются в относительно автономную подсистему, а их связь с распространенностью явлений народной культуры и обрядовой жизни и с отношением к этим явлениям проявляется нерегулярно. Уловить какую-либо закономерность в отношении наличия или отсутствия взаимосвязи между этими группами переменных довольно трудно. В самом деле, хорошее знание респондентом свадебных обрядов еще не означает, что его собственная свадьба проходила с полным соблюдением всех известных ему элементов ритуала. В то же время если какие-либо обряды и соблюдались на свадьбе опраши-

ваемого, то с течением времени он мог забыть их подробности, а мог и вообще не особенно интересоваться этим вопросом. Компетентность информатора в большой степени зависит от его жизненного опыта, в свою очередь связанного с определенными аспектами социальной активности, от наличия интереса к данному предмету, от внимательности и наблюдательности информатора, от хорошей памяти. Кроме личных качеств и индивидуального опыта, важную роль играют также особенности той микросреды, которая окружала информатора на протяжении его жизни. Некоторое снижение знания этих вопросов среди более молодых респондентов не очень значительно и не идет ни в какое сравнение с динамикой реальной распространенности различных типов свадебных ритуалов. Итак, в данном случае сознание этнофоров, в котором аккумулируется их жизненный опыт, несколько отстает от реального бытия этноса.

Поведение переменных, характеризующих уровень знания или степень распространенности народной материальной культуры, иногда отличается от общего правила. Например, тип жилища (п. 68) оказывается в наибольшей степени связанным с поселенческими характеристиками, а владение ремесленно-художественными навыками (п. 75) проявляет значительную связь с DS-переменными (в первую очередь с группировкой по полу), с признаками, входящими в культурно-бытовую, относительно автономную субсистему, и с большим количеством других переменных, относящихся к различным компонентам этноса.

Постепенная утрата элементов, принадлежащих к исторически «нижнему» слою культуры, как известно, сопровождается все большим распространением тех элементов культуры, которые представляют ее исторически «верхний» слой (например, промышленно-индустриальный слой в сфере материальной культуры). Взаимодействие этих двух слоев — явление довольно сложное. Прямой связи между этими двумя процессами нет, взаимосвязь между ними во многих случаях существует лишь косвенная, опосредствованная, внутренне противоречивая. Можно рассмотреть следующий факт. Распространенность предметов домашнего обихода, принадлежащих к разным слоям культуры, фиксировалась в инструментарии исследования с помощью признаков 69 (бытование традиционной утвари) и 78 (бытование предметов индустриальной культуры). Уровень взаимосвязи между этими двумя переменными в русском сельском массиве оказался весьма низким ($R=0,003$). Более того, выяснилось, что эти два признака детерминируются различными социальными характеристиками. Так, переменная 69 зависит прежде всего от поселенческой среды, точнее, от такого ее признака, как тип отраслевой структуры населения (п. Д-4). Менее всего традиционная утварь распространена в тех деревнях и селах, где большинство населения работает в промышленности, в строительстве, на транспорте и на предприятиях связи. В свою очередь, признак 78 сильнее всего связан с основными

демосоциальными переменными, причем в первую очередь — с размером среднемесячного заработка (п. 44). Заметим, что в городе, где реальные доходы населения выше, наличие современных предметов обихода (п. 78) в наибольшей степени зависит от переменных 32 (состав семьи) и 33 (ролевая функция респондента в семье).

Естественно, процессы, протекающие в сфере культуры и быта, детерминированы, пусть не прямо, а опосредствованно, изменениями, происходящими в социальной сфере. Приведенный факт, однако, показывает, что утрата традиционных элементов культуры, с одной стороны, и распространение элементов ее исторически «верхнего» слоя — с другой, могут испытывать преимущественное воздействие факторов, относящихся к различным аспектам социальной структуры, и, следовательно, говорить о простом вытеснении «старых» элементов «новыми» было бы неверно.

§ 4. Взаимодействие: культура чувашей в русской среде

Рассматриваемая этнотерриториальная группа — русские в Чувашии — функционирует в условиях взаимодействия с численно преобладающей чувашской национальностью. По доле русских в составе населения Чувашская АССР стоит на предпоследнем месте среди 16 автономных республик Российской Федерации. По этой причине можно ожидать, что в данном случае окажется довольно заметным языковое и культурное влияние коренного населения на русских, которое, вообще говоря, имеет место всегда, когда русский этнос оказывается вовлеченным в устойчивое и длительное взаимодействие с каким-либо другим народом. Об этом, в частности, говорит и тот факт, что, хотя среди русского населения Чувашии лишь относительно немногие владеют языком коренной национальности, все же по этому показателю рассматриваемая этнотерриториальная группа опережает русское население всех остальных автономных республик, входящих в состав РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., 2,7% русских, проживающих в республике, называют чувашский язык в качестве второго языка, которым они владеют свободно, и еще 0,2% считают его родным²⁵.

Проведенное обследование, ориентированное на более детальное выяснение вопроса об уровне владения языком, показало, что доля русских (в возрасте от 16 лет и старше), в той или иной степени знающих чувашский язык, несколько больше: 8,6 русских, живущих в селах ЧАССР, умеют говорить по-чувашски (свободно или с затруднением), 5,8% понимают чувашскую речь, но сами не говорят на этом языке. Уровень реального употребления чувашского языка тем не менее заметно ниже. В селе чувашский язык употребляют на производстве 5,3%, в публичных выступлениях — 2,8, в семье — 2,4% русских, при-

Таблица 16. Степень интереса респондентов русской национальности, проявленная к чувашской культуре (%)

Стороны культуры, к которым проявлен интерес	Село	Город
Чувашские народные песни	11,1	15,0
Грампластинки с записями чувашских песен	7,8	9,7
Чувашские народные танцы	13,3	19,6
Произведения четырех и более чувашских писателей	5,6	22,1
Литературные произведения чувашских авторов читали за полгода, предшествовавшие обследованию	9,0	11,5
Литературные произведения чувашских авторов в числе любимых книг	6,0	5,3
Книги по истории и культуре Чувашии и чувашского народа	13,5	27,4
Музыкальные произведения чувашских композиторов	4,6	5,7
Чувашские спектакли в театре (доме культуры, клубе)	17,6	11,1
Чувашские спектакли, виденные по телевизору	7,9	7,8
Считают недостаточным число передач Чувашского радио и телевидения на чувашском языке	3,9	4,8
Считают, что местная промышленность выпускает недостаточное количество товаров, изготовленных в традиционном чувашском стиле	15,2	25,6

чем почти все они говорят в этих случаях и по-чувашски, и по-русски.

В городах республики несколько больше доля русских респондентов, владеющих чувашским языком с детства (3,4%; в селе их 1,5%). Большой процент горожан также владеют чувашским пассивно (9,8% понимают чувашскую речь, но сами не говорят, 6,6% умеют говорить по-чувашски). Однако уровень употребления русскими этого языка в городской среде ниже, чем в селе (1,6% в семейной сфере и столько же на производстве). Тем не менее определенный интерес к языку национальности, составляющей большинство населения республики, среди русских сохранится и, возможно, даже несколько возрастет. В 1979 г. по сравнению с 1970 г. среди русских — жителей села в ЧАССР отмечено некоторое увеличение доли лиц, свободно владеющих чувашским языком. В связи с «коренизацией» городского населения интерес к этому языку может возрасти и у русских-горожан. Показательно, что, когда в 1981 г. Чувашским книжным издательством был выпущен «Русско-чувашско-венгерский разговорник»²⁶, тираж этой книги быстро разошелся. Ранее русско-чувашские разговорники не издавались. Никогда не выпускался и учебник чувашского языка для русских. Есть основание полагать, что издание такого учебника или самоучителя оказалось бы полезным для тех, кто желает освоить этот

язык. Возможно, следовало бы подумать о мерах, направленных на то, чтобы стимулировать изучение чувашского языка лицами русской национальности, в особенности теми, кому знать этот язык было бы целесообразно по роду их деятельности.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что русские-горожане, как правило, чаще, чем сельские жители, проявляют интерес к различным сторонам чувашской культуры. Особенно явно это прослеживается в их отношении к чувашским танцам и песням, художественной литературе, выпуску товаров, изготовленных в традиционном чувашском стиле. В личных библиотеках русских-горожан довольно часто встречаются книги по истории и культуре Чувашии и чувашского народа (см. табл. 16).

Обращает на себя внимание тот факт, что при ответе русских-респондентов на вопрос о том, что они желали бы подарить гостю из другой республики, в ряде случаев проявилось местное самосознание (воображаемый подарок имел отношение к Чувашии или к отдельным городам и местностям республики). Это говорит о наличии у респондентов русской национальности особого чувства к Чувашии в целом или к местности, где они проживают.

По-видимому, увеличение числа передач радио и телевидения, чтение лекций, издание популярных книг и брошюр исторического и краеведческого характера и тому подобные мероприятия могли бы привести к дальнейшему росту интереса русского населения к чувашам, их истории и культуре, особенно в том случае, если роль чувашского народа в прошлом и настоящем края будет продемонстрирована в естественной и ненавязчивой форме.

Все переменные языковой группы как в русском сельском, так и в русском городском массиве тесно связаны между собой и вместе с некоторыми другими переменными (часть которых характеризует влияние чувашской культуры на русское население) образуют относительно автономную подсистему — L-компоненту — в системе изучаемой части русского этноса. При этом в обоих массивах значимые связи с узловыми переменными относительно автономной подсистемы — DS-основания — проявляют лишь отдельные характеристики, отражающие влияние чувашской культуры на русское население (например, знание чувашских писателей (п. 103), наличие грампластинок с записями чувашской музыки (п. 100) и др.). Однако между моделями, представляющими разные социально-экологические среды, существуют и определенные отличия.

В условиях Чувашской АССР среди определенной части русских формируются положительные ориентации на потребление элементов чувашской культуры. Представляет интерес вопрос о том, связано ли это явление с интернационализацией вкусов и предпочтений в более широком смысле. Чаще ли, например, те русские, которым нравятся чувашские песни и танцы, оказывают предпочтение также песням и танцам других народов? Дан-

ные настоящего исследования отвечают на этот вопрос положительно, причем зависимость здесь довольно сильная. Так, среди тех русских — жителей села, которым нравятся чувашские танцы, 29% отметили, что им нравятся также татарские, а 35% назвали танцы других народов (грузинские, молдавские и др.). В то же время среди тех, кто не назвал чувашские танцы, отметили татарские менее одного процента, а танцы других народов — только 11%. В городе наблюдается аналогичная картина.

Та же тенденция — как среди сельских жителей, так и среди горожан — имеет место и в отношении народных песен. Положительное отношение к чувашским песням и танцам заметно сильнее коррелирует с положительным отношением к татарскому песенному и танцевальному фольклору, чем с отношением к песням и танцам других народов. Это легко понять: с искусством других народов можно познакомиться и не проживая в Среднем Поволжье, а татары — соседи по региону. Но связь все же достаточно велика, чтобы сделать вывод: положительная ориентация на восприятие культуры какого-либо конкретного народа, связанная с личным опытом проживания в определенной этнической среде, — важный фактор формирования более широких интернациональных ориентаций в сфере культуры.

Что касается области профессиональной духовной культуры, то переменные, выражающие соотношение национального и интернационального в структуре потребления и в предпочтениях опрашиваемых, как выяснилось, в сильной степени зависят от демосоциальных параметров. Распределения ответов по таким признакам, как литература, прочитанная респондентом за последние полгода (имеется в виду национальный аспект, п. 104), этнические предпочтения в выборе любимых литературных произведений (п. 105), этнические предпочтения в выборе музыки для проективного концерта (п. 109), свидетельствуют о том, что вкусы горожан, как и следовало ожидать, более интернациональны, чем вкусы сельских жителей. В селе, например, из общего числа читающих художественную литературу 73% за последние перед обследованием полгода читали только книги русских писателей, тогда как в городе таких оказалось гораздо меньше — всего 46%. Те, кто включает в свой круг чтения произведения зарубежных авторов и писателей других народов СССР, в большинстве случаев сохраняют интерес и к русской литературе, причем, как выяснилось, этот интерес более устойчив в городе, чем в селе. Среди горожан, читающих литературу народов СССР и зарубежную литературу, за последние полгода произведения русских авторов не читал примерно каждый четырнадцатый, в селе — каждый четвертый. Приблизительно та же ситуация имеет место и в отношении национальных предпочтений как в выборе любимых литературных произведений, так и выборе музыки для проективного концерта.

Детерминирующее воздействие со стороны переменных DS-основания на переменную 109 (национальные предпочтения в выборе музыки для проективного концерта) проявляется сильнее, чем по отношению к переменным 104 (литература, прочитанная респондентом за последние полгода, — национальный аспект) и 105 (национальные предпочтения в выборе любимых литературных произведений). При этом в селе на каждую из трех переменных DS-основание оказывает более существенное влияние, чем в городе. (Более богатым оказывается набор DS-характеристик, имеющих значимые связи с данными переменными.) Наиболее устойчивую связь с переменными 104, 105 и 109 в обоих массивах обнаруживает возраст (п. 8) и ролевая функция респондента в семье (п. 33). В отдельных случаях наблюдается также связь со сферой приложения труда (п. 12), уровнем образования (п. 9) и другими демосоциальными факторами. Более молодые респонденты чаще проявляют интерес к музыке и литературе других народов, и в то же время среди названных ими литературных или музыкальных произведений чаще отсутствуют произведения русских авторов.

В данном случае, несомненно, действует общая тенденция интернационализации как структуры фактического потребления духовной культуры, так и культурных ориентаций. В то же время здесь в какой-то мере могут проявляться и особенности, характерные для определенных возрастных групп. Поэтому, несмотря на то что зависимость рассматриваемых переменных от возраста носит на первый взгляд однозначный характер, делать отсюда какой-либо определенный вывод следовало бы с осторожностью.

Представляет также интерес вопрос о том, отличаются ли по своему языковому и культурному поведению от остальной части русского населения лица, родившиеся от национально-смешанных браков.

В обоих русских массивах связь переменной 34 (национальность родителей) с языковыми характеристиками настолько существенна, что эта переменная фактически вошла в состав относительно автономной подсистемы, образованной характеристиками L-компоненты. Знание и реальное употребление чувашского языка респондентами, родившимися от национально-смешанных браков, намного выше, чем в среднем по русскому массиву. Однако в общей численности русских, знающих и употребляющих чувашский язык, эти лица составляют лишь сравнительно небольшую часть.

С культурными параметрами (сфера профессиональной духовной культуры) переменная 34 имеет значимые связи лишь в сельском массиве. При этом респонденты национально-смешанного происхождения отличаются от остальной массы опрошенных вовсе не интересом к чувашской культуре, как можно было бы предположить, а несколько большим интересом к культуре других народов (не русской и не чувашской), что можно в зна-

чительной степени объяснить сравнительно молодым средним возрастом этой категории (почти половина их — лица в возрасте от 16 до 19 лет).

* * *

Проведенное обследование показало, что чуваша и русские в ЧАССР в настоящее время занимают во многом сходные позиции. Это сходство выражается как в близости многих социальных и культурных показателей по двум национальностям, так и в характере взаимосвязи между этими показателями. По этой причине некоторые из тех практических рекомендаций, о которых шла речь в настоящей главе, имеют отношение и к русским, и к чувашам. Это касается предложений о договорной форме сотрудничества между промышленными и сельскохозяйственными организациями, о развитии личного подсобного хозяйства, о принятии мер, направленных на повышение уровня заработной платы работникам сельского хозяйства.

Однако русское население имеет и свои особенности. Русских в республике в 2,6 раза меньше, чем чувашей. Значительную часть этой этнотерриториальной группы составляют мигранты из-за пределов Чувашии. Она пополняется также за счет детей от русско-чувашских браков, в большинстве случаев выходящих русскую национальность. Сельское русское население живет дисперсно, не образуя на большей части территории ЧАССР единого массива. Русские в Чувашии — в среднем более «пожилое» население, чем чуваша, среди них выше доля пенсионеров и ниже доля учащихся. Русские чаще, чем представители чувашской национальности, работают в ведущих отраслях промышленности. В селах среди русских заметно ниже доля лиц, занимающихся неквалифицированным физическим трудом. Распределения русских — жителей отдельных сельских поселений по различным социально-демографическим показателям варьируют в зависимости от характеристик поселенческой среды в значительно большей степени, чем аналогичные распределения чувашей.

Факторы, относящиеся к различным аспектам социальной структуры, обуславливают сложный и внутренне противоречивый характер тенденций, действующих в сфере традиционной народной культуры. Среди русских приверженность национальной кухне и владение навыками народного прикладного искусства сохраняются в городе примерно на том же уровне, что и в селе. Русский народный костюм практически вышел из употребления, однако представление о нем среди определенной части населения еще сохраняется. В таких сферах материальной культуры, как жилище и утварь, традиционные элементы в селе удерживаются значительно сильнее, чем в городе. Многие респонденты (в том числе городские) проявляют интерес к традиционным элементам русской народной свадьбы и к современной гражданской родинной обрядности. Об интенсивности процесса

рекультурации свидетельствует тот факт, что русские-горожане в среднем знают фольклор лучше, чем жители села. Результаты исследования дают основание полагать, что существуют неиспользованные возможности развития народных промыслов, современной обрядности, а также художественной самодеятельности.

Лишь небольшая часть русских, живущих в Чувашии, знают чувашский язык, однако эта доля все же выше, чем соответствующая доля русских, знающих язык коренной национальности, в любой другой автономной республике РСФСР. Русских, умеющих говорить по-чувашски, значительно больше, чем тех, кто употребляет этот язык в повседневном общении. Интерес русского населения к чувашской культуре в среднем среди горожан выражен сильнее, чем в селе. Показатели, характеризующие этот интерес, в городе в большей степени связаны друг с другом и в меньшей степени зависят от поселенческой среды и от параметров межэтнического контактирования. Повышению интереса русских к чувашам, их истории и культуре могло бы способствовать увеличение числа передач местного радио и телевидения, чтение лекций, издание популярных книг и брошюр по соответствующей тематике. Могло бы принести пользу издание учебника чувашского языка для лиц, не владеющих этим языком, и принятие мер, направленных на стимулирование изучения чувашского языка лицами русской национальности. Необходимо иметь в виду, что интерес русских к чувашской культуре важен не только сам по себе, но и как фактор формирования более широких интернациональных ориентаций в сфере культуры. Интерес русских к профессиональной культуре (в частности, к музыке и литературе) других народов (не русской и не чувашской) в большой степени зависит от социально-экологической среды и от фактора возраста. Интернациональные ориентации сильнее проявляются среди горожан и лиц более молодого возраста.

Анализ динамических тенденций позволяет сделать относительно русского населения ряд выводов прогностического характера на ближайшую перспективу. В связи с введением всеобщего среднего образования вырастет общий уровень образования, а в частности повысится доля лиц со средним специальным образованием. Возможно, среди русских-горожан несколько возрастет доля занятых в непродовольственной сфере. В области традиционной народной культуры и быта можно отметить, что, несмотря на повсеместное распространение современного гражданского свадебного ритуала, значительная часть свадеб будут дополняться элементами традиционной обрядности. Останется высокой доля лиц, владеющих элементами народного прикладного искусства. В частности, может возрасти процент жителей села, умеющих вырезать по дереву, и процент горожанок, умеющих вышивать. Уровень знания чувашского языка в среднем останется невысоким. В связи с ростом общего куль-

турного уровня может увеличиться интерес русских к отдельным сторонам чувашской культуры, в особенности к тем, для понимания которых не требуется знания языка. Будет продолжаться интернационализация как культурных ориентаций, так и структуры реального потребления духовной культуры.

- ¹ Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984. С. 82.
- ² *Сбоев В. А.* О быте крестьян в Казанской губернии. Казань, 1856; *Лантев М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Казанская губерния. СПб., 1861; *Липинский А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Симбирская губерния. СПб., 1868. Ч. 1, 2; *Риттих А. Ф.* Материалы для этнографии России: Казанская губерния. Казань, 1870. Ч. 1; *Мазнитский В.* Песни крестьян села Беловолжского Чебоксарского уезда Казанской губернии. Казань, 1877; *Вечеслав Н. Н.* Описание костюмов русских и инородческих у крестьян Казанской губернии. Казань, 1878; Материалы для исследования промыслов населения Казанской губернии. Казань, 1887; и др.
- ³ *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива РГО. Пг., 1915. Вып. 2.
- ⁴ *Перетяtkович Г. И.* Поволжье в XV и XVI веках: (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877; *Он же.* Поволжье в XVII и начале XVIII века: (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882 и др.
- ⁵ См., напр.: *Егеров В. В.* Самобытное расселение народностей Казанского края//Вестник научного общества татароведения. Казань, 1928. № 8.
- ⁶ *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В.* Русское население Чувашской АССР: Материальная культура. Чебоксары, 1960; *Зорин Н. В.* Кустарные и отхожие промыслы русского населения Чувашской АССР в XIX — начале XX в.: Вопросы географии Среднего Поволжья. Казань, 1964; *Он же.* Топонимика русских поселений Чувашской АССР//Итоговая научная конференция КГУ за 1963 г. Казань, 1964; *Бусыгин Е. П.* Русское население Среднего Поволжья: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX в.) Казань, 1966; Географический сборник. Казань. Вып. 2, 1967; Вып. 5, 1970; *Симонов А. Г.* К вопросу расселения русских в Казанской губернии в XVIII в.//Сборник аспирантских работ: Естественные науки. Казань, 1968; *Зорина Л. И., Зорин Н. В.* Расселение русских в Приволжских районах Чувашии в XVIII в.//Физическая география и геоморфология Среднего Поволжья (и других регионов страны). Казань, 1972; Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1976; *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Зорина Л. И.* Русская сельская семья Чувашской АССР: (Историко-этнографическое исследование). Казань, 1980; Вопросы этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1980; *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981; *Банцарева Л. Ф.* Общественный быт русского сельского населения Чувашии (вторая половина XIX — начало XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982; и др.
- ⁷ Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары. Т. 1. 1958; Т. 2, 1956; Т. 3, 1957; Т. 4, 1960; *Димитриев В. Д.* История Чувашии XVIII в. (до крестьянской войны 1773—1775 годов). Чебоксары, 1959; *Сидоров П. А.* Численность, состав и динамика населения Чувашии в конце XVIII — первой половине XIX в.//Труды ЧНИИ ЯЛИЭ. 1962. Вып. 21; *Он же.* Численность, состав и динамика населения Чувашии в капиталистический период//Учен. зап. ЧНИИ ЯЛИЭ. 1963. Вып. 23; *Он же.* Численность, состав и динамика населения Чувашской АССР//Там же. 1966. Вып. 31; История Чувашской АССР. Чебоксары. Т. 1, 1983; Т. 2, 1967; *Димитриев В. Д.* Общение чувашей с русскими и влияние русской культуры на чувашскую в конце XIX—начале XX в.//Учен. зап. ЧНИИ ЯЛИЭ. 1968. Вып. 40; *Рожнов В. П.* Статистика Чувашии периода капитализма//История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1971. Вып. 1; *Соков А. П.* Динамика

- национального и языкового состава городского населения Чувашской АССР//Труды ЧНИИ ЯЛИЭ. 1976. Вып. 69; *Каховский В. Ф.* Прогрессивное влияние русского народа на хозяйственное и культурное развитие чувашского народа//Там же. 1977. Вып. 71; *Серебряков Ю. Г.* Культура и быт современной деревни. Чебоксары, 1977; *Соков А. П.* Особенности изменения национальной структуры городского населения Чувашской АССР//Труды ЧНИИ ЯЛИЭ. 1978. Вып. 85; и др.
- ⁸ Ведомость о наместничестве Казанском//Изв. Общества археологии, истории и этнографии. 1908. Т. XVIII. Вып. 4/6.
 - ⁹ *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В.* К вопросу о русских ясачных крестьянах бывшей Казанской губернии//Географический сборник. Казань, 1966. Вып. 1; *Они же.* Русские ясачные крестьяне Казанской губернии//Вопросы этнографии и экономической географии Среднего Поволжья. Казань, 1968.
 - ¹⁰ *Димитриев В. Д.* Из истории городов Чувашии второй половины XVI — начала XVII в.//Учен. зап. ЧНИИ ЯЛИЭ. 1965. Вып. 29.
 - ¹¹ *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В.* Русское население... С. 39—46.
 - ¹² Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 3. С. 199; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. М. 1963, С. 368; Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984. С. 151.
 - ¹³ См.: *Сидоров П. А.* Численность...; *Рожнов В. П.* Статистика...
 - ¹⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 3. С. 198—199; Народное хозяйство РСФСР в 1981 г. М., 1982. С. 6.
 - ¹⁵ Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 482.
 - ¹⁶ Материалы исследования содержат приблизительно столько же информации по русскому населению, сколько и по чувашам. Многие из тех вопросов, которым посвящены другие главы книги, здесь освещаются в сжатой форме. По этой причине сочтено целесообразным изложить материал о русских в несколько иной последовательности, чем это было сделано в предшествующих главах книги.
 - ¹⁷ Построены две модели — по данным сельского и городского массивов информации, однако в настоящей работе публикуется только первая из них.
 - ¹⁸ Ср.: *Коростелев А. Д.* Русские в Чувашии: некоторые черты языкового и культурного поведения//Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР.
 - ¹⁹ *Сидоров К. К.* О некоторых особенностях рождаемости в Чувашской АССР//История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1972. Вып. 2.
 - ²⁰ К трем переменным инструментария, характеризующим поселенческую среду (этнографическая зона (п. 4), функциональный тип населенного пункта (п. 5), национальный состав населения (п. 6)), нами добавлены четыре дополнительные (выводные из наличных данных) характеристики: колхозное или совхозное поселение (п. Д-1), людность поселения (п. Д-2), динамика людности в поселении (п. Д-3), тип распределения населения по отраслям производства (п. Д-4).
 - ²¹ О термине «местный центр обслуживания» см.: *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Кучерявенко Н. Н., Симонов А. Г.* Социалистические преобразования культуры и быта русского сельского населения Среднего Поволжья//Вопросы этнографии и экономической географии Среднего Поволжья.
 - ²² Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации: Материалы майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС. М., 1982. С. 57.
 - ²³ *Николаев Г. С.* Трудовые ресурсы Чувашской АССР и их использование в промышленности. Чебоксары, 1971. С. 48; Правда. 1984. 3 авг.
 - ²⁴ Научный архив ЧНИИ ЯЛИЭ при Совете Министров ЧАССР. Материалы Чувашской этнографической экспедиции и Русский сельский массив. Вопросы № 607 (с. Ильина Гора, респондент — женщина в возрасте 71 года) и 714 (с. Иваново, респондент — женщина 83 года).
 - ²⁵ Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. С. 82—83.
 - ²⁶ *Скворцов М. И., Захемски Л.* Русско-чувашско-венгерский разговорник. Чебоксары, 1981.

Заключение

Рассмотренные в предшествующих главах данные позволили полнее представить современное состояние и перспективы развития чувашского этноса. Стали лучше видны достигнутые успехи и нерешенные проблемы. Выявлены немаловажные резервы этносоциального и этнокультурного потенциала, которые могут быть приведены в действие и прямо или косвенно использованы для реализации и ускорения научно-технического прогресса и оптимизации социально-культурных условий в ЧАССР.

Этнографический характер данного исследования, естественно, определил основной круг рассмотренных тем и проблем. Системное строение изученного объекта, подтвержденное материалами исследования, требует также системного подхода к управлению, выработки комплекса управленческих решений и мероприятий.

Выявлено, что центральным вопросом, от которого зависит радикальное решение всех задач, является вопрос об управлении демосоциальным (DS) основанием этносов (чувашского и региональной части русского). В рамках того набора переменных, которые имеются в инструментарии исследования, можно выделить группу факторов, поддающихся непосредственному управленческому воздействию. Среди них в первую очередь следует указать на область труда и социальных отношений. В этом смысле перспективны п. 12 (сфера приложения труда) и п. 11 (социально-профессиональная группировка — СПГ). Нетрудно видеть, что влиятельное положение названных факторов в контуре DS-основания создает возможность эффективного воздействия на этот контур и на существенные структуры этноса в целом. Таким образом, стимулирование повышения социально-профессионального статуса (особенно создание условий путем переподготовки кадров для расширения группы высококвалифицированных работников физического труда), развитие ведущих отраслей промышленности, приток в них наиболее квалифицированных кадров — вот эффективные средства совершенствования социально-профессионального состава в рамках чувашского этноса. Есть достаточные основания для утверждения, что существенным рычагом остается также политика в области заработной платы (см. положение п. 44 в контуре DS-основания). Еще более влиятельным является фактор образования (п. 9),

обеспечивающий необходимую общую и специальную подготовку кадров. Определенную роль может сыграть и стимулирование общественной активности трудящихся (п. 26).

Логика системного подхода предполагает, однако, что вся проблема не сводится лишь к управленческому воздействию на фундаментальные детерминирующие факторы. Выделение в системе этноса относительно обособленных субсистем наводит на мысль, что каждая из таких субсистем требует к себе особого подхода и специализированного управленческого воздействия. Эти вопросы более подробно рассмотрены в соответствующих разделах, и нет нужды возвращаться к ним снова. Вместе с тем становится ясно, что каждая из выделенных субсистем обладает спецификой и выбор средств воздействия на нее — организационных, экономических, пропагандистско-идеологических и т. п. — должен быть согласован с ее природой и характером. Так, например, легко понять, что оптимизация внутриэтнической консолидации — стимулирование слияния субэтнических групп в составе чувашского этноса — существенным образом зависит от реальной типологии сельских населенных пунктов и что именно осуществление долгосрочной программы совершенствования этой типологии (а следовательно, развитие отраслевой структуры в них) может в перспективе существенно способствовать более полной консолидации чувашской нации. Так, сбалансированная политика в области языкового строительства на современном этапе должна соотноситься с уровнем двуязычия в различных сферах общения.

Таким образом, в оптимальном варианте перспективного плана экономического и социального развития ЧАССР необходимо полнее отражать задачи и потребности населения, связанные с его этническими свойствами и характеристиками. Реализация соответствующих плановых заданий будет способствовать совершенствованию стиля (образа) жизни, более полному проявлению энергии саморазвития этносов. Из сказанного вытекает, что плановое управление этническими процессами может опираться только на объективные закономерные тенденции функционирования и развития этносов и не имеет ничего общего с волюнтаристским манипулированием в области социально-этнических отношений.

Научное управление национальными отношениями имело место и в предшествующие периоды социалистического развития нашего общества. Осуществление ленинской национальной политики было научно обосновано в марксистско-ленинской теории нации, в программных документах КПСС по национальному вопросу. Эти фундаментальные идеи и теперь полностью сохраняют свое значение. Вместе с тем развитие этносов, усложнение их структур и активизация межэтнических связей ставят перед управлением этническими процессами новые задачи, решение которых должно опираться не только на более широкое и детализированное знание природы этих процессов, но и на

более точное представление об их развитии в обозримом будущем.

Этот последний вопрос — о прогнозировании этнокультурных изменений в будущем — настолько важен и существен, что авторы настоящей работы не ограничились построением динамических рядов и суждениями, высказанными на их основе в предшествующих главах, а использовали еще один способ, позволяющий «заглянуть в будущее».

Речь идет о применении метода экспертных оценок¹ для определения тенденций предстоящих изменений, которые могут произойти в будущем с отдельными этнокультурными характеристиками чувашского народа². Выяснены оценки экспертами изменений, касающихся ряда показателей (раздельно по селу и городу).

По поводу тенденций в сфере межэтнической брачности в сельской местности 41% экспертов подали голоса в пользу ее увеличения (в городах 58% голосов) в ближайшие 5 лет с момента проведения обследования; соответственно 55% (в селе) и 71% экспертов (в городе) считают ее увеличение неизбежным еще через 5 лет. В пользу снижения уровня межэтнической брачности в первом пятилетии подано соответственно 4 и 7% высказанных мнений, а во втором пятилетии — 6 и 10%. Остальные мнения высказаны теми, кто полагает, что межэтническая брачность не претерпит существенных изменений.

Касательно изменений меры бытования чувашской народной свадебной обрядности мнения экспертов сводятся к следующему: очень немногие (9% применительно к сельским условиям и 6% применительно к городским) ожидают в первом пятилетии увеличения числа приверженцев традиционных разновидностей свадьбы (в последующем пятилетии соответственно 11 и 8%). Вместе с тем почти 2/3 экспертов (61%) полагают, что в селах доля приверженцев традиционной свадьбы останется прежней (относительно городов эту точку зрения разделяют 38% экспертов); во втором пятилетии такого же развития событий ожидают 32 и 18% экспертов. Уменьшение числа сторонников традиционного свадебного обряда в первом пятилетии в селе предвидят 30% экспертов, а в городе — 56%; зато применительно ко второму пятилетию снижение уровня бытования традиционной свадьбы предсказывают соответственно 57 и 74% экспертов.

В сфере межэтнических отношений на личностном уровне эксперты также угадывают тенденцию к прогрессивным изменениям. Лишь немногие (от 8 до 12%) полагают, что в первом и во втором пятилетии будет возрастать число лиц, ориентированных на установление дружеских отношений преимущественно с лицами своей национальности. Многие (от 39 до 60%) полагают, что современный уровень дружеских связей сохранится; однако весьма заметное число голосов (от 32 до 49%) подано в пользу возрастания межэтнических дружеских союзов.

Существенные сдвиги предстоят, по мнению экспертов, в области материальной культуры, даже в таком устойчивом ее элементе, как национальная кухня. Если применительно к первому пятилетию 64% мнений по поводу села и 47% по поводу города подано в пользу сохранения современного уровня бытования национальных традиционных блюд, то в последующем пятилетии предвидится заметная тенденция к интернационализации системы питания (в селах ее предсказывают 48% экспертов, а в городах — 57%).

Наконец, область «потребления» профессиональной духовной культуры (в частности, чтение художественных произведений чувашских писателей) также не останется без существенных перемен. Если в первом пятилетии большинство экспертов (82% относительно села и 62% по поводу города) полагают, что число читателей чувашских авторов останется прежним или даже несколько возрастет, то применительно ко второму пятилетию эту точку зрения разделяют соответственно 63 и 42% экспертов.

Определенно наблюдаемое соответствие приведенных данных тому, что уже известно читателю из предшествующих глав книги, свидетельствует о том, что в общем и целом выявленные тенденции схвачены верно и отражают современную социально-этническую ситуацию в Чувашской АССР. Противоречивость свойственных ей тенденций и характеристик, наблюдаемая эмпирически и подлежащая теоретическому истолкованию, есть в существенной мере «слепок», «снимок» реальной диалектики протекания этнических процессов. Социально-этническая ситуация претерпевает важные изменения. Средства и способы управления процессом должны быть готовы к тому, чтобы направлять развитие по оптимальному пути.

¹ См.: Христюлова Л. С. К вопросу о возможности применения метода экспертных оценок в этнографии: (На мордовском материале)//Статистика в этнографии. М., 1985.

² Опрошены две группы экспертов. Одна (100 человек) состояла из научных работников НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров ЧАССР, профессоров и преподавателей Чувашского государственного университета им. И. И. Ульянова, деятелей культуры, виднейших писателей, журналистов и партийно-государственных работников, связанных по роду своей работы с жизнью народа и проживающих в г. Чебоксары. В состав другой (тоже из 100 человек) вошли наиболее компетентные лица, проживающие в десяти районных центрах республики. Ответы этих лиц усреднены. Работа по сбору и первичной обработке экспертной информации выполнена Л. Г. Филипповым. См.: Современные этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984. С. 85 и сл.; С. 143 и сл.

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ АН СССР
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР
ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. И. Н. УЛЬЯНОВА

**Вопросник
Чувашской
этнографической
экспедиции
№
ЧР**

Населенный пункт
Дата заполнения
Фамилия сотрудника
Проверил
Контрольный обход

Только для научной разработки.
Ответы отдельных лиц
не разглашаются

ЧЕБОКСАРЫ — 1981

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

Институт этнографии Академии наук СССР, Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР и Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова проводят исследование, с помощью которого можно будет решить ряд научных и практических задач.

Мы рассчитываем на Вашу помощь, так как без нее исследование провести невозможно. Просим Вас ответить на поставленные вопросы точно и обстоятельно: от этого зависит правильность выводов.

Вашу фамилию указывать не нужно.

Раздел I

<p>1. Чувашия 1
 Татария 2
 Башкирия 3</p> <p>2. Код населенного пункта:
 Города:</p> <p>3. Город 1</p> <p>4. Этнографическая зона:
 Верховые (вирьялы) 1
 Средненизовые (анат-енчи) 2</p> <p>5. Тип населенного пункта:
 Сельский
 Административный центр района
 Мелкие центры с административно-управленческими функциями (сельский Совет, правление колхоза, дирекция совхоза)
 Прочие сельскохозяйственные населенные пункты
 Сельские несельскохозяйственные пункты (лесоразработки, пристанционные, кордоны и т. п.)</p> <p>6. Национальный состав населения:
 Чуваши, русские, другие</p> | <p>Ульяновская область 4
 Куйбышевская область 5</p> <p>Сельские населенные пункты:
 Село 2</p> <p>Низовые (анатри) 3
 Юго-западная (русская) 4</p> <p>Городской:
 Крупный город 1
 Средний город 2
 Малый город . . 3
 Поселок городского типа 4</p> |
|---|---|

Раздел II

**СООБЩИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЕБЕ,
О ВАШЕЙ СЕМЬЕ И ДРУГИХ БЛИЗКИХ ВАМ ЛЮДЯХ**

7. Пол:
Муж. 1	Жен. 2
8. Возраст (число исполнившихся лет)
16—19 01	45—49 07
20—24 02	50—54 08
25—29 03	55—59 09
30—34 04	60—64 10
35—39 05	65—69 11
40—44 06	70 и старше 12

9. Ваше образование в настоящее время:
До 2 классов	1	10—11 классов,	
3—4 класса	2	профтехучилище	5
5—6 классов	3	Техникум, училище	6
7—9 классов	4	Неполное высшее, высшее	7
10. Каким было Ваше образование к началу Вашей трудовой деятельности?
До 2 классов	1	10—11 классов,	
3—4 класса	2	профтехучилище	5
5—6 классов	3	Техникум, училище	6
7—9 классов	4	Неполное высшее, высшее	7
11. Где и кем Вы работаете в настоящее время?
- Где Вы работаете? Кем Вы работаете?
- (На каком предприятии, в колхозе, (Какую работу выполняете?)
учреждении?)
- Умственный труд:
Высококвалифицированные специа-
листы	1	Специалисты средней квалифи-
кации	2
		Прочие служащие	3
- Физический труд:
Высококвалифицированные работники преимущественно физического труда
(на механизмах, машинах, аппаратах)	4
Прочие квалифицированные работники физического труда	5
Неквалифицированные работники физического труда	6
Учащиеся	7
Прочие	8
12. Сфера приложения труда
Сфера управления (органы государственной власти, партийные, общест-
венные органы, министерства, ведомства и их учреждения)	1
Просвещение, наука, медицина, культура, искусство, печать	2
Ведущие отрасли промышленности (машиностроение, приборостроение,
химия, полиграфия)	3
Промышленность (кроме ведущих отраслей), строительство, транспорт, связь	4
Сфера обслуживания (бытовое обслуживание, общественное питание, тор-
говля, снабжение и сбыт и т. п.)	5
Совхоз или другое государственное сельскохозяйственное предприятие	6
Колхоз	7
13. Социально-классовая принадлежность:
Рабочие	1	Служащие	3
Колхозники	2	Прочие	4
14. Довольны ли Вы своими отношениями с сотрудниками (коллегами) в Вашем
производственном (учебном) коллективе (бригаде, отделе, группе)?
Да, пожалуй, доволен(-льна)	1	Нет, скорее недоволен (-льна)	3
Затрудняюсь сказать	2		
15. В каком возрасте Вы впервые начали постоянно работать?
Моложе 14 лет	1	18—19 лет	4
14—15 лет	2	20—21 года	5
16—17 лет	3	22 года и старше	6
16. Где и кем Вы впервые начали постоянно работать?
- Где Вы работали? Кем Вы работали?
- (На каком предприятии, в колхозе, (Какую работу выполняли?)
учреждении?)
- Умственный труд:
Высококвалифицированные спе-
циалисты	1	Специалисты средней квалифика-
ции	2
		Прочие служащие	3

- Физический труд:**
 Высококвалифицированные работники преимущественно физического труда (на механизмах, машинах, аппаратах) 4
 Прочие квалифицированные работники преимущественно физического труда 5
 Неквалифицированные работники физического труда 6
 Учащиеся 7
 Прочие 8
17. Где и кем работал глава Вашей семьи (отец, мать), когда Вы сами начали постоянно работать?
 Где работал глава семьи? Кем он работал?
 (На каком предприятии, в колхозе, (Какую работу выполнял?)
 учреждении?)
 Умственный труд:
 Высококвалифицированные специа- Специалисты средней квалифи-
 цалисты 1 кации 2
 Прочие служащие 3
 Физический труд:
 Высококвалифицированные работники преимущественно физического труда (на механизмах, машинах и аппаратах) 4
 Прочие квалифицированные работники физического труда 5
 Неквалифицированные работники физического труда 6
 Учащиеся 7
 Прочие 8
18. Изменение социально-классовой принадлежности опрошиваемого:
 Из крестьян в рабочие 1 Из рабочих в служащие 4
 Из крестьян в служащие 2 Другие изменения 5
 Из рабочих в крестьяне 3 Нет изменений 6
19. Изменение социально-профессионального статуса:
 Повысился 1 Понизился 3
 Стабилен 2
20. Давно ли Вы живете в данном населенном пункте?
 Указать, сколько лет
 Местный уроженец (живу безвы- Местный уроженец (живу все
 ездно) 1 время с перерывами) 2
 Приезжие:
 10 и более лет 3 Менее 5 лет 5
 от 5 до 10 лет 4
 Если прибыли сюда, то откуда?
 (Записать откуда именно: республика (область), район)
21. а) Из другой местности Чувашии с чувашским населением 1
 Из-за пределов Чувашии, из местности с чувашским населением 2
 Из другой местности Чувашии с нечувашским населением 3
 Из-за пределов Чувашии, из местности с нечувашским населением 4
22. б) Из деревни (села) 1
 Из небольшого города (поселка городского типа) 2
 Из крупного (среднего) города 3
23. Если Вы прибыли сюда из другой местности, назовите, пожалуйста, главную причину Вашего переезда
 На учебу 1
 Назначение (направление, распределение) 2
 Поиски лучших условий работы 3
 Поиски лучших культурно-бытовых, жилищных условий 4
 Семейные обстоятельства (переезд с семьей, устроить личную жизнь, развод и др.) 5
 Другая причина (какая именно) 6

24. Не собираетесь ли Вы в ближайшее время переменить местожительство? Если да, то куда Вы хотите ехать? (Записать, куда именно: республика (область), район)
- В пределах Чувашии:
В город, поселок городского типа 1	В село — районный центр 2
	В село, деревню 3
- За пределы Чувашии:
В город, поселок городского типа 4	В село — районный центр 5
	В село, деревню 6
25. В чем причина Вашего намерения? Назовите, пожалуйста, главную причину:
На учебу	1
Назначение (направление, распределение)	2
Поиски лучших условий работы	3
Поиски лучших культурно-бытовых, жилищных условий	4
Семейные обстоятельства (переезд с семьей, устроить личную жизнь, развод и др.)	5
Другая причина (какая именно)	6
26. Участвуете ли Вы в общественной работе?
Не участвую	1
Выполняю временные (отдельные) общественные поручения	2
Нахожусь на выборной общественной работе, имею постоянные общественные поручения (на предприятии, в колхозе, учреждении)	3
Являюсь депутатом Совета народных депутатов, народным заседателем, членом РК, ГК, ОК КПСС или ВЛКСМ и т. д. (Работа за пределами предприятия, колхоза, учреждения)	4
27. Когда у Вас бывает время, свободное от работы на производстве (в колхозе, учреждении), то как Вы его чаще всего проводите? (Следует выбрать три главных занятия)
- Возможны несколько ответов:
Занимаюсь общественной деятельностью, рационализаторством	4000
Повышаю свое образование, квалификацию	2000
Участвую в художественной самодеятельности	1000
Читаю художественную и другую литературу	0400
Хожу в театр	0200
Занимаюсь физкультурой, спортом, рыбной ловлей, охотой	0100
Посещаю кино, клуб, парк культуры и отдыха	0040
Смотрю телевизор, слушаю радио	0020
Хожу в гости, принимаю гостей, встречаюсь с друзьями	0010
Посещаю ресторан, кафе	0004
Просто отдыхаю	0002
Занимаюсь домашней работой	0001
28. Являетесь ли Вы членом КПСС или кандидатом в члены КПСС?
Да 1	Нет 2
29. Ваше семейное положение (не юридическое, а фактическое):
Женат (замужем) 1	Разведен (-а) 3
Вловец (-а) 2	Не состоял (-а) в браке 4
30. В каком возрасте Вы вступили в брак? (Имеется в виду первый брак)
- Число исполнившихся лет
Моложе 16 лет 1	25—26 лет 6
17—18 лет 2	27—28 лет 7
19—20 лет 3	29—30 лет 8
21—22 года 4	Старше 30 лет 9
23—24 года 5	

31. Мы подробно поговорили о Вашей семье; теперь, если можно, скажите, пожалуйста, хорошо ли сложилась Ваша жизнь в семье?
- Очень хорошо 1
- Хорошо, но в какой семье нет своих трудностей 2
- Пожалуй, неважно 3
- Я очень недоволен (-льна) своей личной жизнью в семье 4
- Другой ответ (записать словесно) 5

Таблица А

Сообщите, пожалуйста, некоторые сведения о членах Вашей семьи:

Члены семьи (кем Вам прихо- дятся)	Возраст (лет)	Образование (лет обучения)	Национальность	Место рождения (область, республика, р-н, населенный пункт)	Место работы (учебы), указать предприятие и отрасль хозяйства	Занимаемая долж- ность, профессия, разряд	Если состоит в браке, то сколько лет
Живущие вместе с Вами							
Временно, но бо- лее 6-ти месяцев живущие от- дельно от Вас							

32. Состав семьи.
(Заполнить по данным таблицы А)
- Одиночка 1
- Брачная пара 2
- Брачная пара с неженатыми (незамужними) детьми 3
- Мать (или отец) с неженатыми (незамужними) детьми 4
- Брачная пара с неженатыми (незамужними) детьми и один из родителей
мужа (жены) 5
- Семья с двумя (и более) брачными парами (родители, их женатые
(замужние) дети, внуки и другие родственники) 6
- Прочие сложные семьи 7
33. Тип семьи (динамический).
(Заполнить по данным таблицы А)
- Обследуемый (-ая) — одиночка (женщина до 40 лет, мужчина до 45 лет
включительно) 1
- Обследуемый (-ая) (женщина до 40 лет, мужчина до 45 лет включитель-
но) не состоит в браке, не имеет детей, живет с родителями или другими
родственниками 2
- Обследуемый (-ая) принадлежит к молодой бездетной брачной паре (жена
или сама обследуемая до 40 лет включительно), которая живет с роди-
телями (другими родственниками) или без них 3
- Обследуемый (-ая) — член брачной пары с несовершеннолетними детьми
(до 17 лет включительно), которая живет с родителями (прочими род-
ственниками) или без них 4
- Обследуемый (-ая) — разведенный (-ая), (вдовец (-а) или мать-одиночка),
с несовершеннолетними детьми, живет с родителями (прочими родствен-
никами) или без них 5
- Обследуемый (-ая) — один (или единственный) из родителей, которые (-й)
живут (-ет) со взрослыми, но бессемейными и бездетными детьми 6

- Обследуемый(-ая): а) один (или единственный) из родителей (женщина старше 40, мужчина старше 45 лет), которые(-й) живут(-ет) с семейными детьми, а также с прочими родственниками или без них; б) член бездетной брачной пары (жена старше 40 лет) 7
- Обследуемый(-ая) — (женщина старше 40, мужчина старше 45 лет), не имеющий(-ая) супруга(-и) или проживающих совместно с ним(нею) детей, но живущий(-ая) совместно с другими родственниками 8
- Обследуемый(-ая) — одиночка (женщина старше 40, мужчина старше 45 лет) 9
34. Национальность Ваших родителей (написать):
 Мать _____ Отец _____
 Национальность матери и отца совпадает с моей 1
 Национальность матери совпадает с моей, а национальность отца не совпадает 2
 Национальность отца совпадает с моей, а национальность матери не совпадает 3
 Национальность как матери, так и отца не совпадает с моей 4
 Другой ответ (записать) 5
35. Национальность мужа (жены): по данным таблицы А
 Возможны несколько ответов чуваш(-ка) 1
 русский(-ая) 2
 другая национальность 3
36. Национальность несовершеннолетних детей: по данным таблицы А
 Возможны несколько ответов чуваш(-ка, -и) 4
 русский(-ая, -ие) 2
 другая национальность 1
37. Говорят, что в районах ЧАССР и других областях Поволжья живут разные группы чувашского народа.
 Назовите, пожалуйста, какие именно и где они живут. (Записать)
 Не знает 1 Имеет ясное представление 3
 Слабо знает 2 Очень хорошо знает 4
38. Причисляете ли Вы себя к одной из этих групп чувашского народа? К какой именно?
 Вирьял 1 Анатри 3
 Анат-енчи 2 Не причисляю 4
39. Можете ли Вы сказать, к какой группе принадлежит Ваш муж (Ваша жена)?
 Вирьял 1 Анатри 3
 Анат-енчи 2 Не знаю 4
40. В какой школе учатся Ваши дети?
 В русской 1 В чувашской 3
 В смешанной 2
41. В какую школу Вы охотнее послали бы учиться своих детей?
 В русскую 1
 В чувашскую (с преподаванием на чувашском языке в начальной школе и последующим изучением чувашского языка и литературы как предметов) 2
 В чувашскую (с преподаванием на чувашском языке до 8 класса и последующим переходом на русский язык) 3
- 41а. Почему Вы так думаете?
42. Скажите, пожалуйста, есть ли у Вас (у Вашей семьи) личное подсобное хозяйство, дача или садово-огородный участок?
 Есть 1 Нет 2

43. Каковы Ваши планы, намерения по поводу личного подсобного хозяйства? (Записать подробно)
У меня его нет, и оно мне не нужно	1
У меня есть хозяйство, но я хотел(-а) бы его ликвидировать	2
У меня нет хозяйства, но я хотел(-а) бы его иметь	3
У меня есть хозяйство, но я хотел(-а) бы его сократить (уменьшить)	4
У меня есть хозяйство, и я хотел(-а) бы оставить его в прежних раз-
мерах	5
У меня есть хозяйство, и я хотел(-а) бы его развивать (расширить)	6
44. Каков размер Вашей личной месячной зарплаты (пенсии, стипендии, пособия и т. п.)?
Указать сумму:	рублей
До 40 руб.	1 101—120 руб. 5
41—60 руб.	2 121—140 руб. 6
61—80 руб.	3 141—160 руб. 7
81—100 руб.	4 161 и более 8
45. Какая сумма приходится в вашей семье в среднем на человека в месяц? (Учесть по возможности все поступления)
Зарплата	Пособие	Помощь родных
Пенсия	Подсобное хозяйство	Другое
Стипендия		
До 20 руб.	1 81—100 руб. 5	
21—40 руб.	2 101—120 руб. 6	
41—60 руб.	3 121—140 руб. 7	
61—80 руб.	4 Более 140 руб. 8	
46. Каждый человек так или иначе планирует свою жизнь, намечает себе в жизни какие-то цели (получить образование, хорошую специальность, стать уважаемым человеком, быть счастливым в семейной жизни и т. д.) А как у Вас? Достигли ли Вы в жизни того, чего хотели?
Определенно достиг(-ла)	1 Пожалуй, не достиг(-ла) 4
Пожалуй, достиг(-ла)	2 Определенно не достиг(-ла) 5
Затрудняюсь сказать	3

Раздел III

В НАШЕЙ ЖИЗНИ МЫ ВСТРЕЧАЕМСЯ С ЛЮДЬМИ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

47. Кто по национальности Ваши товарищи по работе (в бригаде или другом первичном производственном, служебном, учебном коллективе)?
- Указать сколько: чувашей, русских, других
Коллектив состоит только из лиц моей национальности	1
В коллективе преобладают лица моей национальности (2/3 и более)	2
Лица моей национальности составляют около половины коллектива	3
Лица моей национальности составляют меньшинство (1/3 и менее)	4
48. На предприятиях, в колхозах, учреждениях работают вместе люди разных национальностей. Влияет ли это, по Вашему мнению, на отношения в коллективе?
Да, думаю, что влияет	1
Трудно сказать	2
Нет, думаю, что не влияет	3
49. Скажите, пожалуйста, кто по национальности те из Ваших соседей, с которыми Вы чаще всего общаетесь? (Укажите одну семью)
Соседи принадлежат к моей национальности	1

- Соседская семья смешанная: часть ее членов принадлежит к моей национальности, часть к другой (другим) 2
Соседи принадлежат к другой национальности, чем я 3
50. Скажите, пожалуйста, кто по национальности Ваш ближайший друг (друга)?
Чуваш(-ка) 1
Русский(-ая) 2
Другая национальность 3
51. Как Вы думаете, имеет ли национальность какое-нибудь значение при выборе близкого друга?
Не имеет никакого значения 1
Имеет некоторое значение, но несущественное 2
Имеет существенное значение 3
52. Для жителей села: Для горожан:
Как часто Вы бываете в городе? Как часто Вы бываете в селе?
Ежедневно 1 Реже 4
Еженедельно 2 Не бываю 5
Ежемесячно 3
53. Скажите, пожалуйста, часто ли Вы общаетесь лично с людьми других национальностей, чем Ваша?
Часто, ежедневно или почти ежедневно 1
Регулярно, но не очень часто (2—3 раза в месяц) 2
Редко, нерегулярно (1—2 раза в год и реже) 3
54. Где именно Вы чаще всего общаетесь с лицами другой национальности? (Укажите три основных места общения)
Улица, транспорт 200
Стадион, кино, театр, клуб, парк 100
Рынок, магазин, учреждение бытового обслуживания 040
Работа, учеба, служба 020
Общественные организации, общественная работа (сессии, конференции, слеты, технические, научные, спортивные общества, творческие союзы и т. п.) 010
Соседство 004
Дружеская компания 002
Семья 001
55. Куда и кому Вы по собственной инициативе чаще всего писали письма (личные или деловые) за последние полгода? (Указать национальность адресата)

Национальность адресата	Его местожительство	
Чуваш(-ка)	В Чувашии	1
Чуваш(-ка)	За пределами Чувашии	2
Русский(-ая)	В Чувашии	3
Русский(-ая)	За пределами Чувашии	4
Другая национальность	В Чувашии	5
Другая национальность	За пределами Чувашии	6

Раздел IV
ПОЗВОЛЬТЕ ТЕПЕРЬ ЗАДАТЬ ВАМ
НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ О ЯЗЫКЕ

56. На каком языке Вы впервые научились говорить?

- На чувашском 1
 На двух языках (чувашском и русском) 2
 На русском 3
 На другом (указать, на каком именно) 4

57. Каким языком Вы лучше всего владеете?

- Чувашским 1
 В равной мере чувашским и русским 2
 Русским 3
 Другим (каким именно) 4

58. Какой язык Вы считаете своим родным языком?

- Чувашский 1 Русский 3
 Чувашский и русский 2 Другой (указать, какой именно) . 4

59. На каком языке Вы преимущественно обучались в школе?

- На чувашском 1
 На двух языках (чувашском и русском) 2
 На русском 3

60. На каком языке Вы обычно говорите дома?

	С родителями	С мужем (женой)	С детьми дошкольного возраста	С детьми школьного возраста	С другими членами семьи
На чувашском	1	1	1	1	1
На двух языках (чувашском и русском)	2	2	2	2	2
На русском	3	3	3	3	3
Только по-чувашски					1
Главным образом по-чувашски, но иногда и по-русски					2
В равной мере по-чувашски и по-русски					3
Главным образом по-русски, но иногда по-чувашски					4
Только по-русски					5

Внимание!

Вопрос только к работающим

61. На каком языке Вы обычно говорите на работе?

- На чувашском 1 На русском 3
 На двух языках (русском и чувашском) 2 На другом (на каком именно) . 4

62. На каком языке Вы обычно говорите в Вашем учебном заведении?
На чувашском	1
На двух языках (чувашском и русском)	2
На русском	3
63. На каком языке Вы обычно выступаете (или стали бы выступать) на собрании?
На чувашском	1	На русском	3
На двух языках (чувашском и русском)	2	На другом (на каком именно)	4
64. Насколько хорошо Вы владеете чувашским языком?
Свободно говорю, читаю, пишу	1
Свободно говорю, но не читаю и не пишу	2
Говорю с затруднениями	3
Понимаю, но не говорю	4
Не владею	5
65. Насколько хорошо Вы владеете русским языком?
Свободно говорю, читаю, пишу	1
Свободно говорю, но не читаю и не пишу	2
Говорю с затруднениями	3
Понимаю, но не говорю	4
Не владею	5
66. Для чувашей:
- Если Вы участвуете в беседе, которая ведется на русском языке, то на каком языке Вы думаете в этот момент?
Думаю по-чувашски и перевожу на русский	1
Думаю на двух языках (на чувашском и русском)	2
Думаю по-русски	3
- Для русских:
- Если Вы участвуете в беседе, которая ведется на чувашском языке, то на каком языке Вы думаете в этот момент?
Думаю по-русски и перевожу на чувашский	1
Думаю на двух языках (на чувашском и русском)	2
Думаю по-чувашски	3
67. Знание какого языка (из числа языков народов нашей страны) Вы хотели бы усовершенствовать? Какой язык Вы хотели бы изучить вновь?

Раздел V

О ВАШЕМ ЖИЛИЩЕ, ЕГО ВНУТРЕННЕЙ ОБСТАНОВКЕ,
ОБ ОДЕЖДЕ И ПИЩЕ

68. Тип жилища.
- Заполнить по личному наблюдению (указать названия частей и помещений в жилище)
Индивидуальный дом (полдома) традиционного сельского типа	1
Индивидуальный модифицированный сельский дом с традиционной планировкой	2
Индивидуальный городской дом (полдома) традиционного облика	3
Индивидуальный стандартный дом (полдома) (типовой проект)	4
Квартира или комната в малооблагодстроенном доме квартирного или ба-
рачного типа	5
Квартира или комната в многоквартирном благоустроенном доме городского
типа	6

69. Скажите, пожалуйста, что из названных ниже предметов есть у Вас или имеется в обиходе Вашей семьи? (Обратить особое внимание на наличие произведений народного искусства)

Предмет	Хранится	Используется	Служит украшением	Примечание	Предмет	Хранится	Используется	Служит украшением	Примечание
Посуда глиняная					Посудница				
Посуда, деревянная					Сундук				
Плетеная утварь					Сунце (долбленая или лубяная кадка для одежды)				
Квашня					Половики домотканые				
Бочка пивная					Полотенца с орнаментом для украшения стен				
Ложки деревянные					Настенные вышивки				
Такана (ночевка, корытце для муки)					Сурпан (часть женского головного убора)				
Саккар кёреши (лопата для посадки хлеба)					Подзор				
Лавка					Ковер домотканый				
Валек									
Прялка									

Нет таких предметов 1

Есть немного (до 10) таких предметов, но они хранятся без применения . 2

Имеется заметное число (10 и более) таких предметов, которые не только хранятся, но и используются 3

Таких предметов много, традиционный набор утвари 4

70. Из каких предметов, по Вашему мнению, состояла (состоит) чувашская (русская) народная праздничная и будничная одежда? (Записать подробно, а также указать термины на языке информатора)

Женская одежда

Мужская одежда

Нательная одежда

Нательная одежда

Верхняя одежда

Верхняя одежда

Головные уборы

Головные уборы

Украшения

Обувь

Обувь

Не знает 1

Имеет ясное представление . . . 3

Слабо знает 2

Очень хорошо знает 4

71. Есть ли у Вас лично какие-нибудь предметы народной чувашской (русской) одежды?

Нательная одежда

Головные уборы

Верхняя одежда

Украшения

Обувь

Имеется полный традиционный костюм 1

Имеются отдельные предметы 2

Нет таких предметов 3

72. Носите ли Вы чувашскую (русскую) народную одежду традиционного покроя?

- Нет, не ношу 1
- Ношу в будни национальную одежду, но по праздникам или другим тор-
жественным случаям надеваю городской костюм 2
- Ношу по праздникам и другим торжественным или особым случаям го-
родской костюм с отдельными предметами национальной одежды,
а именно 3
- Ношу по праздникам и другим торжественным и особым случаям полный
национальный костюм 4
- Ношу главным образом национальный костюм как по праздникам, так
и в будни 5
73. Припомните, пожалуйста, как Вы были одеты на Вашей свадьбе. (Запи-
сать подробно)
- В полном национальном наряде 1
- В национальном наряде с отдельными элементами городского костюма 2
- В городском костюме с отдельными элементами национального наряда 3
- В городском костюме 4
74. Если Вы холосты (незамужем) или если бы Вам, так сказать, пришлось
начать жизнь сначала, то как Вы предпочли бы одеться на Вашей свадьбе?
(Запись подробно)
- В полном национальном наряде 1
- В национальном наряде с отдельными элементами городского костюма 2
- В городском костюме с отдельными элементами национального наряда 3
- В городском костюме 4
75. Умеете ли Вы:
- Возможны несколько ответов
- ткать 20
- вышивать или плести кружева 10
- шить традиционную народную одежду 04
- вырезать по дереву 02
- изготавливать украшения для свадебной одежды 01
76. Имеются ли у Вас лично или в обиходе Вашей семьи современные промыш-
ленные изделия, изготовленные в чувашском (русском) стиле?
- | Предметы | Краткое описание,
название по-чу-
вашски (по-русски) | Хранится | Исполь-
зуется | Служит
украше-
нием |
|------------------------------------|--|----------|-------------------|---------------------------|
| Одежда | | | | |
| Посуда бытовая и декора-
тивная | | | | |
| Мягкая утварь | | | | |
| Национальные сувениры | | | | |
| Детские игрушки | | | | |
| Мебель | | | | |
- Нет таких предметов 1
- Мало (2—3) таких предметов, которые преимущественно хранятся без
применения 2
- Заметное число (6—10) таких предметов, и они не только хранятся,
но и используются 3
- Таких предметов много. Четко выраженный национальный колорит 4
77. Как Вы считаете, достаточно ли местная промышленность республики выпус-
кает товаров и предметов, изготовленных в традиционном чувашском стиле?
- Достаточно 1

- Трудно сказать 2
 Пожалуй, недостаточно 3
78. Скажите, пожалуйста, что из названных ниже предметов есть у Вас лично или имеется в обиходе Вашей семьи?
 Возможны несколько ответов
Фотоаппарат (кинокамера)	4000	Велосипед	0040
Радиоприемник	2000	Мотоцикл (мотороллер, мопед)	0020
Телевизор	1000	Автомашина	0010
Магнитофон (проигрыватель)	0400	Пылесос	0004
Аккордеон (баян, гармонь)	0200	Стиральная машина	0002
Пианино (рояль)	0100	Холодильник	0001
79. Назовите, пожалуйста, блюда, которые Вы считаете своими национальными чувашскими (русскими) кушаньями. (Записать подробно. Указать термины на языке информатора)
Похлебки	Копченья, соленья, моченья
Вторые горячие блюда	Напитки
Блюда из печеного теста	Сладкие блюда
- Обрядовые кушанья:
На свадьбе	На поминках	На родинах (крестинах)
Не знает 1	Знает 5—10 блюд 3	
Знает менее 5 блюд 2	Знает 11 блюд и более 4	
80. Умеете ли Вы готовить чувашские (русские) национальные кушанья? Если да, то какие именно?
Не умеет 1	Умеет готовить 5—10 блюд . . . 3
Умеет готовить менее 5 блюд . . . 2	Умеет готовить более 10 блюд . . 4
81. Как часто на Вашем столе бывают чувашские (русские) национальные кушанья?
Не бывают совсем	1
Бывают редко, по праздникам	2
Бывают систематически, в среднем 1 раз в неделю	3
Бывают постоянно, почти каждый день	4

Раздел VI

ТЕПЕРЬ О ДРУГОМ.

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ ОБ ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ

82. Как Вы себе представляете чувашскую (русскую) народную свадьбу? (Записать подробно и указать термины на чувашском (русском) языке)
Знакомство молодых людей	Заключение брака
Сватовство	Религиозный обряд
Предсвадебные обряды	Свадебный пир у невесты
Состав действующих лиц на свадьбе и их роли	Свадебный пир у жениха
Обряды накануне заключения брака	Послесвадебные обряды
	Особые виды свадьбы (похищение, побег и т. п.)
Не знает 1	Имеет ясное представление . . . 3
Слабо знает 2	Очень хорошо знает 4
83. Скажите, пожалуйста, какая у Вас была свадьба? (Записать по возможности подробно)
Без обрядов	1
Современный гражданский обряд (торжественное бракосочетание, комсомольская свадьба и т. п.)	2
Современный гражданский обряд с элементами традиционной свадьбы	3

- Развернутый традиционный безрелигиозный обряд 4
 Развернутый традиционный обряд с религиозным оформлением брака . . . 5
 Религиозный обряд с элементами традиционной свадьбы или без них . . . 6
84. В каком году была Ваша свадьба?
Ранее 1920 г.	01	1951—1955 гг.	08
1921—1925 гг.	02	1956—1960 »	09
1926—1930 »	03	1961—1965 »	10
1931—1935 »	04	1966—1970 »	11
1936—1940 »	05	1971—1975 »	12
1941—1945 »	06	1976 г. и позже	13
1946—1950 »	07		
85. Какую свадьбу Вы хотели бы устроить, если Вы незамужем (холосты) или если бы Вам удалось, так сказать, начать жизнь сначала?
- Без обрядов 1
 Современный гражданский обряд (торжественное бракосочетание, комсомольская свадьба и т. п.) 2
 Современный гражданский обряд с элементами традиционной свадьбы . . . 3
 Развернутый традиционный безрелигиозный обряд 4
 Развернутый традиционный обряд с религиозным оформлением брака . . . 5
 Религиозный обряд с элементами традиционной свадьбы или без них . . . 6
86. Скажите, пожалуйста, как бы Вы отнеслись к тому, если бы кто-нибудь из Ваших ближайших родственников (сын, дочь, брат, сестра) вступил в брак с человеком другой национальности?
- Считаю такой брак нежелательным 1
 Предпочитаю человека своей национальности, но не стану возражать против такого брака 2
 Все зависит от конкретной ситуации 3
 Национальность в браке не имеет значения 4
87. Расскажите, пожалуйста, какие Вам известны чувашские (русские) народные обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка. (Записать подробно и указать термины на чувашском (русском) языке)
- Помещение, где по обычаю происходят роды
 Чго полагается, по обычаю, сделать с пуповиной?
 Наречение, крещение и т. п.
 Выражение чувств (родителями и другими родственниками) при рождении мальчика или девочки
 Празднование родин и принесение подарков роженице и новорожденному
 Угощение и состав блюд на родинах
Не знает	1	Имеет ясное представление	3
Слабо знает	2	Очень хорошо знает	4
88. Каково Ваше мнение о том, как лучше всего следует отмечать рождение ребенка?
- Обряды вообще не нужны, следует соблюдать только обычные формальности (запись в загсе) 1
 Следует соблюдать современную гражданскую обрядность 2
 Следует сочетать современный гражданский и народный чувашский (русский) родильные обряды 3
 Предпочитаю чувашские (русские) народные родильные обряды (бесцерковные) 4
 Нужно соблюдать церковный обряд с отдельными элементами народного чувашского (русского) родильного обряда 5
 Желательно соблюдать церковный обряд 6
89. Скажите, пожалуйста, как Вы себе представляете чувашский (русский) национальный похоронный обряд? (Записать подробно. Указать термины на чувашском языке)

- Выражение скорби
Смертная одежда и сопутствующие предметы
Обычаи, связанные с подготовкой покойника к захоронению
Похоронная процессия и ее участники
Погребальные обряды и ритуалы
Могила и надмогильные сооружения
Поминальные обычаи и обряды
Не знает 1 Имеет ясное представление 3
Слабо знает 2 Очень хорошо знает 4
90. Скажите, пожалуйста, если Вам в последние 3 года пришлось участвовать в похоронах (родственников, друзей, знакомых и др.), то какой похоронный обряд на них соблюдался? (Записать подробно последний случай наблюдения)
- Современный гражданский обряд (с венками, оркестром, речами, памятником и т. п.) 1
Современный гражданский обряд с соблюдением отдельных элементов старинного чувашского (русского) похоронного обряда и религиозных предписаний 2
Старинный чувашский (русский) похоронный обряд с полным соблюдением религиозных предписаний 3
91. Каково Ваше мнение о том, какой обряд следует соблюдать на похоронах?
- Современный гражданский обряд (с венками, оркестром, речами, памятником и т. п.) 1
Современный гражданский обряд с соблюдением отдельных элементов старинного чувашского (русского) похоронного обряда и религиозных предписаний 2
Старинный чувашский (русский) похоронный обряд с полным соблюдением религиозных предписаний 3
Другое мнение (записать) 4
92. Соблюдает ли кто-либо в Вашей семье следующие обряды, обычаи и праздники? (Записать)
- Крестили ли Вы (за последние 5—10 лет) Ваших детей, внуков?
Посещает ли церковь (молитвенный дом) кто-либо из членов Вашей семьи?
Празднуется ли в Вашей семье рождество, пасха, троица, престольный праздник?
Читает ли кто-нибудь в Вашей семье какие-нибудь молитвы?
Имеются ли в Вашем доме иконы?
Носит ли кто-нибудь из членов Вашей семьи нательный крест?
Соблюдаются ли посты?
Венчался ли в церкви кто-либо из молодых членов Вашей семьи?
- Нерелигиозная семья 1
В семье имеются пассивные верующие, но большинство не верит 2
В семье наряду с неверующими есть активные верующие 3
Религиозная семья 4
93. В нашей стране по закону обеспечивается свобода совести. Как Вы лично относитесь к религии? Верите ли Вы в бога?
- Верую 1
Соблюдаю отдельные религиозные обряды, но убежденным (-ой) верующим (-ей) себя не считаю 2
Не знаю, затрудняюсь ответить 3
Сам (-а) я не верую, а к вере других безразличен (-на) 4
Не верую и считаю, что с религией нужно бороться 5
94. Постарайтесь, пожалуйста, назвать богов и духов, характерных для старинной чувашской веры. (Назовите их и опишите)
- Не знает 1 Ясно представляет 3
Слабо знает 2 Очень хорошо знает 4

95. Как Вы думаете, соблюдаются ли в Вашей местности какие-нибудь обычаи и обряды, связанные со старинной чувашской верой? Если да, то какие именно?

Не соблюдаются 1 Иногда соблюдаются 2

Внимание!

Вопрос к верующим и колеблющимся

96. Как Вы думаете, можно ли указать национальность бога? (Записать)

Чуваш 1 Другая национальность 3
 Русский 2 Не имеет национальности 4

Раздел VII

**РАЗРЕШИТЕ ТЕПЕРЬ ПЕРЕЙТИ К ДРУГИМ ВОПРОСАМ —
 О СКАЗКАХ, ПЕСНЯХ И ТАНЦАХ**

97. Постарайтесь, пожалуйста, припомнить, какие Вам известны чувашские (русские) сказки и предания (юмахсемпе халапсем)? (Кратко записать их содержание или названия)

Волшебные и бытовые (карчакпа старик, кёсён ывăл-хёр, салтак, Кукша Иван, Патян, пуп, улпут, пуян финчен)

О животных

Богатырские (улăп, паттăрсем, сёленпе, халăх ташманёсемпе сарăснн финчен)

Предания (ял пусланса кайни, Хусана илни, С. Разин, Е. Пугачев, тёнче, этем, черчунсем, ёс хатёрёсем пулса кайни финчен)

Не известны 1
 Известны, но рассказать затрудняется 2
 Известны и может коротко рассказать содержание 3
 Известны и может подробно рассказать ряд произведений 4

98. Скажите, пожалуйста, какие Вы помните чувашские (русские) народные песни?

Свадебные	Хороводные
Масленичные и т. п. (сăварни, сур-хури, вирём тата ыт.)	При проходах в солдаты
	Колыбельные
	Частушки

Не знает 1
 Знает мелодии и слова менее 7 песен 2
 Знает мелодии и слова 7—15 песен 3
 Хорошо знает мелодии и слова более 15 песен 4

99. Скажите, пожалуйста, какие народные песни и каких народов Вам больше всего нравятся?

Возможны несколько ответов

Чувашские 10	Татарские 02
Русские 04	Другие 01

100. Имеются ли у Вас грампластинки с записями чувашских (русских) народных или современных чувашских песен (или их магнитофонные записи)? (Записать названия народных песен или их начальные слова. Указать, какому народу они принадлежат)

Чувашские песни 1
 Чувашские и русские песни 2
 Русские песни 3

101. Какие чувашские (русские) народные танцы Вы знаете? (Запишите названия танцев)

Сольные (пёччен ташламалли)

Парные (мәшәрләп ташламалли)
Коллективные (ушкәп ташламалли)

Не знает	1
Знает и может показать (объяснить) один танец	2
Знает и может показать (объяснить) 2—3 танца	3
Знает и может показать (объяснить) 4 и более танцев	4

102. Скажите, пожалуйста, какие народные танцы и каких народов Вам больше всего нравятся? (Записать)

Возможны несколько ответов

Чувашские	10	Татарские	02
Русские	04	Другие	01

Раздел VIII

В НАШЕЙ ЖИЗНИ БОЛЬШУЮ РОЛЬ ИГРАЮТ ЛИТЕРАТУРА,
МУЗЫКА, РАДИО, ТЕЛЕВИДЕНИЕ, ГАЗЕТЫ.

РАЗРЕШИТЕ ЗАДАТЬ ВАМ
НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ ОБ ЭТОМ

103. Припомните, пожалуйста, каких чувашских (местных русских) писателей Вы знаете? (Перечислить)

Не знает	1	Знает 4—9 писателей	3
Знает 1—3 писателей	2	Знает 10 и более писателей	4

104. Постарайтесь, пожалуйста, вспомнить, какие произведения художественной литературы и каких писателей Вы прочитали в последние полгода? (Записать)

Для чувашей	Для русских
Зарубежная, литература народов СССР и русская	Зарубежная и литература народов СССР
Зарубежная, литература народов СССР, русская и чувашская	Зарубежная, литература народов СССР и русская
Русская и чувашская	Русская и чувашская
Преимущественно чувашская	Преимущественно русская

105. Назовите, пожалуйста, несколько (желательно не менее 5) любимых Вами произведений художественной литературы. (Записать)

Для чувашей	Для русских
Зарубежная, литература народов СССР и русская	Зарубежная и литература народов СССР
Зарубежная, литература народов СССР, русская и чувашская	Зарубежная, литература народов СССР и русская
Русская и чувашская	Русская и чувашская
Преимущественно чувашская	Преимущественно русская

106. Есть ли в Вашей домашней библиотеке книги по истории и культуре Чувашии и чувашского народа? (По возможности записать названия таких книг)

Нет таких книг	1
Есть в основном художественная литература (слабый интерес)	2
Есть разнообразная — художественная, историческая, краеведческая и т. п. литература (устойчивый интерес)	3

107. Какие газеты или журналы Вы читаете более или менее регулярно? (Перечислить)

Читает газеты и журналы только на русском языке	1
Читает главным образом центральную и республиканскую прессу на русском языке, но также прессу на чувашском языке	2
Читает в равной мере центральную и республиканскую прессу на русском языке, но также чувашские газеты и журналы	3
Читает по преимуществу газеты и журналы по-чувашски, также респуб-	

- ликанские и центральную прессу на русском языке 4
 Читает республиканскую и местную прессу на чувашском языке 5
108. Знакомы ли Вы с современной профессиональной чувашской (русской) музыкой?
 Назовите, пожалуйста, каких Вы знаете современных чувашских (русских) композиторов?
 Какие Вы знаете современные чувашские (русские) оперы?
 Балеты?
 Другие музыкальные произведения?
 Не знает 1 Имеет ясное представление 3
 Слабо знает 2 Очень хорошо знает 4
109. Представьте себе: Чебоксарское радио (телевидение) предложило Вам принять участие в составлении программы концерта по заявкам. Назовите, пожалуйста, какие музыкальные произведения Вы желали бы включить в программу? (Желательно записать 5 или более произведений)
Для чувашей	Для русских
Музыка зарубежная, народов СССР и русская 1	Музыка зарубежная и народов СССР 1
Музыка зарубежная, народов СССР, русская и чувашская . . . 2	Музыка зарубежная, народов СССР и русская 2
Музыка русская и чувашская . . . 3	Музыка русская и чувашская . . . 3
Музыка только чувашская 4	Музыка только русская 4
110. Припомните, пожалуйста, на каких театральных постановках (спектаклях) Вам удалось побывать за последний год? (Записать, на каких именно)
-	
--
Смотрел(-а) только ¹ русские спектакли 1
Смотрел(-а) в равной мере русские и чувашские спектакли 2
Смотрел(-а) преимущественно или только чувашские спектакли 3
Другой ответ 4
111. А какие театральные постановки (спектакли) Вы смотрели по телевизору или слушали по радио за последние 2—3 месяца?
-	
--
Только русские спектакли 1
В равной мере русские и чувашские спектакли 2
Преимущественно или только чувашские спектакли 3
Другой ответ 4
112. Как Вы думаете, достаточно ли передач на чувашском языке ведут Чебоксарские радиостанция и телестудия?
Вполне достаточно, может быть, даже слишком много 1
Пожалуй, достаточно 2
Трудно сказать 3
Пожалуй, маловато 4
Явно недостаточно, следует увеличить количество передач 5
- Люди приобщаются к искусству разными путями. Один из этих путей — художественная самодеятельность. Участвуете ли Вы в художественной самодеятельности? Что именно Вы делаете (исполняете)? (Записать подробно, указать репертуар)
113. Характер участия:
Играю на музыкальных инструментах 1	Декламирую 4
Пою 2	Участвую в спектакле 5
Танцую 3	Участвую в нескольких видах самодеятельности 6
114. Репертуар:
Русский 1	Чувашский 3
Смешанный русско-чувашский . . . 2	Иной (записать, какой именно) . . . 4

Раздел IX

НАША БЕСЕДА ПОДХОДИТ К КОНЦУ. РАЗРЕШИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, В ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЗАДАТЬ ВАМ НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ ИЗ ДРУГОЙ ОБЛАСТИ

115. Представьте себе: к Вам приехал(-а) дорогой(-ая) гость(-я) другой национальности из другой республики (например, украинец(-ка) или эстонец(-ка)), погостил(-а) некоторое время и собирается уезжать. Что Вы подарили бы ему(-ей) на память? (Записать)

Подарок не связан с национальным самосознанием информатора 1
Подарок связан с национальным самосознанием информатора 2

116. Кого бы Вы назвали чувашским (русским) национальным героем?

В прошлом

В наше время

Нет ответа 1

1—2 имени 2

3 имени и более 3

117. По каким признакам Вы узнаете в незнакомом человеке представителя своей национальности? (Записать)

Возможны несколько ответов

По одежде 40	По религии 04
По характерным чертам лица 20	По языку 02
По манере поведения 10	Другой ответ 01

118. Представьте себе, что Вы с делегацией поехали, например, в Болгарию, на обратном пути посетили Киев (Украина), а затем вернулись домой. Всюду у Вас спрашивали о Вашей национальности. Как Вы отвечали бы на этот вопрос?

За рубежом	В другой республике
Гражданин(-ка) СССР	Русский(-ая) 1
Русский(-ая)	Русский(-ая) 2
Гражданин(-ка) СССР	Чуваш(-ка) 3
Русский(-ая)	Чуваш(-ка) 4
Чуваш(-ка)	Чуваш(-ка) 5

119. Вы помните, что мы с Вами уже говорили об основных группах чувашского народа (вирыялах, анат-енчи и анатри). Есть ли какие-нибудь различия между этими группами? Если да, то в чем они состоят? (Записать)

В языке

В одежде, обуви

В украшениях

В пище

В формах гостеприимства

В свадебных и других семейных обрядах

В песнях и танцах

В чертах характера

Не знает 1

Слабо знает 2

Имеет ясное представление 3

Очень хорошо знает 4

120. Скажите, пожалуйста, какие из указанных ниже признаков сближают (роднят) Вас с людьми своей национальности?

Возможны несколько ответов		40	20	10	04	02	01
	Ничто не сближает						
	Национальный язык						
	Национальная одежда, жилище, пища						
	Национальные обычаи, привычки, обряды						
	Народное творчество, сказки, народные песни, предания						
	Национальная литература и профессиональная культура						
							Это сложно выразить словами, трудноуловимое чувство

Раздел X

ВОПРОСЫ К ИНТЕРВЬЮЕРУ (ОБ ИНФОРМАТОРЕ)

121. Как стнесся информатор к беседе?

Серьезно, с полным вниманием и пониманием	1	Настороженно, с опасением	4
Застенчиво, смущенно	2	Раздраженно	5
Иронически, с насмешкой	3	Другой ответ (как именно)	6

122. На какие вопросы информатор отвечал с наибольшим интересом, особенно охотно?

Возможны несколько ответов

О языке	40	О профессиональной культуре	02
О материальной культуре	20	На вопросы о национальном самосознании	01
Об обрядах и обычаях	10	На все без особого интереса	
О фольклоре	04		

Какие вопросы вызвали у информатора затруднения?

Как Вы их преодолели?

123. Национальность интервьюера:

Чуваш(-ка)	1
Русский(-ая)	2
Другая	3

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ, ПРИМЕЧАНИЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Над вопросником работали:

Григорьева Р. А., Гузенкова Т. С., Жидкова С. К., Иванов В. П.,
Каховский Б. В., Кондратьев В. С., Коростелев А. Д., Матвеев Г. Б.,
Пахутов А. Е., Пименов В. В., Родионов В. Г., Фокин П. П.

Научный руководитель исследования В. В. Пименов

При составлении «Вопросника чувашской этнографической экспедиции» использованы отдельные вопросы из опросных листов Ю. В. Арутюняна, В. В. Пименова, Г. П. Белоруковой и Л. С. Христолюбовой, а также Е. И. Клементьева.

Список сокращений

КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
СИ	— Социологические исследования
СЭ	— Советская этнография
ЧНИИ	— Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, этнографии
ЯЛИЭ	

Оглавление

От редколлегии	3
Глава первая	
Проблемы, методы, направления поиска	5
§ 1. Предпосылки исследования (5). § 2. Объект изучения (9). § 3. Структурно-функциональные связи в системе чувашского этноса (15)	
Глава вторая	
Социальная структура чувашского этноса	25
§ 1. Состав и взаимодействие демосоциальных (DS) переменных (25). § 2. Демосоциальные характеристики чувашей и русских: сходство и различие (28). § 3. Социально-классовый и социально-профессиональный состав населения (31). § 4. Социальные перемещения (37). § 5. Некоторые демографические характеристики (45)	
Глава третья	
Межэтнические взаимодействия в социальных микросредах	53
§ 1. Микросреды межэтнических контактов (53). § 2. Роль этнически смешанных микросред (R-факторов) в этнокультурных процессах (61)	
Глава четвертая	
Современные этноязыковые процессы в Чувашии	71
§ 1. Двуязычие и этнос (71). § 2. Этноязыковая ситуация в Чувашии (74). § 3. Языковая (L) компонента (81). § 4. Языковая (L) компонента и этнокультурные переменные (87). § 5. Тенденции и перспективы (88)	
Глава пятая	
Материальная культура чувашей	92
§ 1. Постановка вопроса (92). § 2. Поселения (93). § 3. Жилища (96). § 4. Одежда (102). § 5. Пища (110). § 6. К _м -компонента в системе этноса (113)	
Глава шестая	
Семейные обряды чувашей	121
§ 1. Семейные обряды и их роль в жизни этноса (121). § 2. Свадьба (122). § 3. Родинные обряды (127). § 4. Похоронные и поминальные обряды (129). § 5. Современные семейные обряды в системе этноса (130). § 6. Историческая динамика С-переменных (133)	
Глава седьмая	
Фольклор у чувашей	140
§ 1. Фольклор и проблемы его изучения (140). § 2. Чувашский фольклор и фольклористика (143). § 3. Функционирование фольклора (145). § 4. F-переменные в системе этноса и их динамические тенденции (152)	
238	

Глава восьмая	
Профессиональная духовная культура	155
§ 1. Профессиональная духовная культура как аспект этноса (155).	
§ 2. О функционировании художественной литературы (159).	
§ 3. О музыкальном искусстве (166).	
§ 4. О театральном искусстве (169).	
§ 5. Потребление профессиональной культуры с помощью прессы, телевидения и радиовещания (172).	
§ 6. К _р -компонента в системе чувашского этноса (176)	
Глава девятая	
Русские в Чувашии (об основном этническом партнере чувашей) .	185
§ 1. Проблемы, уровень изученности, социально-этническая ситуация (185).	
§ 2. DS-основание и территориальные (Т) характеристики (188).	
§ 3. Культура и быт: связи и детерминация (197).	
§ 4. Взаимодействие: культура чувашей в русской среде (203)	
Заключение	212
Приложение: Вопросник Чувашской этнографической экспедиции . . .	216
Список сокращений	237

ЧУВАШИ:
современные этнокультурные
процессы

Утверждено к печати
ордена Дружбы народов
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР

Редактор издательства С. Н. Романова
Художник Э. А. Дорохова
Художественный редактор В. С. Филатович
Технический редактор Л. В. Каскова
Корректоры Р. С. Алимова, Т. М. Ефимова

ИБ № 36208

Сдано в набор 04.09.87
Подписано к печати 08.12.87
А-04829 Формат 60×90¹/₁₆
Бумага книжно-журнальная импортная
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 15. Уч.-изд. л. 17. Усл. кр. отт. 15,3
Тираж 3000 экз. Тип. зак. 4282

Цена 3 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

 chuvash-lib.blogspot.ru

 vk.com/chuvashiabooks